

НА КРАЮ

Ирина Ломакина

Пилоты торгового флота — вольные пташки Края Галактики. Они покупают, продают, развозят людей, грузы, а заодно байки и сплетни из первых рук, куда более достоверные, чем официальные новости. Капитан Артемьев — один из них. Край стал ему второй родиной. Он бывает везде, но нигде не задерживается надолго, знаком со всеми, но больше всего ценит одиночество, любит свободу, но лучше других знает ей цену. На одной из планет он берет на борт пассажиров и вскоре оказывается перед выбором — заплатить своей жизнью за свободу Края или за мир для каждого, кто там живет.

Часть 1.

1.

Вот уже неделю я загорал на Красном Небе — как в прямом, так и в переносном смысле. Сначала я еще ходил в бар, поболтать и поделиться новостями, как всегда, но потом мои новости устарели, а болтовня наскучила, так что последние три дня я почти все время проводил возле корабля. Определенная польза в этом была — надо же хоть иногда самому заняться диагностикой и отладкой барахлящих систем, — но большую часть времени я смертельно скучал. Лежал на обшивке, наблюдал за взлетами и посадками и мечтал побыстрее убраться с этой планеты. Небо здесь действительно было красным, и это плохо действовало на мою психику. А заказчик все медлил: обещанный со дня на день транспорт не приходил.

Это был не первый мой постоянный контракт, но, пожалуй, наиболее удачный: я мотался по всему Краю вместо какого-нибудь одного быстро надоедающего маршрута. Мой клиент занимался перепродажей всего и всем, и «Птаха» (не слишком вместительная, но шустрая посудина) как нельзя лучше подходила ему для этой цели. Моя работа заключалась в том, чтобы встречать на планете агентов этого бизнесмена, сдавать с рук на руки груз и тут же оформлять следующий. Я нигде не задерживался дольше, чем на два-три дня. Разумеется, случались и исключения. Иногда они могли быть даже приятными, но к Красному Небу это не относилось. Здесь практически не было местного населения, кроме как в поселках при рудниках, а единственный городок возле космодрома наводил на меня уныние. Заняться тут было совершенно нечем, и оставалось только лежать на обшивке да смотреть в местные зловещие небеса.

Двух человек, прогулочным шагом идущих по полю космодрома, я заметил издалека, и сразу догадался, что они выбирают корабль. Про экипажи торговых кораблей все кому ни лень обожают сочинять байки. Например, почему-то считается, что заказчики договариваются с капитанами в основном в каких-то зланных местах. На самом деле, все происходит немного иначе. Опытный заказчик прежде всего выбирает корабль. Доступ на взлетное поле свободный. И стоит на это поле попасть, становится ясно, на что в данный момент на этой планете можно претендовать. А к капитану уже потом. Называешь в диспетчерской бортовой номер, узнаешь фамилию капитана, и вперед, в трактир, где наш брат так любит отдыхать. «Капитан Хатчинс! Капитан Хатчинс!» Или Соболев, или Мартинес. Свой нынешний постоянный контракт я заключил именно так.

Те двое, что не спеша двигались в мою сторону, время от времени скрываясь в тени кораблей, похоже, как раз искали себе что-то подходящее. Меня это не касалось, но смотреть все равно было больше не на что, и я продолжал наблюдать. Вскоре они подошли совсем близко: мужчина лет пятидесяти и девушка, по виду моя ровесница или чуть моложе. Мужчина был похож на преуспевающего начальника — грузный, хорошо одетый господин, совершенно неуместный на этом взлетном поле. Девушка была высокой, почти как ее спутник, с копной светло-русых волос, слегка курносый носом и большой грудью. Это я рассмотрел, когда они подошли поближе. Она выглядела слегка рассеянной и как будто не очень интересовалась процессом поисков. Видимо, полностью доверяла «папику».

Оба казались уставшими, и неудивительно. От здания космопорта до места стоянки моего корабля было не меньше нескольких километров. «Странно, что они не взяли машину», — равнодушно подумал я, продолжая следить за ними взглядом. Меня они увидеть не могли, я удачно скрывался за выступом обшивки.

Они остановились напротив «Птахи» и о чем-то тихо заговорили. Я вдруг понял, что сейчас они захотят нанять именно меня. И понятно: единственный полугрузовой звездолет на поле... Я не собирался соглашаться и уже хотел сделать вид, что меня нет на корабле, но потом представил, как они пойдут по барам, выкрикивая мою фамилию (которую им, конечно, любезно сообщат в диспетчерской), и передумал.

Мужчина потянулся к сенсорной кнопке возле аппарели. Осторожно, не желая, чтобы меня увидели, я прокрался по обшивке и нырнул в верхний люк, на ходу застегивая рубашку и лихорадочно вспоминая, где валяется мой капитанский китель. Именно в нем я предпочитал общаться с клиентами и с таможенниками, это придавало мне уверенности. Официально формы капитана торгового звездолета не существовало. Но на Краю можно было встретить много всякого, что официально в Союзе не существует.

Синий китель нашелся на спинке капитанского кресла и оказался почти не помят. Экраны внешнего обзора были выключены, зуммер требовательно верещал, извещая о гостях. Я включил экраны и взглянул на неожиданных посетителей. В глаза бросилось их внешнее сходство. Отец и дочь, а вовсе не то, что я сразу подумал? Вполне вероятно. У девушки за спиной рюкзак, старший с легкой сумкой на плече. Не похожи на собравшихся в дальний путь. Оставили весь багаж в гостинице? Вовсе не планируют никуда лететь, а просто хотят передать посылку или письмо? На Краю это было принято. Я вздохнул и отправился вниз выяснять подробности.

— Капитан Артемьев к вашим услугам, — сказал я, спрыгивая на землю и внимательно разглядывая гостей. — С кем имею честь?

— Филипп Бовва, — услышав мою фамилию, мужчина заговорил по-русски. — А это моя дочь, Анна.

Мы обменялись рукопожатиями с Филиппом, Анна ограничилась кивком.

— Откровенно говоря, мы не ожидали застать вас на корабле, — сообщил Филипп. — Хотели навести справки о вашем маршруте у кого-нибудь из членов команды.

— У меня нет команды, — ответил я. — Мой звездолет не рассчитан на большой экипаж. Я летаю один.

— Тем лучше. Мы хотели бы нанять вас, капитан.

— Для перевозки груза?

— Для перевозки нас. Мы прилетели сюда по делу, на один из рудников. Договорились, что корабль — мы наняли яхту — через определенное время вернется за нами. Я заплатил вперед...

Он сделал паузу. Я внимательно слушал, не пытаясь вставить реплику, которой от меня явно ждали.

— Только половину суммы, — поспешил добавить этот уважаемый господин. — Но капитану, должно быть, оказалось достаточно и этого. Он не вернулся.

— Может, его что-то задержало? В космосе многое случается.

— На две недели? — возразил Филипп Бовва. — Даже если вы правы и он задерживается по уважительной причине, оставаться здесь мы больше не можем.

— Я вам сочувствую, — сказал я, — но, к сожалению, ничем не могу помочь. Я не беру

пассажиров, у меня на корабле нет для этого условий.

На самом деле, иногда пассажиры на «Птахе» появлялись, еще в те времена, когда у меня не было постоянного контракта, зато наличествовала постоянная нужда в деньгах. Об этих рейсах я всегда вспоминал с содроганием. К счастью, сейчас у меня не было никакой необходимости брать на борт халтуру.

— Я и не думал найти здесь пассажирский корабль со всеми удобствами, — господин Бовва изо всех сил пытался быть убедительным. — Если честно, нам просто не к кому больше обратиться. Ваш корабль — единственный, на который по закону разрешается брать пассажиров.

Я так и знал, что это будет главным аргументом. Ну да, «Птаха» формально считалась звездолетом среднего класса, и я имел право брать пассажиров. Другое дело, что мне этого не хотелось.

— Я жду прибытия груза по постоянному контракту, — объяснил я, — и его нужно будет доставить по назначению. Я мог бы взять вас на борт, но отклониться от маршрута... — я покачал головой. — Нет. Этот контракт мне слишком дорог.

— Это не проблема, — торопливо ответил Бовва. — Мы согласны лететь на любую планету, где есть шанс пересечь на пассажирский корабль.

Он говорил «мы», но его дочь в беседе не участвовала. Она с интересом разглядывала внутренности «Птахи» и, казалось, вообще не прислушивалась к разговору. Умственно отсталая? Но девчонка словно мысли прочла: поймала мой взгляд и высунула язык. Да нет, нормальная. Я отвел глаза и ответил господину Бовве:

— Я не могу обещать даже этого. Местом назначения может оказаться точно такая же дыра, если не хуже.

— Но когда-нибудь вы попадете на более или менее приличную планету? Мы заплатим за все время пребывания на вашем корабле.

Я усмехнулся. На «Птахе» была только одна каюта — моя. По идее, она предназначалась для двоих, но на практике в ней было бы уютно разве что молодоженам, так что хватало и одного постороннего на борту, чтобы выселить меня в рубку, на раскладную койку. Именно поэтому пассажиры представлялись мне стихийным бедствием даже на время одного рейса. А господин Бовва предлагал летать со мной до тех пор, пока ему не захочется сойти на какой-нибудь планете!

— Есть еще одна сложность, — сухо сказал я. — Я понятия не имею, когда прибудет мой груз. Заключив со мной контракт, вы рискуете задержаться здесь на несколько дней, а то и недель.

— У нас нет другого выхода, — отозвался Бовва. — Мы готовы подождать.

Я пожал плечами. Соглашаться не хотелось. Однако мне было очевидно: Боввы действительно влипли. Конечно, если они очень постараются и переплатят как минимум втрое против цены пассажирского люкса, у них есть шанс улететь отсюда и на большом грузовике — нелегально, разумеется. И без всяких гарантий, что их не высадят без объяснений на какой-нибудь планете похуже Красного Неба. Я посмотрел на Анну. Она по-прежнему выглядела так, будто исход нашего разговора ее не заботил. То ли так доверяла отцу, то ли все ж таки была туповата. Какого черта вас принесло на эту планету именно сейчас, подумал я, мысленно прикинул масштабы собственных неудобств и со вздохом спросил:

— Сколько?

Я не поленился проверить их историю, насколько это было в моих силах, и она в общих чертах подтвердилась. Они действительно прибыли на Красное Небо на космической яхте и почти сразу же покинули территорию космопорта. Вернулись две недели назад, остановились в местной гостинице и каждый день справлялись о прибытии яхты. Я поинтересовался в баре, кто привез их, но капитан яхты туда не заходил, а бортовой номер и название ни о чем мне не говорили. Да и не мог я помнить названия всех частных яхт. С их капитанами мы, торговцы, пересекались редко. Яхты были популярны в Центре.

В общем, я решил поверить своим пассажирам, оформил контракт и предоставил им в пользование свою тесную каюту, а сам перебрался в рубку и принялся плевать в потолок, мечтая об одном — как можно быстрее улететь.

2.

Груз прибыл через два дня — полоса невезения для моих пассажиров закончилась. За все это время они ни разу не покинули корабля, и я их понимал: к прогулкам на свежем воздухе планета не располагала. К тому же, у них было время насладиться здешними видами сполна. Услышав звук зуммера, я снял ноги с пульта управления и включил внешний обзор. У аппарели стоял чернобородый гориллообразный тип по имени Феликс — главный агент заказчика на этой планете. Я пулей скатился вниз и встретил его возмущенным воплем:

— Какого черта?!

— Спокойно, — ответил мне Феликс, доброжелательно щурясь. Насколько я знал этого человека, его невозможно было ни обидеть, ни разозлить. Он безвылазно торчал на этой планете и не сходил с ума. Я не мог этого понять. — Все в порядке. Непредвиденные обстоятельства. Сегодня начнем погрузку. Ты готов стартовать завтра?

— Я был готов стартовать две недели назад!

— Отлично, не кипятись.

Он протянул мне диск со всей документацией на груз и маршрутом. Почти сразу подошли транспорт, заработали погрузчики. Я лично проверял каждый контейнер. Сюрпризы мне были не нужны — в Союзе ответственность за контрабанду делят пополам капитан корабля и владелец груза. Но все было в порядке: в контейнерах был графит, и ничего больше. Графит был главным богатством этой планеты — его использовали в производстве гипердвигателей.

— Куда мы летим, капитан? — спросил Бовва, застав меня в рубке за просмотром документации. Я недовольно оглянулся — ненавижу, когда за моей спиной пялятся в монитор.

— На Антрацит, — ответил я, сворачивая текст. — Два дня полета в гиперпространстве.

— Что это за планета?

— Не слишком приветливая. Точнее, непригодная для жизни. Там только подземные заводы и деловой центр, Антрацит-сити, город под куполом. Видели такое?

— Разве что по визору, — покачал головой господин Бовва. — Надеюсь, у нас есть шанс найти там пассажирский звездолет?

— Разумеется, — кивнул я. — Насколько я помню, там даже есть постоянный рейс куда-то в Центр.

— Один?

— А вы как думали? — я пожал плечами. — Больше обычно не требуется. Это же Край.

— Да-а, Край, — протянул Бовва с нескрываемым отвращением. Я удивленно воззрился на него и впервые спросил себя, какие дела могли быть на Красном Небе у этого уважаемого господина, и зачем, собственно, он притащил за собой дочь? Перенимать семейный бизнес? Не жениха же он ей искал. Девушка производила впечатление пустоватой легкомысленной особы, к бизнесу не способной. А сам Бовва был решительно не похож на человека, желающего вести дела на Краю. Однако он был здесь и что-то там упоминал о делах на Красном Небе.

Должно быть, на моем лице отчетливо отразилось сомнение, и господин Бовва осознал, что сказал что-то не то.

— Тут все иначе, — промямлил он. — Благодарю вас, капитан.

И вышел из рубки.

— Стартуем через два часа, — крикнул я ему вслед. — Будете ложиться спать — не забудьте пристегнуть ремни.

На Красном Небе наступала ночь, но меня это не смутило. Я хотел убраться отсюда немедленно.

На «Птахе» не так уж много пространства, предназначенного для экипажа: узкий коридор, в одном конце которого — каюта и гальюн, в другом — рубка управления, а посередине — кают-компания, похожая на гибрид кухни и столовой. Был еще медотсек рядом с рубкой, но я пользовался им крайне редко.

Благополучно отправив корабль в гиперпространство, я пошел завтракать. Кают-компанию уже облюбовала Анна. Она что-то читала со своего экрана.

— Я собираюсь перекусить, — сообщил я. — Если хотите, присоединяйтесь.

— Спасибо, — она оторвалась от экрана и спрятала его. — Я позову отца.

Бовва пришел почти сразу же, по-хозяйски расположился во главе стола. Я подумал, что ему очень не хватает салфетки за воротником. Интересно, как доченька умудряется терпеть его брезгливую складку у губ и не раздражаться? Лично мне эта складка портила аппетит.

— Как звали капитана, который привез вас на Красное Небо? — спросил я, чтобы поддержать светскую беседу.

— Его фамилия была Белью. Кевин Белью, кажется, так, — ответил Бовва.

— Странно, что он вас бросил.

— Не вижу ничего странного, — у него был вид человека, которому неприятно об этом вспоминать. — Не стоило платить ему вперед.

— Вообще-то на Краю это не принято, — сообщил я.

— Платить вперед? Неудивительно.

— Да нет, мошенничать подобным образом. Считается, что обманывая клиента, рискуешь потерять свою удачу.

Анна фыркнула, не поднимая головы от тарелки.

— Можете не верить, но это так, — я пожал плечами и встал из-за стола. Я не видел ни малейшего смысла их убеждать. Большинство людей почему-то утешает мысль: «Это могло случиться с каждым», а доказательства обратного они воспринимают болезненно. Видимо, не хотят делать следующее логическое предположение — что совершили ошибку. — Если вам что-нибудь понадобится, обращайтесь. Кухня в вашем распоряжении. Инструкция вот.

И я пальцем постучал по панели кухонного комбайна.

Дав понять, что я не сторонник милых семейных обедов, я оставил отца и дочь Бовва допивать кофе и удалился в рубку, наблюдать за неслышимым и неосязаемым движением

корабля в гиперпространстве.

В пути пассажиры почти не донимали меня. Я больше не пытался поговорить с ними по душам, а у них не возникало никаких вопросов ко мне. Они не пили спиртного, не устраивали драк и не напрашивались в рубку «посмотреть, как управляют кораблем». Видел я и такое.

Когда «Птаха» вынырнула из гипера, по корабельному времени было раннее утро. Пассажиры спали в каюте. Я вывел звездолет на орбиту и запросил таможенный терминал. Через несколько минут пришло подтверждение на стыковку, и я целиком сосредоточился на управлении кораблем. Потом вспомнил про китель и поспешил принять официальный вид. Не то чтобы я волновался по-настоящему. Я был чист перед законом, не перевозил ничего запрещенного, а мои документы на груз были оформлены образцово. И все-таки... Малейшее подозрение — и я могу задержаться тут на неопределенное время, пока они будут досматривать каждый контейнер.

Я завершил стыковку и вышел из рубки, чтобы встретить таможенников внизу, у аппарели. За дверью стоял Филипп Бовва. Я чуть не заорал от неожиданности. Рука сама метнулась к внутреннему карману кителя.

Разумеется, у меня было оружие. Во-первых, из соображений безопасности. Я ведь летал один. А во-вторых, капитану торгового судна личное оружие полагалось по статусу. У меня был маленький полуавтоматический «Кольт», и в тире я неплохо попадал по мишеням. Но стрелять по живым людям мне до сих пор не доводилось. Да и пистолет, по правде говоря, остался в рубке. До сих пор у меня не было нужды таскать его с собой.

— Спокойно, капитан, — тихо сказал Филипп Бовва. — Не наделайте глупостей.

— Что вам нужно? — резко спросил я, опуская руку и делая шаг вперед.

Бовва отступил к стене.

— Я просто хотел сказать — не говорите таможенникам, что мы на борту. Никто же не будет проверять.

«Я так и знал! — чуть не заорал я. — Я чувствовал, что дело нечисто!»

— Кто вы такие? — хрипло спросил я.

— Вам не стоит знать. Мы покинем корабль на Антраците, и больше вы про нас не услышите.

— А если я скажу, что вы здесь?

— У вас будут неприятности. Сейчас или позже, точно не скажу. Зависит от... Впрочем, неважно.

Я сверлил его глазами с бессильной злостью.

— И потом, вы все равно не можете причинить нам вред, — сказал Филипп Бовва с улыбкой. — А если вы о нас скажете, это причинит нам большой вред, поверьте.

Знает. Значит, он притворялся, делая вид, что понятия не имеет о пилотских традициях Края. Что-то там иронизировал насчет платы вперед. А на самом деле их никто и не бросал, запоздало догадался я.

— Не обманывайтесь, — тихо сказал я. — Вы плохо знаете наши обычаи. Я не могу убить вас своими руками, но вот выдать властям — легко.

— Не делайте этого, — так же тихо сказал Филипп Бовва.

Я оттолкнул его с дороги и бросил:

— Закройтесь в каюте. И чтобы ни звука.

Я спустился вниз и нажатием кнопки опустил аппарель. Два таможенника поднялись в

кают-компанию, откозыряли мне и представились по всей форме. Я махнул рукой в сторону рубки. Изучая документы, они сыпали стандартными вопросами. Что везем? Откуда? Владелец груза? Пассажиры на борту есть? На последний вопрос я спокойно ответил: «Нет». Бовва был прав: никому и в голову не пришло бы проверять. Тем более на Антраците. И меня, и «Птаху» здесь хорошо знали.

Если бы обман обнаружился, сам факт провоза пассажиров без соответствующей отметки мне ничем не грозил. В Союзе нет государственных границ, а налогами облагаются только грузовые частные перевозки (собственно, и таможенники здесь не таможенники, а скорее транспортные полицейские и налоговые инспектора в одном лице, а таможенниками их называют по привычке). Так что формально я ничего не нарушил. Весь вопрос заключался в том, кто мои пассажиры и почему не хотят регистрироваться на Антраците. Очень интересный вопрос. Но я чувствовал, что не хочу знать ответа.

— В таком случае, все в порядке. Удачной посадки, — таможенники вновь откозыряли и направились к выходу.

— Спасибо.

Убедившись, что они покинули «Птаху», я облегченно вздохнул, вернулся в капитанское кресло и запросил разрешение на посадку.

Судя по царившей на поле суете, на Антраците день был в самом разгаре. Отстегнув ремни, я связался с диспетчерской. Экран осветился. Молодой рыжеволосый парень, даже не взглянув на меня, сказал:

— Будьте любезны, подождите, пожалуйста.

После чего пропал из виду, но забыл отключить микрофон. Я услышал, как он орет на кого-то на чистом русском: «Ну что ты встал?! Ты где должен быть? Вот иди туда и объясняй! И чтобы ни один козел и близко не подходил к диспетчерской! В конце концов, это твоя работа. Что? Да не знаю я!!!»

Парень обернулся к экрану и сказал «Диспетчер слушает». Потом он узнал меня и облегченно улыбнулся.

— Что у вас там происходит, Пит? — спросил я.

— Привет, — отозвался он. — Дурдом у нас происходит, Алекс. Отменены пассажирские рейсы, представляешь?

Я присвистнул и тут же вспомнил о своих пассажирах. Похоже, им не судьба так просто и быстро отсюда убраться.

— А в чем дело? — поинтересовался я.

— Если бы я знал! — Пит оглянулся, словно боялся, что его кто-нибудь подслушает. — Два дня назад прилетел полицейский крейсер Союза, и началась эта катавасия. Да ты сам посмотри.

Он слегка отодвинулся, открывая мне обзор. Огромное окно за его спиной выходило на зал ожидания. Там действительно царил полный бардак. Толпы людей сновали с места на место, некоторые с обреченным видом сидели возле своих вещей, другие одолевали служащих космопорта.

— Это их еще поменьше стало, — сообщил Пит. — Многие разъехались по домам. А этим, похоже, уходить некуда.

— И надолго это? — мрачно поинтересовался я.

— Понятия не имею. Всем сейчас распоряжаются союзные.

— Да, дела, — протянул я. — Может, увидимся вечером? Где всегда.

— Посмотрим, — Пит неопределенно дернул плечом. — Надеюсь, мне удастся отсюда уйти. Я вторую смену сижу. Людей не хватает.

— Ну ладно, — я решил сменить тему. — Кто-нибудь из знакомых здесь?

— А кто тебе нужен? — Пит принялся просматривать журнал. — Садовников прилетел вчера.

— О, Женя, — я улыбнулся.

— Марко. Прилетел три дня назад. Сказал, что ненадолго.

— Отлично. Надеюсь, успею его перехватить. — Марко был таким же волком-одиночкой, как и я сам, и нигде не задерживался дольше нескольких дней. — И что, это всё?

Антрацит когда-то давно находился в русской зоне влияния, а теперь стал одной из свободных планет Края Галактики. Он был непригоден для колонизации из-за ядовитой атмосферы и слишком сильных перепадов температур. Но это не помешало Антрацит-сити стать одним из самых оживленных деловых центров Края. Люди, которые здесь жили, работали на космос и ради космоса. Здесь заключали сделки, оформляли грузы и давали деньги в кредит. Здесь были самые дешевые и удобные ремонтные доки. И народу здесь обычно было куда больше, чем ожидаешь увидеть в городе под куполом, а уж грузовых кораблей — всегда без счета.

— Наверное, не сезон, — усмехнулся Петр. — А может, всех распугал союзный крейсер. Кроме двух торговцев от компании АйТи. Но ты же там никого не знаешь.

Это была почти правда. Я предпочитал иметь дело с частными перевозчиками вроде меня.

Поблагодарив Пита, я вырвал у него обещание позвонить, если ситуация с пассажирскими рейсами прояснится, и попрощался. Он не удивился моему любопытству. Привык, что мы, звездолетчики, вечно собираем сплетни. Но на этот раз меня интересовали не просто новости. Отключив визор, я задумался, что делать с пассажирами.

История с отменой пассажирских рейсов мне не нравилась. Я не помнил, чтобы на Краю хоть раз случалось что-либо подобное. Полицейские силы обычно занимались отловом контрабандистов и пиратов на орбитах планет, а не устраивали облавы на самих планетах. Другими словами, происходило что-то действительно серьезное. Я бы нисколько не удивился, узнав, что полиция в данный момент гласно или негласно проверяет личности всех несостоявшихся пассажиров, а может и всех, кто за последний месяц прибыл на планету. В связи с этим требование Боввы не «светить» их представало совсем в ином свете. Вот что он имел в виду под неприятностями сейчас или потом. Если их ищут, неприятности начнутся немедленно. А если нет, возможна отсрочка.

Похоже, отсрочка мне не светила. Впрочем, я всегда могу не выпускать их из корабля и увезти так же незаметно, как привез. Возможно, так и придется сделать.

Успокоившись на этот счет, я вышел в кают-компанию. Они уже ждали меня. Сидели напряженные, с прямыми спинами. У девушки на коленях рюкзак.

— Куда это вы собрались? — спросил я недобро.

— А вы что, собираетесь нас задержать? — Бовва не испугался. Он больше не казался мне изнеженным господином из Центра. Взгляд у него был стальной, а нервы, похоже, железные.

— Ну-ну, — я сел за стол и демонстративно откинулся на спинку стула. — Скатертью дорога.

— В чем дело, капитан? — Бовва подобрался.

— Пассажирские рейсы отменены. На орбите планеты союзный полицейский крейсер. Анна вздрогнула. Филипп нахмурился и забарабанил пальцами по столу. Все молчали.

— Ну что же вы не уходите? — устав играть в молчанку, спросил я со всем возможным сарказмом.

— Лучше бы нам остаться здесь, — ответил Бовва тихо. — И для вас в том числе.

Я замысловато выругался. Бовва поднял брови, а девушка неожиданно улыбнулась. На щеках у нее были ямочки, а светлая челка то и дело падала на глаза, и она откидывала ее рукой.

— Вы сумеете незаметно вывезти нас с планеты? — спросил Филипп как о чем-то само собой разумеющемся.

— Понятия не имею, — я пожал плечами. — Вообще-то улетающие корабли не досматривают. Только прибывающие. Но с учетом союзного крейсера... Может случиться все, что угодно.

— Допустим, все будет как обычно.

— Тогда я улечу отсюда через несколько дней, получив очередной груз по контракту. Куда — пока не знаю. Как обычно, — уточнил я. — И досматривать меня не должны. Тоже как обычно.

— Хорошо — согласился Бовва. — Нас это устраивает. Вероятно, пассажирские рейсы возобновятся нескоро.

«Устраивает!» Он позабыл спросить, устраивает ли меня их присутствие на моем корабле. А я заранее трясся от злости при мысли, что они будут торчать тут еще неделю, не меньше. А то и дольше, зависит от того, куда намечается гиперпрыжок и можно ли будет их там высадить. Но выпускать их из «Птахи» было куда страшнее. Если их поймают, установить, на каком звездолете они прибыли, труда не составит. Разыскивают их наверняка за что-то серьезное, так что неприятности мне в любом случае гарантированы. И хорошо бы отделаться потерей контракта, а не свободы.

В общем, у меня были причины злиться на отца и дочь Бовва. Но я взял себя в руки и спокойно добавил:

— Вы всегда можете передумать и уйти с корабля.

Не хватало, чтобы они догадались, как мне страшно при мысли, что они покинут «Птаху» и попадутся.

— Спасибо, капитан, — с усмешкой кивнул Бовва.

Ничего не ответив, я встал и вышел в коридор, намереваясь ненадолго покинуть «Птаху», поговорить с людьми и осмотреться. Нет, я не был слишком легкомыслен, доверяя пассажирам. У них просто не было не малейшего шанса что-то испортить. Вход в двигательный отсек заблокирован согласно инструкции, доступ в корабельный компьютер из кают-компания ограничен фильмами и всякой развлекательной ерундой, система управления запускается паролем, а дверь в рубку я предусмотрительно запер.

3.

На этот раз с грузом не было никаких проблем. Я нашел Горчакова, представителя заказчика, там же, где и всегда — у стойки в баре космопорта. На Антраците так гораздо практичнее вести дела, чем нанимать офис, объяснил он мне когда-то. Документы на очередную партию были уже готовы. Я спросил про пункт назначения и хмыкнул — Алдан,

еще одна планета-рудник, и тоже в бывшем русском секторе. Возможно, пассажиры предпочтут дождаться возобновления рейсов с Антрацита.

— Ты знаешь, из-за чего сыр-бор? — спросил я Горчакова. — Я про отмену рейсов.

— Понятия не имею, — покачал он головой. — Не слышал, чтобы об этом болтали.

Похоже, кого-то ищут.

— Кого?

— Да мало ли, — Горчаков пожал плечами. — Может, преступник из союзной тюрьмы удрал.

— Да ну? — я засмеялся. — Еще скажи, что случился массовый побег с каторжных рудников!

— Можно подумать, не бегали, — Горчаков рассмеялся и подмигнул мне. — Если об этом не сплетничают в забегаловках, это ни о чем не говорит.

Настал мой черед пожимать плечами. Наверное, Горчаков был прав. Но за десять лет жизни на Краю и постоянных полетов туда-сюда я привык, что сплетни оборачиваются правдой куда чаще, чем принято считать, а если о чем-то не говорят, то этого, вероятно, и в самом деле не существует, что бы там не рассказывали в газетах. Сначала я удивлялся, а потом привык. В мире, где информация частенько передается из уст в уста, сплетням невольно начинаешь придавать особое значение. Именно так обстояли дела на Краю Галактики.

— Когда разгрузка? — спросил я.

— Да когда хочешь. Я закажу погрузчик.

— Тогда через два часа, хорошо?

И я отправился на поиски сплетен в мой любимый бар на Антраците. Я не очень рассчитывал застать там знакомых — было слишком рано для пьяных дебошей. Но, по крайней мере, я мог перекинуться парой слов с барменом и выпить кружку пива. Мне позарез требовалось расслабиться. Я чувствовал себя так, будто скрываюсь от погони.

В баре действительно было почти пусто.

— О, Леша! — приветствовал меня сам хозяин (пока не было наплыва посетителей, он частенько сам стоял за стойкой). Мы хорошо знали друг друга. — Как всегда?

— Угу, — я уселся напротив. — Космопорт стоит на ушах, ты в курсе?

— О да. Кто-то сегодня уже забегал с этой новостью. Полиция отменила пассажирское сообщение, верно?

— Именно так. И мне это не нравится.

— Это никому не понравилось, мальчик. Множеству людей пришлось изменить свои планы.

Владимир Николаевич Орлов был лет на двадцать старше и на этом основании считал меня мальчишкой. Кроме того, он родился на Краю, в отличие от меня. И успел повидать многое.

— Как ты думаешь, что случилось? — спросил я.

Владимир качнул головой:

— Не знаю, Алешка. Последний раз пассажирские рейсы отменяли на Судьбе, когда объявляли карантин. Семь лет назад.

— Да, но я слышал об этом. Тогда планету просто взяли в кольцо и не выпускали ни один корабль. А здесь об отмене грузовых перевозок пока речи нет.

— Об этом я и говорю. Меньше всего такие мероприятия похожи на предупреждение

серьезной угрозы.

— Горчаков, человек моего клиента, говорит, что это похоже на облаву.

— Скорее на внеплановую проверку. Выявление нелегалов, так сказать.

Я поежился. У меня были подозрения, что нелегалы здесь ни при чем и что полиция ищет совершенно конкретных людей. Но я все же спросил, чтобы поддержать разговор:

— Зачем это кому-то понадобилось?

— Странно, что ты задаешь этот вопрос, — Владимир внимательно посмотрел на меня. — Ты же сам говорил, что когда-то жил в Центре. Там-то это в порядке вещей. Может, кто-то решил навести порядок и здесь.

Мне стало не по себе. Я жил на Краю Галактики именно потому, что у Союза не доходили руки навести здесь «порядок». И я терпеть не мог отчитываться в своих передвижениях. На мой взгляд, в Центре любой человек похож скорее не на человека, а на муравья под увеличительным стеклом. Но мне всегда казалось, что для того, чтобы устроить такое на Краю, у Союза попросту не хватит полицейских. О выборочных проверках я как-то не подумал.

— Ты чего, Леша? Замечтался?

Я вернулся к реальности и сделал глоток пива из кружки.

— Насколько я помню, у нас в Союзе свобода пребывания и жительства. Такое демократическое право, наши предки, говорят, за него когда-то боролись.

Владимир засмеялся.

— Никогда не мешает знать, кто предпочитает такую свободу больше других. Кроме того, это для нашей же пользы, помнишь? Государство — полезное изобретение.

Я невесело усмехнулся:

— Полагаю, следует ждать облавы и на грузовики?

— Следует ждать чего угодно, мальчик. И особенно облавы на грузовики. Но, по-моему, ты принимаешь все это слишком близко к сердцу. Ты вроде в ладах с законом?

Я кивнул.

— Абсолютно чист и ни в чем не замешан.

Я вспомнил двух нелегальных пассажиров на своем корабле и добавил:

— Насколько это возможно, конечно.

Несколько минут мы молчали. Пиво закончилось.

— Повторить?

Я взглянул на часы.

— Мне пора. Разгрузка, — пояснил я. — Появится Женька Садовников или Марко, передай, что я здесь.

— Придешь вечером?

— Если не попаду в облаву, — грустно пошутил я. На душе было мерзко.

Закончив с разгрузкой, я вернулся в бар и на этот раз застал там обоих приятелей. Разговор шел все на ту же тему. Я вяло поприветствовал друзей и заказал коньяк. Пива не хотелось.

— Володька вечно что-нибудь наплетет, старый хрен, — говорил Садовников. — Никакая это не выборочная проверка. Можно подумать, им заняться нечем. Наверняка вышли на какого-нибудь пиратского барона, которого зачем-то занесло на Антрацит.

— Не похоже, — Марко задумчиво пожевал губами. — Чего пиратскому барону делать на Антраците? Но в остальном я с тобой согласен, Женя. В выборочную проверку верится с

трудом.

— А ты чего такой встревоженный? — заметил Женька — Володя сказал, союзный крейсер крепко подпортил тебе настроение. Тебе-то что? За бедных пассажиров переживаешь?

— Нет, за себя, — все так же вяло откликнулся я. — Скоро и нас запретят.

— Типун тебе на язык, — искренне возмущился Женька. — Ну, устроят какие-нибудь новые проверки или дополнительные правила введут. Ты ж все равно на каждом углу отмечаешься.

— Не сравнивай, — возразил я. — Совсем не на каждом углу. Сам знаешь, кое-где и терминалов-то не поставили. А где поставили, только груз и проверяют, а не мое право на какой-нибудь планете находиться. И мне нравится, что если я порожняком приду и решу по этому поводу нигде не отмечаться, мне за это ничего не будет. В Центре все иначе. Вот там действительно на каждом шагу отмечаться требуется, просто так, чтоб свою лояльность лишней раз доказать.

— Успокойся, — Женька подвинул мне тарелку с нарезанным лимоном в качестве закуски. Моя хроническая нелюбовь к Центру была ему хорошо известна. — Пей. На Краю такие порядки еще не скоро доберутся. Я понимаю, все это неожиданно и очень подозрительно, но, в конце концов, нас это не касается. А если и коснется... Лично мне скрывать нечего.

Я вздохнул. Они хорошие ребята, мои добрые приятели и коллеги по нашему беспокойному ремеслу, но они родились и выросли на Краю Галактики. И вряд ли я сумею им объяснить, как противно быть муравьем под увеличительным стеклом.

Я вернулся на «Птаху» под утро. Женька высадил меня из взятого напрокат авто, напомнил про дыхательную маску (взлетное поле было прикрыто куполом, но по инструкции маска вне жилых зон была обязательна), махнул рукой и покатил дальше, к своей посудине. Поднимаясь в рубку, я едва подавил тревожное чувство — не случилось ли чего? Но, заглянув в кают-компанию, я обнаружил, что тревожился зря. Анна сидела за монитором и самозабвенно резалась в Real Monsters. Заглянув ей через плечо, я обнаружил, что дела у нее идут весьма неплохо... для девушки.

— Играла в такое раньше, да? — спросил я, нажимая кнопку на кофеварке и стараясь не слишком откровенно смотреть ей в вырез блузки. Следовало немного прийти в себя.

— Играла, — ответила Анна и отбросила челку, упавшую на глаза. — Который час, капитан?

— На Антраците? Полседьмого утра. Ты что, не спала всю ночь? — сообразил я. — Режим сбился? Бывает. Нужно хотя бы дня три, чтоб привыкнуть. Я, например, спать ложиться не собираюсь.

— Нам еще долго здесь торчать? — спросила Анна.

Я отхлебнул кофе и задумался. Очередной груз — какие-то детали — Горчаков обещал загрузить завтра, то есть уже сегодня. Спешки с его доставкой не было никакой. На задержки в два-три дня мой наниматель смотрел философски, понимая, что экипаж торгового звездолета — живые люди, и иногда им хочется отдохнуть от космоса и развеяться. Недолго, денек-другой. Так что я вполне мог позволить себе задержаться на Антраците, узнать, чем закончится эта история с отменой рейсов и — чем черт не шутит — тихонько сплавить пассажиров. Не вечно же здесь будет торчать союзный крейсер. Любая облава или проверка рано или поздно заканчиваются. Но, с другой стороны, чем дольше эти двое находятся на

«Птахе», тем большими неприятностями это может для меня обернуться.

— Я спрашиваю, надолго мы здесь? — напомнила Анна и снова откинула челку с глаз. Глаза у нее были зеленые.

— Пара дней, — сказал я, — и, рейсы возобновят. Я не хочу везти вас на Алдан.

— Там пассажирских рейсов вообще нет, верно?

— Угу.

— Тогда, возможно, вы и правы, — вежливо ответила девушка и вновь уставилась в монитор. — Ах, черт!

Я понял, что она только что пропустила удар, и не стал мешать. Отправился напрямик в трюм — готовиться к погрузке и проверять, все ли в порядке. Потом мне пришло в голову лишний раз запустить системную диагностику. Естественно, тут же нашлась парочка мелких неполадок, и спать расхотелось окончательно. На механика я решил не тратить и сам полез на обшивку — барахлали камера внешнего обзора. Вернувшись на корабль, Анну в кают-компании я уже не застал, зато там сидел ее отец. С выражением непереносимой скуки на лице он пил кофе.

— Анна сказала, что вы собираетесь задержаться на несколько дней, — сказал он, увидев меня.

Я кивнул.

— Надеемся от нас избавиться?

— А вам нравилось путешествовать в таких условиях? В тесноте да не в обиде?

— Вы правы, здесь не очень удобно. — Он помолчал. — Но есть одна проблема. После визита союзного крейсера мы вряд ли сможем улететь пассажирским рейсом.

— Я так и знал! — на этот раз я сказал это вслух. — Полицейские прибыли не с обычной проверкой! Они ищут вас, и теперь у служб космопорта и у местной охраны есть ваши данные?

— Примерно так, — согласился Филипп Бовва. — Наши имена в черном списке.

— Разве это проблема? Раздобудьте поддельные документы.

— Вы полагаете, на Антраците это так просто?

— Не сложнее, чем везде, — я пожал плечами. — Если места знать.

Бовва усмехнулся.

— А вы не так просты, капитан. Не подскажете, куда обратиться?

— Обойдетесь, — буркнул я.

— Конечно, обойдемся, — спокойно сказал Бовва. — Информация распространяется со скоростью звездолета, а это очень, очень медленно. Высадите нас на какой-нибудь людной планете, куда пока не добралась полиция Союза и где мы сможем затеряться. Или мы уйдем прямо сейчас. Разберемся как-нибудь и без вашего участия.

Он цепко смотрел мне прямо в глаза, и я понимал: мне его не обмануть. Он уже догадался, что мне дорога моя репутация, моя работа и моя свобода, и я сделаю все, чтобы моих случайных пассажиров не нашли или нашли там, где не смогут связать со мной.

— Я отвезу вас на Алдан. А там посмотрим, — ответил я как можно холоднее.

— Спасибо! — Каждый раз его благодарность звучала как издевка. — И еще одна просьба, капитан. С корабля есть доступ в сеть Антрацита?

Я покачал головой. Доступ в сеть, разумеется, был, но я не такой идиот, чтобы разрешать этим доступом пользоваться.

— Я всего лишь хотел почитать новости из Центра, — он снова усмехнулся.

Я показал на монитор:

— Поищите местное ТВ, здесь есть двадцатичетырехчасовой информационный канал плюс несколько союзных. Новости опаздывают всего на пару суток.

По лицу Боввы было ясно, что ему этого мало, но большего я предложить не мог. Он сухо кивнул и направился в каюту.

— Можете прогуляться в космопорт, там есть общественные терминалы. Пароль не нужен, — бросил я ему в спину. — Если не боитесь.

Я думал, он ответит мне что-нибудь язвительное, но господин Бовва не обернулся. Я пожал плечами и отправился наблюдать за погрузкой. Дыхательная маска все время соскальзывала — кажется, я повредил ремень, пока занимался ремонтом. Грузчики косились на меня с неодобрением, наблюдая, как я, придерживая одной рукой респиратор, другой пытаюсь руководить их действиями. Наконец этот кошмар закончился, и Горчаков увез меня в бар, отмечать окончание тяжелого труда.

— Дай сюда, — сказал он, едва мы вошли в жилую зону.

Он отнял у меня маску, что-то там подправил, подкрутил и протянул мне.

— Ты слишком легкомыслен для звездолетчика, — сообщил он. — Разве тебя не учили, что кислородная маска иногда спасает жизнь?

— Учили, — согласился я. — У меня даже целый скафандр есть. И инструкция, в каких случаях его надевать. До сих пор мне не пришлось ее применять. А на планетах с нормальным воздухом я вообще хожу без маски, представляешь? Такое бывает.

Горчаков рассмеялся:

— Так выпьем же за пригодные для людей планеты! Раз уж они бывают.

— Тогда второй тост — за космический вакуум, — хохотнул я. — Он уж точно бывает, без сомнений.

Мы чокнулись и выпили и за то, и за другое. А потом за тех, кого с нами нет и уже не будет — не чокаясь, по древней традиции. И я почувствовал, как напряжение последних дней меня отпускает. Должно быть, организм приспособился к существованию в моей жизни двух новых раздражающих факторов — Филиппа и Анны Бовва. В конце концов, я был космическим пилотом и каждый день рисковал жизнью, не задумываясь об этом. Теперь я рисковал еще и свободой. И контрактом. И «Птахой». Но постепенно начал привыкать и к этому.

4.

На «Птаху» я вернулся глубокой ночью, но не успел запереть дверь рубки. Заверещал зуммер. Я кинул взгляд на экран — под аппарелью стоял Женька, неузнаваемый в дурацкой кислородной маске. Вздохнув, я опустил аппарель и спустился вниз. Приглашать его в гости я по-прежнему не собирался. К счастью, он был все на том же прокатном авто. Мы сели в машину.

— Я уже пьян и пить больше не хочу, — сообщил я, снимая маску. И тут заметил, что Женька вовсе не похож на человека, который приехал пригласить меня на вечеринку. — Что-то случилось?

— Не уверен, — ответил он. — Но я все же решил тебе сообщить. Мы пили только что с одним парнем, он сегодня вечером прилетел с Красного Неба. Ты ведь как раз оттуда, я не путаю?

— Не путаешь, и что? — мне показалось, что я задыхаюсь, хотя в машине было достаточно воздуха.

— Там высадился полицейский десант. Я прикинул по времени — почти сразу после того, как ты улетел.

— А я причем? — холодно спросил я. Мне очень не нравился испытующий Женькин взгляд и дрожь в собственных руках. — погоди! Как этого — десант?

— А вот так. Мы тоже очень удивились. Но ему незачем врать. Проверяли все корабли, вывернули наизнанку космопорт. Искали двух преступников, как они сказали. Эти двое несколько недель жили в портовой гостинице, а потом исчезли. Похоже, улетели, хотя ни одного пассажирского корабля на космодроме в это время не было. Кроме твоего. Ты случайно не взял их, а, Леха? Леха, очнись! Это был ты, да?

— Нет, — онемевшими губами сказал я. — Я их не взял. Отказался. Улетели на грузовом, делов-то.

Я расспрашивал о них, вертелась в голове мысль. Это многие вспомнят — диспетчер, бармен. И, разумеется, не станут скрывать.

— Полицейские составили список всех кораблей, которые улетели за это время с планеты, и сказали, что проверят каждый корабль, слышишь, каждый! А значит, и твой. Видно, эти преступники натворили что-то очень серьезное. Я уверен, именно из-за них отменили рейсы. Наверное, их ищут по всему Краю.

— Наверное, — я слегка пришел в себя. — Спасибо, что предупредил. Я их не брал, но к допросу лучше быть готовым. — Я потянулся к двери.

— Маску надень! — напомнил Женька.

Захлопнув дверцу машины, я оглянулся. Женька смотрел на меня встревоженно и сочувственно. Он мне не поверил, вдруг понял я. Но и помощь не предложил. Впрочем, он прав. Мне уже ничто не поможет. Меня будут искать в первую очередь, и крейсер с Красного Неба вот-вот будет на орбите. Не многовато ли союзных полицейских для маленького Антрацита? Я попытался усмехнуться, но у меня не получилось.

Как во сне я поднялся в рубку, вытащил пистолет из ящика под панелью управления и постучал рукояткой в дверь пассажирской каюты.

Филипп Бовва открыл и моментально догадался о том, что случилось.

— Успокойтесь, капитан, — сказал он. — Вы сами сказали, что не можете нас убить.

— Зато я могу вышвырнуть вас с корабля немедленно! — прошипел я. — Наш контракт был выполнен в момент прибытия на Антрацит. Вы мне заплатили. Я вам ничего не должен. Убирайтесь!

— Что случилось, капитан?

Он прекрасно видел, что меня трясет. А у меня никак не получалось взять себя в руки. Я опустил ствол, прекратив позорно махать им перед носом Филиппа Боввы.

— На Красном Небе побывал полицейский десант и искал там вас. А теперь ищут всех кто мог увезти вас оттуда. И я, очевидно, первый в списке.

— Вон оно что... — Бовва чуть отступил от двери. Каюта была такой крошечной, что пятиться дальше было некуда. Я остановился на пороге. Анна села на кровати, запахнула на груди просторную рубашку и посмотрела на меня с непонятным выражением на лице, какой-то смесью тревоги и вызова. Мне опять показалось, что она ведет себя как-то странно. Может, наркотики? И весь сыр-бор из-за нее?

— Вас не должны найти на моем корабле, — сказал я срывающимся голосом. — Я

предпочел бы и сам обратиться отсюда, но это бесполезно. Рано или поздно они меня догонят. Так что пусть проверят и убедятся, что никаких пассажиров на Красном Небе я не брал.

— Куда же мы пойдём? — удивленно спросил Бовва. — Во всех гостиницах просят документы. Да и где скрыться в городе под куполом?

— Мне плевать! — Это был уже крик.

— Я понимаю ваши чувства, — заговорил Филипп с издевательским сочувствием. — Но если нас схватят на Антраците, полиции не составит труда понять, кто именно нас сюда доставил. Что-то других кораблей с Красного Неба я тут не наблюдаю.

Я понял, что он прав. Только что прибывший капитан, поделившийся с Женькой информацией, был не в счет, его проверили. Я застыл на пороге, прекратив бездумно махать пистолетом. Анна хихикнула. Ну точно идиотка. Я бросил на нее быстрый взгляд. Она сдула челку со лба и подмигнула мне. Я покраснел, но не от смущения, а от стыда за свою истерику.

— Пойдемте в кают-компанию. Там поговорим, — предложил Бовва.

Я кивнул и попятился, давая им дорогу.

— Вы меня обманули, — заговорил я, когда мы устроились за столом в кают-компании, будто на военном совете. — Не дали себя зарегистрировать на полете. Это была моя главная ошибка. До этого момента я мог смело заявлять, что ничего не знаю и ни в чем не участвовал, что бы вы не натворили.

Отец и дочь Бовва как-то нехорошо переглянулись, но я решил не уточнять, в чем именно они со мной не согласны.

— А теперь поздно! — закончил я свою мысль. — Я провез вас тайком, укрывал на корабле. Я уже соучастник. И не меньше вашего заинтересован, чтобы союзная полиция не нашла вас ни здесь, ни вообще.

Они синхронно кивнули, соглашаясь с ходом моих рассуждений. И даже не возражали, что специально поставили меня в такое положение!

— Сами подумайте, капитан, — заговорил Филипп. — Где можно скрыться так надежно, как на подобном корабле. Вы летаете по всему Краю, нигде не задерживаетесь надолго, не обязаны декларировать пассажиров. Вы вообще мало что обязаны делать, как бы вы тут не жаловались на полицейский произвол. Вы идеальное прикрытие. Мы не могли им не воспользоваться. Но насчет соучастия вы зря так переживаете. Мы вас заставили, это было принуждение. За это не судят.

— Но лицензию отобрать могут, — горько заметил я. — И корабль конфисковать в счет ущерба, нанесенного бюджету Союза Планет. Из расчета за каждый лишний день ваших розысков.

Бовва промолчал. Ему нечего было возразить.

— И к тому же, — добавил я, — вы не все просчитали. Например, что полиция пожелает проверить каждый корабль с Красного Неба.

— Там сотни кораблей! Мы не ожидали, что это будет так быстро.

— Думали, у Союза не хватит полицейских крейсеров? — горько пошутил я. — А мне что делать, а? Надежно спрятать вас на корабле я не смогу. Его обыщут вдоль и поперек, уж будьте уверены.

— У вас нет тайников для контрабанды?

— Нет. Но их тоже обыщут.

Анна засмеялась. Все это время она, как обычно, молчала. А теперь засмеялась. Я

посмотрел на нее, как на сумасшедшую, и она снова мне подмигнула. Я отвел глаза. Эта девушка начинала меня пугать.

— На Антраците прятаться негде, — резюмировал Бовва. — Возможно, вы правы, капитан, и нам действительно лучше уйти. Других вариантов я не вижу. По крайней мере, нас найдут не сразу, а вам удастся очистить ваше имя от подозрений и спокойно улететь.

— А потом вас все-таки поймают здесь, и я опять окажусь под подозрением, — сказал я и замолчал, пораженный внезапной идеей.

— Вас не должны обнаружить, — сказал я медленно. — Это мой единственный шанс. Если корабль и планету проверят и ничего не найдут, у них не будет повода меня задерживать. Я смогу забрать вас отсюда и высадить там, где вы сможете скрыться. На большой густонаселенной планете земного типа.

Филипп Бовва кивал на каждое мое слово. Анна со скучающим видом разглядывала немного стершийся на кончиках ногтей маникюр. Она меня раздражала.

— Вы рассуждаете безупречно логично, капитан, — сказал Бовва, и это опять прозвучало издевательски, наверное, из-за нарочитой вежливости. — Остался лишь один вопрос: как сделать так, чтобы нас не обнаружили ни у вас на корабле, ни на планете. У вас есть идеи?

Он смотрел на меня. Анна отвлеклась от маникюра, вскинула голову и тоже взглянула на меня, словно спрашивая: «Ну-ка, ну-ка, что же ты предложишь?» Я молчал. У меня была идея, но я не решался ее озвучить.

Я собирался воспользоваться частью отцовского наследства.

5.

Отец называл их Братством Тени и уверял, что они способны материализоваться чуть ли не из воздуха, стоит только определенным образом выйти с ними на связь. И, разумеется, выполняют любое желание, как и положено джиннам из бутылки. О том, что они так же опасны, я догадался и сам. Незадолго до смерти отец сообщил мне индивидуальный пароль, или код доступа, как он сам это называл, и поведал о нескольких способах связи с Братством.

Он никогда не рассказывал, за какие заслуги удостоился этого тайного знания, а я не спрашивал: сначала был слишком мал, чтобы всерьез интересоваться такими вещами, потом отец умер, а мама... Она могла что-то знать, но когда я созрел для подобных вопросов, ответы меня уже не интересовали. В юности у меня были все комплексы сына выдающегося деятеля, главного борца за независимость планеты — я хотел жить исключительно своей жизнью и не желал ничего знать о делах отца. Я добился своего — после смерти родителей уехав со Шторма. С тех пор у меня не было политических взглядов. А пароль остался.

Отец утверждал, что это Братство — самая могущественная организация в Галактике, при этом спецслужбам Союза ничего о ней не известно. Я же был склонен думать, что это и есть спецслужба Союза, еще более опасная и влиятельная, чем все прочие. Современные технологии при правильном применении способны творить чудеса, а если представить себе, что некоторые изобретения не получили широкого распространения и оказались доступны лишь членам Братства... Тут было где развернуться фантазии, но как-то не было повода фантазировать.

Теперь повод появился, но гадать было некогда. Я инстинктивно чувствовал, что влип

по-настоящему. Ясно, что у меня на борту не тривиальные уголовники. Понятия не имею, в чем они замешаны, но не исключено, что речь идет не только о свободе, работе, звездолете, но и о моей жизни. Кое за что в Союзе и смертная казнь полагается. А еще бывает тихое устранение свидетелей, которые случайно узнали лишнее. Я не хотел оказаться среди тех неопознанных трупов, что порой находят на орбитах планет.

Конечно, я мог избежать этого и другим способом. Убить отца и дочь Бовва, а тела выбросить в глубокий космос, где их не отыщут никогда. Наш контракт завершен, и традиции капитанов Края Галактики их больше не защищают, но до них, похоже, это не дошло, поэтому они так спокойны. Мне не составит труда заставить их врасплох. Но это в теории. На практике, чтобы убить двух человек, мне требовалось нечто большее, чем банальный страх за свою шкуру. Возможно, я застрелил бы их, обороняясь. Но они ведь на меня не нападают. Напротив, чинно ждут, когда я придумаю какой-нибудь неожиданный вариант спасения. Это было даже приятно, не скрою. Не из-за этого, но... В общем, я не мог их убить.

Зато я мог сбежать. В пиратском флоте Края «Птахе» наверняка нашлось бы место. Стать контрабандистом, сменить имя и документы, поменять данные на корабль — не самая заманчивая перспектива, но точно лучше смерти или тюрьмы. Я знал людей, которые помогли бы мне, не задавая лишних вопросов. Но это означало отказ от всей моей прежней жизни. А я к ней привык. Я любил эту жизнь, в конце-то концов! И я был просто обязан попытаться сохранить хоть что-то.

Смущало одно. Насколько я представлял себе, вещи, подобные этому коду доступа, обычно не переходят по наследству. Отцу разрешили передать мне код, или он действовал на свой страх и риск? Я точно не знал и в том числе по этой причине долгие годы не вспоминал о подобном «прикрытии».

Я и сейчас не был уверен, что поступаю правильно. Мне было страшно. Я вытер пот с лба и тихо сказал Филиппу и Анне Бовва:

— Да, у меня есть одна идея. Не обещаю, что это безопасно, но другого варианта не вижу. Все, что требуется от вас, это молчать.

Я зашел в рубку, щелкнул тумблером связи с космопортом и произнес бессмысленный набор букв и цифр. Я был готов к тому, что услышу насмешливый голос диспетчера и предложение проспаться. Но ничего такого не случилось. В наушниках была тишина. Потом запищал визор. Я вздрогнул и включил экран. На меня смотрел сухощавый, коротко стриженный мужчина без возраста, одетый как не слишком дисциплинированный офисный работник — в рубашке, пиджаке, но без галстука.

— Слуга Тени рядом, — сказал он совершенно обычным тоном, без всяких завываний и тому подобного. — По какому праву ты звал?

Это мог быть какой-то ритуал или же самый обычный вопрос. На всякий случай я решил отвечать как можно более «ритуально», постаравшись скопировать его будничным тон.

— По праву сына, — сказал я. — Мой отец, Олег Артемьев с планеты Шторм, передал мне этот код перед смертью и объяснил, как с вами связаться. Меня зовут Алексей Артемьев.

— Я слушаю тебя.

Я облизал пересохшие губы и позволил себе немного расслабиться.

— Мне нужно спрятать двух человек. Если их найдут на моем корабле или на этой планете, полагаю, обычными неприятностями дело не ограничится. Их активно разыскивает

полиция Союза. Они обманом втянули меня в свою игру, я понятия не имею, за что их разыскивают, и не хочу этого знать. Я лишь хочу, чтобы с меня сняли подозрения. Для этого они должны временно исчезнуть.

— Хорошо. Жди.

Экран погас. Я вытер холодный пот. Чего ждать, откуда? Что у них за мощь, раз они не боятся ничего? И как, скажите пожалуйста, можно за тридцать секунд узнать номер моего визора? «Не будь наивным, — возразил я сам себе. — Такие вещи выглядят впечатляюще, но объясняются очень просто. Никакой мистики. Он ведь звонил по визору, а не висел в воздухе в виде голограммы. Ничего страшного не происходит».

Сколько именно придется ждать, таинственные спасители не сказали, и я решил потратить это время на объяснение ситуации отцу и дочери Бовва. Я вернулся в кают-компанию и остановился на пороге. Выглядел я, должно быть, живописно: взъерошенный, с позабытым пистолетом в руке, не снятым с предохранителя, и с нехорошим блеском в глазах.

— Собирайтесь, живо, — приказал я, тыча пистолетом в сторону каюты. — Соберите все. Чтоб духу вашего не было в каюте!

Они без слов поднялись и выполнили приказ. Я пошел за ними и, стоя в дверях, наблюдал, как Анна с равнодушным видом укладывает в рюкзак какую-то одежду. Вещей у них, к счастью, было немного. Филипп накинул куртку, взял сумку и сел на койку с видом арестанта. Собрать ему было нечего.

— Сейчас за вами придут, — сказал я. — Я нашел способ вас надежно спрятать.

— И куда вы собрались нас засунуть? — иронично поинтересовался Бовва. — Надеюсь, не в какой-нибудь грязный грузовой трюм?

— Грузовые трюмы тоже проверят от и до, можете не сомневаться, — я криво усмехнулся. — Так что нет. Я собрался засунуть вас в Братство Тени.

Сам не знаю, какой реакции я ждал на мои слова. Как минимум, они были обязаны ужаснуться. Или не понять, о чем речь. Но они, должно быть, слышали о Братстве. Анна по-мальчишески присвистнула, а ее отец неожиданно расхохотался.

— А вы не так просты, капитан! — повторил он. — Кто бы мог подумать? — Он заговорил сам с собой, словно забыв обо мне. — Сколько возможностей!

— Никаких возможностей! — грубо ответил я. — Особенно для вас. И будьте осторожнее. Я сам не очень понимаю, с чем имею дело, — признался я.

— Не волнуйтесь, — похоже, Бовва только и делал, что успокаивал меня. — Если вы назвали код и он был принят, ничего плохого с нами не случится. Разве что вы сами попросите.

— Пока я прошу вас спрятать. Но не злите меня.

Бовва опять рассмеялся, даже не догадываясь, что именно этим меня и злит. Или не верил, что я способен выполнить угрозу.

В рубке заверещал зуммер. Гости прибыли.

Я вручил пассажирам дыхательные маски и подтолкнул их к выходу.

Они уже были здесь: несколько таких же безликих мужчин в обычной неприметной одежде, мимо пройдешь — не оглянешься. Лица закрывали кислородные маски. Я оглянулся и заметил невдалеке машину. Она медленно подъехала ближе, почти вплотную к аппарели. Миг — и мои пассажиры исчезли внутри. Стекла в машине были черными. Мне стало страшно. Один из Слуг Тени приблизился, и мне показалось, что я узнал того, кто говорил со

мной по визору. Я постарался, чтобы мой голос звучал как можно более уверенно.

— Я свяжусь с вами, когда смогу их забрать.

Отец объяснил мне как-то, что человек, владеющий паролем, именно так должен говорить с ними — чуть ли не приказным тоном.

— Если же со мной что-то случится... — Я запнулся; мне не хотелось об этом думать. — Тогда можете отпустить их на все четыре стороны. Вы ведь узнаете об этом, верно?

Слуга Тени согласно наклонил голову и сел в машину. В тот же миг она тронулась с места, обогнула «Птаху» и пропала из моего поля зрения. Я вспомнил про камеры наблюдения, но тут же сообразил: на них ничего не будет. Это почти так же просто, как найти номер визора. Так что зря я беспокоюсь. Мне нужно думать совсем о другом. Чтобы мою ложь не разоблачили, надо уничтожить все микроследы внутри звездолета.

К счастью, на любом космодроме существовала специальная служба, для этого и предназначенная. Раз в несколько месяцев на кораблях положено проводить тотальную дезинфекцию. Она длится несколько часов, но после нее корабль выглядит как будто со стапелей. Никто не удивится, если я закажу такую процедуру. В последний раз «Птаху» проходила ее пять месяцев назад именно здесь, на Антраците. Кажется, я упоминал, что любил Антрацит-сити и часто проводил здесь лишний день-другой.

Я вернулся в рубку, взял экран и позвонил по знакомому номеру. Оказалось, что один из доков для дезинфекции свободен, и у них есть платформа, чтобы забрать «Птаху». Узнав, что груз уже на борту, ребята немного удивились, но потом махнули рукой: «А, какая разница. Заодно и коробки чистенькими будут». Я кивнул, не вдаваясь в объяснения, и понаблюдал, как мой звездолет грузят на платформу. Процедура должна была занять часа три, не меньше. Убедившись, что «Птаху» увезли, я вызвал такси и отправился в бар космопорта. Была глубокая ночь, но для космодромных служб времени не существовало, они работали круглосуточно. И бар не был исключением.

Там я и просидел почти до рассвета, потягивая коньяк и смотря новости по местным телеканалам. Новости были трехдневной давности, и никаких сенсаций не содержали. Никто не совершал преступления века, никто не сбегал ни с каторги, ни с рудников. Союз Свободных Планет жил нормальной жизнью, и только серые полицейские крейсеры с характерными хищными носами бороздили Край Галактики из конца в конец, преследуя корабли, имевшие несчастье побывать на Красном Небе в одно время с Бовва, но о них в новостях не сообщали. Я едва не уснул прямо за просмотром этой теле-пасторали и очнулся, когда моя голова коснулась стойки, а стакан опрокинулся и упал на пол. Несколько посетителей обернулись на шум.

— Извините, — пробормотал я, подбирая стакан и протягивая бармену экран, чтобы расплатиться.

Когда я вернулся, «Птаху» как раз снимали с платформы. Я вновь достал экран, чтобы расстаться с кругленькой суммой. Чистильщики пожелали мне удачи и укатили на платформе, а я поднялся в рубку. Все, что я хотел, это спать. Голова раскалывалась, последняя рюмка коньяка не пошла впрок. Но, по крайней мере, страх притупился и не грыз так навязчиво изнутри. Я прошелся по кораблю. Все было в порядке. Можно было лечь в каюте, но теперь она казалась мне чужой. Я аккуратно прикрыл дверь и устроился на раскладной койке в рубке. Уснул я почти мгновенно и спал без сновидений.

6.

Меня разбудил писк визора. Это оказалась не полиция, а Женька.

— Ты как? — спросил он меня.

— Нормально. Пока не арестовали, если ты об этом. Но обязательно арестуют, когда крейсер сюда доберется.

Женька хотел что-то сказать, но я перебил его.

— Я действительно не брал на борт этих людей, Женя, — сказал я. — Но я их видел. Они обращались ко мне, просили забрать оттуда. Я расспрашивал о них в тамошнем порту. Так что за мной обязательно придут.

— Но... ты же можешь все объяснить, правда?

Я с удивлением понял, что Евгений Садовников, старший навигатор торгового звездолета «Стрела», действительно беспокоится за меня. Вот сейчас — я видел — он созрел до того, чтобы предложить мне помощь, и раскаивается, что не сделал это сразу.

— Ты действительно ни в чем не виноват? — повторил он.

— Действительно. И вообще, ты меня разбудил.

— Да? — Женька посмотрел на часы. — День в разгаре.

Я только плечами пожал.

— Ну извини, — Женька некоторое время серьезно смотрел на меня с экрана. — Тогда удачи.

Он отключился, а я пошел пить кофе. Настроение было — хуже некуда. А ведь крейсер может прилететь и завтра. И послезавтра. Если я буду все время думать об этом, то успею сойти с ума, рассудил я, но перестать думать не получалось.

Я сел на диван и, уставившись в потолок, принялся еще раз повторять про себя свою легенду, сам стараясь поверить — все было именно так. Я продумывал каждую мелочь, и история выходила стройная и убедительная.

А потом раздался звук зуммера.

Я вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Не спеша, как и подобает ничего не подозревающему человеку, я включил экран внешнего обзора. Они уже были здесь — пять или шесть полицейских в серой форме союзной полиции.

— Откройте, полиция!

Банально, но так положено, наверное. Я щелкнул тумблером, опуская аппарель, и потянулся за капитанским кителем.

Они не вошли, а ворвались на корабль, как будто всерьез ожидали найти здесь государственных преступников. В касках, бронеках, с автоматами наперевес, полицейские рассыпались по маленькой «Птахе», как горох, в мгновение ока проверили трюмы, забитые ящиками с грузом, обшарили жилой отсек и приблизились к рубке. Я вышел в коридор и захлопнул дверь за своей спиной. До предъявления официальных обвинений я имел полное право не пускать никого в святая святых корабля. Будь я ни в чем не замешан, то вел бы себя именно так. Вот я и вел. Ну, пытался, во всяком случае, хотя колени у меня подгибались от ужаса.

— В чем дело? — спросил я.

— Капитан Алексей Артемьев? — спросил старший группы, приближаясь.

— Да.

— Лейтенант Колесников. Вы задержаны до выяснения всех обстоятельств.

— Каких обстоятельств?

— Соучастие в преступлении, предусмотренном статьей... — Он назвал номер, но я моментально его забыл.

— Похищение человека, — пояснил лейтенант почти сочувственно.

— Что? — Я распахнул рот, пытаюсь осмыслить сказанное и как-то совместить его с отцом и дочерью Бовва. Не получилось.

— Вы задержаны до выяснения всех обстоятельств, — терпеливо повторил лейтенант Колесников. — И у нас есть ордер на обыск корабля. Пожалуйста, отдайте нам универсальный ключ и сдайте оружие.

Я пристально изучил лейтенанта с головы до ног, демонстративно поджал губы и полез во внутренний карман кителя за «Кольтом». Оружие выхватили из моих рук.

— Ключ.

Я протянул ему карточку, открывающую все отсеки «Птахи», включая двигательный. Я чувствовал себя так, как будто меня собираются насильно раздеть на глазах у толпы людей — вроде ничего страшного, да и жизни не угрожает, однако противно и неудобно. Лейтенант забрал карточку и сделал короткий жест. Двое рядовых выступили вперед, один ткнул меня автоматом в грудь:

— Лицом к стене. Руки на стену, ноги шире.

Меня обыскали, после чего сковали руки за спиной, нацепили дыхательную маску и вывели наружу. Вечерело. Сильный ветер гнал по взлетному полю какой-то мусор. Я оглянулся на «Птаху». Вдруг накатил ужас, что я никогда больше не увижу своего звездолета. Пришлось сжать зубы и отвернуться. Если верить старым фильмам, у капитанов звездных кораблей не бывает слез на глазах, разве что от ветра. Потом меня впахнули в полицейскую машину и захлопнули двери. Через несколько минут я покинул «Антрацит» в межпланетном катере. Крейсер болтался на орбите — корабли такого класса не были приспособлены к тому, чтобы садиться на планеты.

Внутри полицейского крейсера я был впервые. Ярко освещенные коридоры, казалось, уходили в бесконечность. Наш путь закончился в просторном кабинете. Меня освободили от наручников, и полицейский чиновник приложил мою ладонь к компьютерному идентификатору личности. Естественно, ничего не произошло.

— Черт возьми, и этот без печати! — в сердцах воскликнул чиновник.

Должно быть, ему очень не нравилось работать на Краю. Ну еще бы, никакого учета и контроля.

— Документы! — рявкнул он. Я безропотно полез в карман за пластиковой карточкой — удостоверением личности, всячески защищенным от подделок, и все же гораздо менее надежном, чем печать — личный код гражданина Союза. К сожалению, этим кодом можно было метить только младенцев до шести месяцев и с помощью очень сложной аппаратуры, так что на Краю печать не прижилась.

— Но ты же родился на Шторме! — сказал он, изучив документ. — Почему нет печати?

Я действительно родился на Шторме, в самом центре Галактики и Союза, — в год знаменитого мятежа. Мой отец играл немалую роль в тех давних событиях. Мятеж изменил жизни тысяч людей, а мне помог избежать пометки. Позже отец позаботился о том, чтобы из моих документов исчезли сведения о родителях. По всем электронным базам я стал сиротой, коих немало появилось за десять лет «независимости Шторма» (хотя, по сути, это была жизнь в кольце направленных на планету стволов, которые время от времени

стреляли). Так я стал однофамильцем известного сенатора. Отец сделал все, чтобы его мрачная слава не довлела надо мной.

Примерно это я рассказал чиновнику: родителей не помню, рос в интернате, почему нет печати, не знаю, но я родился в год мятежа, так что логично предположить... Меня не дослушали. Чиновник провел пальцами по служебному экрану и махнул рукой — уведите.

В следующем кабинете меня ждал личный досмотр. Но что найдешь в карманах человека, взятого врасплох чуть ли не в постели? Все, что у меня было, забрали еще на корабле. Я прижал палец к экрану, подтверждая, что у меня изъяты личное оружие и универсальный ключ от звездолета.

Камера, куда меня привели, оказалась одиночной, и я испытал ни с чем не сравнимое облегчение от того, что мне не придется общаться с гипотетическими товарищами по несчастью. Видимо, размеры крейсера позволяли содержать всех заключенных отдельно. Камера была меньше моей каюты на «Птахе». Из мебели здесь была койка да удобства в маленьком закутке.

Я лег на кровать и попытался не думать о том, что будет на допросе. Но это оказалось не так-то просто. Внезапно я вспомнил все слухи и байки, которые ходили по Краю Галактики о том, какие методы применяются союзной полицией для того, чтобы разговорить преступников, и моя спина покрылась холодным потом. Почему я не вспомнил об этом, придумывая свой план?! К чему были все эти бессмысленные шевеления, если я расскажу все, как есть, после одного единственного укола?! Вот идиот, всерьез собирался поиграть в загадки с полицией Союза, этой совершенной машиной! А сам? Не сообразил. Не учел. Недооценил. Теперь не обижайся, когда все расскажешь на допросе, и жизнь свою закончишь на каторге или в союзной тюрьме. Сокамерники ногами забьют, не все время тебе сидеть в одиночке. Или прямо здесь загнешься. Хрен знает, что у них за методы.

Немалых сил мне стоило унять эту тихую, незаметную для посторонних глаз истерику. Как мог, я успокаивал себя. Совершенно не обязательно, что сразу начнутся уколы и прочие ужасы. В конце концов, они просто проверяют. Это их работа. Ну не будут же они, в самом деле, каждого подозреваемого с помощью химических препаратов допрашивать. Для такого допроса, скорее всего, нужны серьезные основания. Как минимум, обвинение по всей форме и в конкретных преступлениях.

Пока они всего лишь опрашивают всех, кто был на Красном Небе, сказал я себе. Успокойся. У тебя еще есть шанс ускользнуть, ты старался не зря. А вот когда преступников не найдут ни на одном из кораблей с Красного Неба, начнутся настоящие неприятности. Тогда дойдет дело и до психотропных препаратов, а то и до чего-нибудь более серьезного. Странно, что я не подумал об этом с самого начала. Наверное, боялся посмотреть немного дальше собственного носа и расстаться с детской иллюзией, что все поправимо.

Зато теперь до меня окончательно дошло: встреча с отцом и дочерью Бовва уже разрушила мою жизнь до основания. Мне в любом случае придется скрываться, и нужно молиться, чтобы сейчас меня отпустили, не стали задерживать до того момента, когда соберут показания со всех кораблей. Могут ли они арестовать меня так надолго? Я в этом сомневался. Семьдесят два часа до предъявления обвинения, потом обязаны отпустить, если обвинять не в чем. За семьдесят два часа свести воедино показания всех, кто был на Красном Небе, попросту невозможно. Человек изобрел гиперпривод, но так и не придумал способа межпланетной связи. Слишком велики были расстояния. Как сказал Бовва? Новости движутся со скоростью звездолета, а это очень медленно.

Что же, значит, задержать меня не смогут. Выпустят. Тогда-то я и сбегу, пообещал я себе. Если выберусь живым и целым с этого крейсера, брошу все к чертям. Наберу нужный номер на экране, и капитан Артемьев исчезнет. Край огромен. Можно найти себе новую работу и новых друзей где-нибудь в противоположном секторе Галактики. Зато с Бовва будет покончено. Пусть играют в свои игры без меня.

Надо было так и сделать, а не пытаться склеить то, что разбито вдребезги. Но, в конце концов, у меня было право на ошибку. За всю мою жизнь на Краю я не слышал ни о чем подобном. Была полиция — союзная или местная, были преступники — союзного или местного масштаба. Но никогда на их поимку не бросались такие силы, никогда ради двух человек не высаживались полицейские десанты и не арестовывались поголовно все, кто мог им как-то помочь. Я действовал вполне логично в рамках прежней, хорошо известной мне реальности. Жаль только, что новая реальность не желала вписываться в рамки логики и здравого смысла.

Я ввязался в историю, масштабов которой не представлял даже приблизительно. Кого похитили состоятельный господин Бовва и его странная дочурка? И чем это настолько угрожает Союзу? Гадать было бесполезно.

Но если я ошибаюсь и полиция применяет специальные методы допроса ко всем подряд, как болтают, ничего хорошего меня не ждет. Повезет отделаться рудниками, но это очень сомнительное везение. Не спрятал бы их — имел право рассчитывать на снисхождение, а так придется отвечать по полной программе.

Я попытался взглянуть на это философски. Хорошо, по крайней мере, что ни родителям, ни возлюбленной не придется обо мне плакать — таковые отсутствуют. Друзья не в счет, они переживут. А вот «Птаху» жалко. Наверняка ведь продадут, и полиция еще и наживется на моей кончине. Додумав до этого места, я начал нездорово хихикать, и пришлось вцепиться зубами в подушку, чтобы прекратить уже вполне настоящую, а вовсе не тихую истерику. Героя из меня явно не получалось. Уткнувшись лицом в подушку, я несколько минут боролся с неконтролируемым ужасом. А потом несколько часов лежал без движения, вздрагивая от каждого звука снаружи. Уснуть мне так и не удалось.

7.

Дверь открылась бесшумно. Я сел на нарах.

— На выход, — приказал охранник, доставая ленту наручников. Я безропотно позволил зафиксировать мне руки за спиной — попробовал бы сопротивляться! «Вперед», — раздалась негромкая, равнодушная команда.

Идти было недалеко. Уже через несколько поворотов конвойный скомандовал «Стоять». Открылась незаметная дверь в стене, и меня ввели в комнату для допросов. Так я для себя определил это место. Посреди комнаты стояло кресло с подлокотниками. Больше всего оно напомнило мне такие же кресла в медицинских кабинетах, и эта ассоциация меня не порадовала. У стены стоял стол, самый обычный, каких полно в любом учреждении. Конвойный усадил меня в кресло и вышел.

Потянулись томительные минуты. Тоже психологическое давление, отметил я про себя. Ничего, это я выдержу. Этого недостаточно, чтобы меня сломать.

Словно в ответ на мои мысли в дальнем углу комнаты открылась еще одна дверь. В комнату вошел мужчина в серой форме полиции Союза. Он не стал садиться за стол, а сразу

подошел ко мне. Обошел вокруг, внимательно разглядывая меня, и остановился напротив.

— Капитан Александр Косарев, — сухо представился он.

— Капитан Алексей Артемьев, — ответил я в тон. В моем положении было глупо выпендриваться, но я не знал другого способа справиться со страхом.

Капитан Косарев усмехнулся.

— Я расследую похищение человека, — сообщил он мне. — Молодая девушка, Анна Бовва, была похищена с одной из планет Центра и до сих пор не найдена. Эта девушка... — он помялся, словно подбирая слова, — представляет большую ценность для Союза.

— А причем здесь я? — спросил я, очень надеясь, что мое удивление не заметно со стороны. Анна Бовва похищена? Да что вы говорите! Анна Бовва представляет ценность для Союза? Еще смешнее. Чем? Маникюром или глупой челкой?

— В последний раз девушку видели на Красном Небе. Ее сопровождал мужчина. Мы думаем, что именно он и есть похититель. Его имя Филипп Бовва. Вы ведь были недавно на Красном Небе?

— Да. И вспоминаю об этом с ужасом.

— Почему?

— Мне пришлось там задержаться почти на две недели. Отвратительное место.

— Согласен с вами. Это красное небо... — Капитан передернул плечами. — Так вот, Филипп и Анна Бовва улетели с Красного Неба несколько дней назад. Мы ищем их самих и корабль, на котором они улетели. Вы покинули планету примерно в то же время. И вы имеете право брать пассажиров.

Он сделал паузу и выжидающе посмотрел на меня.

— Да, — я не стал отрицать очевидное. — Но я ненавижу это делать.

— Почему?

— Вы видели «Птаху»? Впрочем, откуда? Это малотоннажный звездолет среднего класса, переоборудованный для перевозки исключительно грузов. Там тесно даже мне одному.

— Между прочим, вы обязаны летать с напарником.

— Да, — покорно согласился я. — У меня есть напарник, но он часто остается на планетах. Занимается делами, знаете ли. Коммерция.

Мой «напарник» существовал только на бумаге, без этого меня не выпустили бы в космос.

— Вас могут оштрафовать за нарушение правил полетов, — Косарев прищурился.

— Да, вы правы. — Я подумал, что очень дешево отделаюсь, если этим обойдется.

— Итак, вы их не брали и не видели?

— Почему? — Ну нет, так просто ты меня не поймаешь. — Я их видел. Мужчина и девушка, они искали корабль и обратились ко мне. Речь о них?

— Как они выглядели?

— Мужчина лет пятидесяти, с сединой и лишним весом, ростом чуть повыше меня. Девушка лет двадцати пяти, высокая, светло-русые волосы, зеленые глаза. — Про большую грудь я упоминать не стал. — Это все, что я запомнил.

— Да, это они. Что было дальше?

— Я им отказал.

— Почему?

— Я уже ответил: не люблю брать пассажиров. И к тому же, я понятия не имел, когда

полечу. Груз задерживался. Мог прийти со дня на день, а мог еще на две недели застрять. Их это не устроило, и они ушли.

— Вы расспрашивали о них в порту, — сообщил Косарев. Он отошел к столу, взял экран и принялся что-то изучать. — Об этом упомянули бармен и диспетчер космопорта. У нас есть их показания. — Он обернулся ко мне. — Зачем?

— Просто так, — пробормотал я. — Из любопытства. Они сказали, что какой-то капитан должен был вернуться за ними на яхте, но обманул. Вот я и решил поспрашивать, правда ли это. Ну, оказалось, что вроде да, какая-то яхта их привезла и больше не возвращалась.

— Почему это вас так заинтересовало?

— Это необычно, понимаете? Такое редко случается на Краю, в смысле, обман пассажиров.

Косарев задумался, глядя куда-то сквозь меня. Мне пришло в голову, что он, должно быть, опытный следователь, раз ему поручили это дело. Но в таком случае он обязан разбираться в реалиях жизни Края, и если самое подозрительное, что у них на меня есть, это мое любопытство, мои объяснения должны звучать вполне правдоподобно. Звездолетчики всегда расспрашивают обо всем, что важно и неважно, а особенно о чем-то необычном, так что расспросы скорее говорят в мою пользу, чем наоборот. «Ну же, давай, сделай этот очевидный вывод и отпусти меня!» — мысленно умолял я, забыв о страхе.

Но я недооценил Союз. Они не собирались делать двойную работу, сначала опрашивая капитанов, а потом проверяя их показания. Зачем, если можно сразу выяснить все точно? На перелеты туда-сюда по Краю уходят немалые деньги.

Очнувшись от раздумий, следователь Косарев поднял голову и сказал:

— В связи с угрозой безопасности Союза полиция уже три дня действует в режиме чрезвычайного положения. Это значит, что я имею право допросить вас по спецформе. Вы возражаете?

— Н-нет. — А что еще я мог сказать?

— В таком случае подтвердите, что вам были озвучены ваши права, что вы подтверждаете свои предыдущие показания и согласны подтвердить их под «присягой».

Я вздрогнул. Про допросы «под присягой» я тоже слышал. Инъекция, но какая-то особенная. Вроде, полностью подавляет волю. Вот же влип.

Косарев подsunул мне экран, и я неловко приложил палец — наручники мешали. Он кивнул. Дверь открылась, и вошел человек в белом халате. Наверное, я изменился в лице, потому что Косарев сказал:

— Успокойтесь. Это не больно.

Спинка кресла опустилась. Меня уложили на спину и сняли с меня наручники, но тут же зафиксировали руки крепкими пластиковыми ремнями, встроенными в кресло. Я не понимал, зачем все это, если будет «не больно». Мне хотелось орать дурным голосом, отбиваться ногами и плевать в лицо человеку, который подходил ко мне, держа наготове шприц. Но вместо этого я сжал зубы и заставил себя не шевелиться.

Игла вошла в предплечье. Было действительно не больно.

А потом наступила темнота.

Очнулся я на кровати в ярко освещенной комнате. Я был один. Рядом с кроватью громоздились какие-то медицинские приборы. Я попытался встать, но еле сумел приподнять голову. Мне стало страшно. Где я? И что вообще произошло?

Память возвращалась урывками. Я — Алексей Артемьев. Я задержан. За что? Мысли разбегались, ответ не спешил приходить. Ладно, попробуем иначе. Я что, совершил что-то противозаконное? Но почему я этого не помню? Я шевельнул рукой и охнул от боли. Вспышкой припомнилось кресло с опущенной спинкой и пластиковые ремни. Я с трудом поднял руку. Запястье охватывала прозрачная полоса биопластира, под которой ясно проступали синяки. Со второй рукой дело обстояло точно так же. Что же со мной было? Похоже, я изо всех сил рвался из ремней, так что повредил запястья. Но почему? От боли? Меня что, пытали? Я не помнил.

Хорошо, попробуем еще раз. Я — капитан торгового звездолета «Птаха». Я вздрогнул — меня накрыла новая волна образов. Полиция, обыск, союзный крейсер. Но что они могли искать? Контрабанду? Не нашли и пытали? Что за чушь! Я стиснул зубы и начал сначала. Я — Алексей Артемьев, капитан «Птахи». Меня взяли на Антраците. Я привез туда груз Груз... с Красного Неба! Бовва! Я резко сел на кровати, забыв о слабости и боли. Я все вспомнил. Как взял пассажиров. Как обнаружил, что за ними открыта охота. Как спрятал их. Вспомнил допрос и то, как я подписал согласие на применение «присяги». Дальше в памяти был провал.

Я осторожно ощупал себя. Ничего не болело, и нигде, кроме запястий, не наблюдалось повреждений. На пытки не похоже. Хотя кто знает, может, у них электрошок. Или прибор, воздействующий на болевые центры. Никаких следов такие штуки не оставляют. Но и память не отшибают, насколько я слышал. А вот от «присяги» можно и мать родную забыть, не то, что процесс допроса.

Ну и ладно, сказал я себе, и снова опустил голову на подушку. Это не так плохо. Хуже другое: я, несомненно, все рассказал. А значит, еще ничего не закончилось. Скоро за мной придут, потребуют вернуть беглецов и предъявят мне соучастие в похищении. После чего осудят и, наверное, казнят. А я даже не знаю, чем эта Анна Бовва с челкой и зелеными глазами так важна для Союза. И какого черта она ведет себя так, будто ее никто не похищал.

Почему-то сейчас я гораздо спокойнее воспринимал факт своего поражения и скорой расплаты за него, чем несколько дней назад. Я честно боролся до конца и мог бы выиграть, не окажись у противника в запасе пары-тройки лишних козырей. Был ли у меня шанс смягчить свою нынешнюю участь? Разумеется, да. Для этого мне нужно было всего лишь собственноручно скрутить преступников и доставить их в полицейский участок, как только я заподозрил, что их разыскивают. Тогда мне, может, и поверили бы, что мимо таможни на Антраците я провез их случайно.

Открылась дверь и вошла медсестра, а за ней — следователь Косарев. Я привстал, не желая встречать неприятности лежа. Но медсестра осторожно уложила меня обратно.

— Вам не стоит пока вставать, — мягко сказала она.

Следователь подошел поближе.

— Вынужден принести вам извинения.

Я изумленно заморгал.

— Вы ведь не знали, верно? — уточнил Косарев, пристально изучил мою удивленную физиономию и кивнул. — Не знали. Иначе предупредили бы нас. Вас никогда прежде не допрашивали под «присягой»?

— Как-то не доводилось, — медленно проговорил я, начиная что-то подозревать.

— Вам нельзя вводить этот препарат.

— В каком смысле — нельзя?

— Технически можно, но на вас он воздействует нетипично. Вместо глубокого гипнотического транса — судороги, удушье. Мы этого не ожидали, так что... В общем, у вас случилась остановка сердца.

Я молча смотрел на него. Для недавно умершего я чувствовал себя на удивление неплохо.

— Вам повезло, что вы остались живы, — заметил Косарев. — Но есть и плохая новость. Нам не удалось получить подтверждения вашим показаниям.

— И... что со мной будет?

Следователь помолчал.

— Ничего, — наконец признался он, и в его голосе явственно послышалась досада. — Нетипичная реакция на препарат — не преступление. Семьдесят два часа прошли, а предъявить вам нечего. Ваш звездолет чист, поиски на планете не дали результатов. Я вынужден вас отпустить. Вам положена компенсация за причинение вреда здоровью и лишение свободы на больший срок, чем положено по закону. Деньги будут переведены на ваш счет в течение тридцати дней. Однако будьте готовы к тому, что вас могут вызвать на повторный допрос по этому делу в случае выявления новых обстоятельств. Вам все ясно?

Я кивнул.

— Распишитесь, — он подставил мне экран. Я прислонил палец к нужной графе открытого документа. Косарев забрал экран и вышел, не попрощавшись.

— Отдыхайте, — сказала медсестра. — Мы проведем диагностику. Если все в порядке — вас отправят в Антрацит-сити уже сегодня.

Я вежливо улыбнулся. Осознать происшедшее до конца пока не получалось. Я понимал только, что меня отпускают. Но окончательно я в это поверил, лишь выйдя на поле космодрома. В руках у меня были «Кольт» и универсальный ключ. Я был свободен. Растеряно остановившись, я обвел глазами окружающий пейзаж. Вокруг высились громады кораблей, суетились люди, сновали машины. Жизнь, по всем признакам, продолжалась. Я поднял руку, подзывая такси, и через несколько минут был на «Птахе».

Здесь ничего не изменилось. Я заглянул в рубку, запустил проверку всех систем. Убедился, что груз на месте, а двигательный отсек опечатан, как ему и положено. Вернулся в кают-компанию и вытащил из бара бутылку коньяка. Посмотрел на нее, но пить не стал. Пьяный пилот на старте с Антрацита — не лучшая идея. Хотя нас проверяли не так придирчиво, как участников наземного дорожного движения, если я неаккуратно взлечу и задену какое-нибудь местное грузовое корыто, мусорный бак или один из спутников на орбите, за алкоголь в крови мне прилетит такой штраф, что и постоянный контракт от банкротства не спасет. Я вздохнул, убрал бутылку, ткнул пальцем в кнопку кофеварки и откинулся на спинку дивана, наслаждаясь спокойствием и надежностью родных стен.

Я просидел так довольно долго, не шевелясь и не думая ни о чем. Даже о кофе забыл. Но, должно быть, мне только казалось, что я не думаю. На самом же деле как раз в это время я и принимал решение, что делать дальше.

Похоже, я везунчик. Меня не смогут уличить в том, что я увез Бовва с Красного Неба. Однако это не значит, что их надо оставить на Антраците. Скорее уж наоборот. Мне нужно сделать именно то, что я и собирался: увезти их на планету, куда они могли попасть и без

меня, и там оставить. Тогда у меня появится шанс забыть эту историю, как страшный сон. Но сначала мне хотелось кое-что выяснить. Любопытство, понимаете? Обычное любопытство пилота грузовика. Мы — те еще сплетники. Ведь информация летит по Галактике со скоростью звездолета...

Я вспомнил про кофе, вытащил стаканчик и выпил его залпом. После чего прошел в рубку и отправил в эфир код доступа к Братству Тени.

Ждать пришлось недолго. Буквально через несколько минут раздался характерный звук зуммера. Я опустил аппарат и отправился вниз, не забыв проверить пистолет во внутреннем кармане кителя.

По одному они входили в шлюз: впереди Слуга Тени, тот же, или похожий, мне они все казались на одно лицо, потом Филипп Бовва, за ним его дочь. Замыкал процессию второй представитель Братства.

— Жаль, что на «Птахе» нет большого круглого стола! — сообщил я вместо приветствия. — Мне кажется, нам пора устроить небольшой военный совет. Придется обойтись столом в кают-компании, маленьким и квадратным.

— Капитан, с вами все в порядке? — Бовва подошел ближе и пристально взгляделся мне в лицо.

— Нет, — отрезал я. — Поднимайтесь. И вы тоже.

Если честно, мне хотелось показать на Слугу Тени рукой с заряженным пистолетом, но в последний момент я сдержался. Что-то подсказывало, что ответная реакция мне не понравится.

— Я? — Он приподнял брови. — Зачем?

— Хочу кое-что прояснить.

— Это не в правилах Братства.

— Вы на моем корабле, и я вам приказываю: поднимайтесь!

Слуга Тени чуть улыбнулся. Я был уверен, что он развернется и покинет корабль, и я ничем не смогу ему помешать. Однако он неожиданно шагнул вперед и последовал за Боввой и девушкой. Второй Брат-в-Тени остался снаружи. Я поднял аппарат и почти бегом поднялся в кают-компанию.

Отец и дочь Бовва уже устроились на диване, причем девушка успела сделать себе кофе и аккуратно прихлебывала из стаканчика. Она по-прежнему делала вид, что все происходящее ее не касается, но теперь я знал, что это обман.

Слуге Тени я указал на кресло, но он вежливо покачал головой и остался стоять. Я выдвинул вертящийся стул из-под монитора и сел.

— Как вас зовут? — спросил я, обращаясь к Слуге Тени.

— У нас нет имен, — ответил он.

— Ладно, нет так нет, — я был на удивление покладист. — Тогда ответьте мне на один вопрос: это ваших рук дело?

— Что именно? — Он снова поднял брови.

— Вот это все: судороги, удушье? То, что я ничего не сказал под «присягой». Это вы сделали?

Бовва-старший подался вперед. Анна медленно поставила стаканчик кофе на столик и пристально посмотрела на меня. Ее взгляд не был сочувственным. Скорее — оценивающим. Она как будто увидела меня в новом свете.

— С чего вы взяли? — Слуга Тени и не думал терять самообладания. — Такое бывает.

Индивидуальная непереносимость, — он слегка улыбнулся.

— Слишком красивое совпадение. Я в такие не верю. Если бы мне развязали язык, я рассказал бы и о том, куда дел пассажиров. Рассказал бы о вас. Непереносимость, говорите? — До меня вдруг дошло. — Врожденная или приобретенная?

Слуга Тени снова покачал головой, давая понять — ответа не будет. Чуть поклонившись, он повернулся к выходу.

— А если я сам, сознательно, захочу о вас рассказать? — крикнул я ему вслед. — Может, я решил их сдать? И вас заодно?

Слуга Тени обернулся.

— Вы этого не сделаете, — сказал он спокойно. — Возможность обращаться к нам за помощью — слишком большая ценность. Она дороже любых денег и привилегий. Ваш отец понимал это.

Я вздрогнул.

— Но вы не спасли его.

Мои слова прозвучали еле слышно.

— Он не позвал, — так же негромко ответил Брат-в-Тени. — Удачи, капитан.

И вышел. Я зашел в рубку и щелкнул тумблером, опуская аппарель. Убедился, что Слуга Тени покинул трюм, заблокировал вход и вернулся к Боввам.

— Вы, — сказал я и вытащил из кармана «Кольт».

— Что — мы? — господин Бовва никак не отреагировал на оружие.

— Вы расскажете мне все, — сказал я.

— А если нет? — Бовва поднял брови прямо как Слуга Тени несколько минут назад. Однако получалось у него почему-то не иронично, а издевательски.

— Если нет, я вас застрелю.

Я постарался сказать это как можно более обыденным тоном. Я не угрожал им. Просто не собирался больше быть пешкой. Я видел, какие силы брошены на поимку этих людей, а пока я ждал их возвращения из Братства Тени, до меня дошло еще кое-что: они не смогут скрываться вечно. Рано или поздно их поймут, и они расскажут обо мне. Сомнительно, что у них тоже обнаружится индивидуальная непереносимость «присяги». Во всяком случае, мне не стоит на это рассчитывать. Я ничего не знаю о Братстве Тени, не знаю, как они хранят свои тайны и хранят ли их вообще. Может статься, им и вовсе безразлично, кто, что и где о них рассказывает. Они-то остаются неуловимыми, в отличие от меня. И в отличие от Филиппа и Анна Бовва.

Подумать только, одна маленькая ошибка, миг на подлете к Антрациту, когда я согласился промолчать... Я бы отдал все на свете, чтобы вернуться в это мгновение и поступить иначе, но, увы, власти над временем не было ни у кого в Галактике, даже у Братства Тени. Я сделал то, что сделал, и теперь наши судьбы связаны накрепко: поймут их — поймут и меня. Вариантов избежать этого я видел всего три. Убить их (непросто, но возможно, если постараться). Собственноручно прятать всю жизнь (нереально). Или сдать полиции с условием полного прощения (осуществимо, хотя и противно). Но прежде чем выбрать тот или иной вариант, мне нужно выяснить, что происходит.

— Вы не станете стрелять, — покачал головой Бовва — Мы ваши пассажиры, и вы не...

— Я вам говорил, но вы пропустили мимо ушей. Наш контракт завершен. Вы в месте назначения. Я ничего вам не должен и могу вас убить, ничего не опасаясь. Я имею в виду, никакие вселенские силы меня не покарают. И никто не покарает, если я выброшу тела за

борт в глубоком космосе. Никто не узнает, как вы умерли. Вас никогда не найдут.

— Успокойтесь, капитан, — неожиданно вмешалась Анна, резко вскидывая голову. Челка подпрыгнула на лбу, зеленые глаза недобро сверкнули. — Хватит фантазий, вы все равно на такое не способны. Надо сказать ему. — Это уже Филиппу, так же четко, без малейших сомнений и уверток.

— Сказать? — удивился Бовва. — Ты с ума сошла?

— Мы впутали его, — сухо ответила Анна. — Сознательно. Мы знали, чем это ему грозит.

— Ему же удалось оправдаться.

— Только временно. Поймают нас — поймают и его.

Я с удивлением воззрился на девушку, медленно прозревая. Что-что, а дурой она точно не была.

— Ему в любом случае конец, знает он или нет, — сказала Анна. — Ты же понимаешь. Ему никогда не поверят на слово, что мы ничего не сказали. А подтвердить это под «присягой» у него не выйдет.

Филипп Бовва молчал, сверля меня взглядом. Я отвечал тем же.

— Уберите оружие, — наконец сказал он устало. — Не будьте смешным.

Я так и продолжал держать в руке «Кольт».

— Хорошо, — я поставил пистолет на предохранитель и спрятал во внутренний карман кителя. — Я вас слушаю. Кто вы такие, почему скрываетесь и при чем тут девушка? Мне сказали на крейсере, что она похищена. Что-то не похоже.

— Это официальная версия, — ответил Бовва. — Надо же им как-то объяснять свои действия. Иначе получится, что они преследуют свободного гражданина Союза. А если гражданин похищен, они, конечно, обязаны его спасти, — он криво улыбнулся.

— Значит, никто ее не похищал.

— Я сама сбежала, — подтвердила девушка.

— Но кто ты такая, черт побери? Что в тебе такого, что вся Галактика на ушах стоит?

— Я... — Анна замаялась и нервным движением откинула челку на лоб. — Пусть отец расскажет.

— Анна работала на правительство Союза, — сказал Бовва. — В спецлаборатории. Она в некотором роде гений.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Вы зря сомневаетесь. У нее уникальные способности к физике. Она окончила университет в девятнадцать лет, и почти сразу стала работать на правительство, занималась передовыми разработками.

— Хорошо, я понял, — я выставил вперед руки, требуя оградить меня от этого дождя похвал и регалий. — Она почти гений и работала на правительство в лаборатории. Дальше!

— Она... кое-что придумала. Изобрела.

Я внимательно посмотрел на Анну.

— И что?

Они молчали.

— Да ладно вам, — разозлился я. — Вы же сами сказали: мне не поверят, что я не знал.

— Ну хорошо, — Анна тряхнула головой. — Вы правы. Вам уже все равно, а нам тем более. Это межзвездная связь.

Я присвистнул и откинулся на спинку кресла. Что такое межзвездная связь для

Галактики, объяснять было не нужно.

— Но почему вы сбежали? — спросил я, помолчав. — Вас же ждали почести. Награды. Деньги, это уж точно.

— Вы не понимаете, — заговорил Филипп Бовва. — Вы даже и близко не можете себе вообразить последствия этого изобретения.

— Почему же, могу, — мрачно ответил я. — Передел мира.

— Да. Вы правы, именно так. Эта технология сулит власть, в таких масштабах, которые никому в Галактике раньше и не снились. И в то же время она лишит власти тех, кто обладает ею сейчас. Вы не представляете, каково это: оказаться на перекрестке столь различных интересов. Анне грозила смертельная опасность. Поэтому мы скрылись.

— Как вам это удалось?

— Я отвечал за охрану лаборатории.

— Допустим. — Я чувствовал, что они чего-то не договаривают. — Но там ведь остались записи. И к тому же, над изобретением наверняка работали другие люди.

— Я же сказал вам, что Анна гений. Она придумала принцип. Никто не додумался до такого, а ей пришло в голову... Впрочем, вы не поймете. Просто поверьте: повторить это невозможно. А записей не осталось.

— Их и не было, — объяснила Анна. — Я ничего не записывала. Все здесь, — она постучала пальцем по виску.

— Но как-то они узнали... про принцип, раз преследуют вас.

— Случилась утечка информации, — помрачнел Филипп Бовва. — Впрочем, для нас это мало что меняет. Анну искали бы в любом случае. Нельзя просто взять и уйти из спецлаборатории Союза.

— Надо полагать.

Я задумчиво разглядывал своих пассажиров. Межзвездная связь. То, чего не хватало Галактике, чтобы стать по-настоящему единой. Миры Края состоят в Союзе планет, но только формально. Почему здесь нет союзной администрации? Почему все вмешательство в жизнь Края ограничивается сбором налогов да полицейскими рейдами? Потому что без связи ни одна власть не чувствует себя уверенно. И потому, что информация распространяется со скоростью звездолета в гиперпространстве, а на таких расстояниях это долго. Слишком долго для эффективного контроля и быстрых действий.

С появлением межзвездной связи все изменится. Власть Союза планет перестанет быть формальной, и как Союз распорядится этой властью, догадаться несложно. Печать для каждого новорожденного, для начала. Да и не в одной печати дело. Видел я, как живут люди в Центре. Я горько усмехнулся. Совсем недавно я расстраивался, что на Краю начнут устраивать выборочные проверки лояльности и законопослушности граждан. Оказывается, может случиться нечто гораздо худшее — та жизнь, от которой я сбежал, станет нормой, и никаких иных вариантов не останется.

В свое время мне часто приходилось объяснять, что я, мальчик из Центра, делаю здесь, на краю Галактики. «Грузы вожу», — обычно отвечал я. Все остальные ответы казались притянутыми за уши. Странно, в самом деле, было бы объяснять матерым капитанам, что здесь, на Краю, да еще и на собственном корабле, я могу ни от кого не зависеть. Заказчики не в счет — ведь я волен выбирать, заключать контракт или нет. В той, другой жизни я знал много людей, которым не приходилось выбирать ничего. И очень не хотел оказаться одним из них.

Мне повезло — я сумел изменить свою судьбу. За это мне, прежде всего, стоило благодарить отца. Сейчас, семнадцать лет спустя после его смерти, я до сих пор оставался с ним в сложных отношениях и не принял многих его идеалов. Он всегда был готов объяснять и поучать — я вырос в убеждении, что человек обязан принимать решения сам, в том числе и самые главные решения в своей жизни. Мой отец хотел свободы для целой планеты — я был уверен, что свободу нельзя навязать. Но в одном я был согласен с ним — можно, и очень легко, навязать несвободу.

Я никогда не стремился бороться с существующими порядками, в отличие от отца. Меня вполне устраивало данное положение вещей: есть Центр и есть Край Галактики. Другими словами, есть право выбора для каждого. Но с появлением межзвездной связи это право просуществоует недолго.

Мне было легко поверить Бовва. Рано или поздно кто-то должен был изобрести подобное. Я даже понимал, почему они сбежали: страшно, наверное, было брать ответственность за все, что случится после. Единственное, чего я не понимал — что теперь делать мне. Вариант сдать полиции, самый разумный и простой в исполнении, я отменил сразу. Принести правительству на блюдечке межзвездную связь? Ну уж нет. Прятать их вечно я не мог. Убить? С ними умрет и тайна — хотя бы на какое-то время.

Видимо, на моем лице что-то такое отразилось, потому что Бовва привстал, а его дочь слегка побледнела.

— Отправляйтесь в каюту, — приказал я, поднимаясь. — Через несколько минут мы стартуем.

— Что вы собираетесь с нами делать? — Бовва встал.

— Стоило бы вас пристрелить, — честно сказал я. — Это решило бы все проблемы. Может, я так и сделаю. А сейчас в каюту, живо! Иначе...

Я потянулся за «Кольтом», но доставать его не пришлось. Анна встала, окинула меня все тем же непонятым взглядом из-под челки — то ли оценивающим, то ли презрительным — и направилась в сторону каюты. Филипп последовал за ней.

Убедившись, что они зашли в каюту, я вернулся в рубку и впервые в жизни заперся изнутри. Я не доверял своим пассажирам, точно так же, как они не доверяли мне.

9.

Я вызвал диспетчерскую и увидел знакомую физиономию Пита.

— Капитан Артемьев, «Птаха», — сказал я. — Привет, Пит.

— Привет, — он широко улыбнулся. — А мы слышали, что тебя копы повязали.

— Выпустили уже, — сказал я. — Чист, как стеклышко. Так можешь всем и передать. А лучше всего не распространяйся об этом, ладно?

— Как знаешь.

— Садовников улетел?

— Давно.

— А, ну ладно. Тогда прошу разрешения на старт.

Пит что-то сказал в соседний микрофон, прислушался к ответу и обратился ко мне:

— Порядок. Старт разрешаю. Удачи.

— И тебе того же, — ответил я и отключился.

Я собирался следовать на Алдан. У меня все еще был контракт, а задержка на четыре

дня... Что ж, с кем не бывает, расслабился посильнее обычного. Но вот от Бовва на Алдане избавиться не удастся. Там попросту негде спрятаться, как и на любой другой планетеруднике. Новый человек в подобном месте сразу бросается в глаза, а пассажирский рейс оттуда один-единственный. Да и нельзя им пользоваться пассажирскими рейсами. Слишком плотно их обложили. Ну, а кроме того... Я не был уверен, что хочу их отпускать.

Да, это было полное безумие. Бред. Но ничего другого мне в голову не приходило. Я не убийца, какой бы соблазнительной ни казалась мне идея вышвырнуть их тела в космос. И уж точно я не хочу выдавать их. Но зато я могу прятать их... ну, если не вечность, то очень долго.

Здесь, на «Птахе», их не будут искать, по крайней мере, до тех пор, пока не проверят все звездолеты с Красного Неба. Да и потом я всегда успею отправить их в Братство Тени. Новая проверка ничего не даст, допросить меня с пристрастием нельзя... законными методами, по крайней мере. В общем, соблюдая меры предосторожности, можно мотаться по Галактике хоть три года, пока союзной полиции не надоеет их искать. А потом высадить их на какой-нибудь отдаленной, но достаточно людной планете. На Краю немало миров, где легко затеряться. Здесь редко просят предъявить печать (нет считывающих устройств), а купить новые документы и сменить внешность куда проще, чем в Центре.

Конечно, я терпеть не могу пассажиров на «Птахе». Троицким здесь неуютно и тесно. И они мне совсем не нравятся. Но либо так, либо через несколько лет по всей Галактике наставят маячков, оборудуют полицейские посты и заставят каждый борт следовать строго по указанному маршруту. Не говоря уж о том, что две трети контрактов тут же перехватят центральные компании. Это сейчас они Краю побаиваются: случись что, и на помощь не позовешь. А будет связь — и нам всем, независимым пилотам, останется только подбирать крохи с барского стола.

«Птаха» еще не вынырнула из гиперпространства в районе Алдана, а я уже знал, как поступлю.

За два дня полета к Алдану пассажиры почти не покидали каюты, добросовестно стараясь мне не докучать. Едва звездолет вынырнул из гипера, я сам позвал их в каюткомпанию. Пистолет я засунул за пояс и прикрыл полый кителя. Оттуда его быстрее доставать, чем из кармана. Надо бы прикупить кобуру, подумал я мимоходом. Кто бы мог предположить несколько дней назад, что мне станет ее не хватать.

— В общем, так, — сказал я, когда они уселись напротив. — Раз уж так вышло, что моя свобода теперь зависит от того, поймут вас или нет, я принял решение. Стоило бы вас застрелить, но я не убийца. Поэтому вы останетесь на «Птахе». Это сейчас самое безопасное для вас место во всей Галактике. Надеюсь, вы понимаете, почему. У меня есть контракт, и я не собираюсь от него отказываться. Если полиция захочет проверить, как у меня дела, я вот он, вне подозрений. Спрятать вас от таможни будет нетрудно — на «Птахе» хватает укромных мест. Конечно, это не будет продолжаться бесконечно. Как только представится случай, я высажу вас на какой-нибудь оживленной планете. Не все миры похожи на Красное Небо или Антрацит, есть такие, где легко раствориться в толпе, сменить документы и так далее.

Они молча выслушали мою скромную речь. Повисла пауза. Потом Бовва-старший сказал:

— Вы все так отлично распланировали, что вряд ли нуждаетесь в нашем согласии.

— А вы что, против? Хотите, чтобы я выдал вас полиции или вышвырнул в открытый

космос? Я не вижу другого способа спасти и себя, и вас. — И Край от неминуемых перемен. Но вслух я этого не добавил.

— Он прав, — сказала Анна, внимательно изучая меня, словно впервые увидела. Чувствовалось, что она хочет кое-что спросить, но не спрашивает. — Это может сработать. Если не... — Она замолчала.

— Что? — уточнил я.

— Нет, ничего, — Анна покачала головой и поправила челку. — Ничего.

— Значит, мы договорились. С этого моменты вы снова мои пассажиры. Добро пожаловать на борт. Только учтите: с корабля ни шагу. Сожалею, но иначе моя идея не имеет смысла. Вас никто не должен видеть.

Оба кивнули, но без особого восторга. Что ж, я не мог предложить им ничего лучшего.

Космопорт Алдана встретил меня резким ветром и дождем. Агент заказчика ждал меня возле машины. Мы обменялись приветствиями. По полю уже ползли погрузчики. Я извинился за опоздание, не вдаваясь в подробности. Однако система передачи новостей из уст в уста работала вовсю, и на этот раз — против меня.

Закончив с погрузкой, я отправился в местную забегаловку — скорее, ради соблюдения традиции, чем из желания пообщаться. Дорого бы я дал, чтоб вообще не встретить там никого из знакомых. Но, едва увидев меня в дверях, бармен кивнул на угловой столик. Там выпивали несколько человек. Я знал их всех, хотя и не так хорошо, как Женьку или Марко. Мы обменялись рукопожатиями.

— Вовремя ты, — заявил Игорь, капитан почти такого же маленького, как «Птаха», «Героя». — Мы как раз последние новости с Антрацита обсуждаем. Итак, ты не сгинул в полицейских застенках?

Я постарался скрыть, до чего неприятно мне говорить на эту тему. Но и с беззаботностью переигрывать не стоило. Судя по всему, происходило что-то серьезное. Ларри, навигатор «Осы», изложил специально для меня историю об аресте пятнадцати человек (двух экипажей в полном составе) три дня назад на Александрии. В ответ от меня желали услышать, что, собственно, происходит.

Я рассказал им то, что мог рассказать. Теперь я понял, почему о допросах в союзной полиции ходят исключительно слухи, а личным опытом никто делиться не спешит. Никогда в жизни я не признался бы в таком унижении добровольно. Поэтому я промолчал о «присяге» и о выявленной у меня «непереносимости», но рассказал о похищенной девушке, описал приметы отца и дочери Бовва и пояснил, что видели их в последний раз на Красном Небе и допрашивают всех, кто был там в то же самое время.

Когда я закончил, за столиком закипели страсти. На четырех языках пилоты обсуждали, что «это беспредел», «такого раньше не было», но, с другой стороны «вон его отпустили», «чего ж держать, раз он ни при чем», а самое главное — «что же это за баба такая, кто ее похитил и зачем она всем нужна». В переводе никто не нуждался, все привыкли хватать с пятого на десятое на любом из главных языков Края Галактики.

Я в озвучивании всяческих предположений не участвовал, молча пил пиво и думал о своем. Перед глазами стояла картина ареста двух экипажей — вот так, без объяснений, предлагая оставшимся на космодроме теряться в догадках. Скоро слухи о подобных арестах расплзутся повсюду — все-таки на Красном Небе успело побывать немало кораблей. Что мои нынешние собеседники, да и все остальные пилоты Края, скажут тогда? Сейчас все случившееся вызывает у них лишь недоумение, но завтра на смену недоумению, вполне

возможно, придет страх. А за страхом — я знал это как никто другой — обычно приходит озлобление.

Оставив компанию обсуждать произошедшее, я вернулся на «Птаху» еще более мрачным, чем покинул ее. Анна встретила меня едва ли не в шлюзе.

— Вы заперли нас, капитан, — сказала она вместо приветствия.

— А ты что, прогуляться захотела? — я не был настроен вести беседу, поэтому прошел мимо, задев девушку плечом.

Однако она оказалась упертой. Проигнорировав хамство, она догнала меня у дверей рубки, окликнула:

— Капитан!

— Ну что тебе? — я обернулся. — Мы обо всем договорились. Какие ко мне вопросы?

Она стояла слишком близко, и меня это нервировало. Я сделал шаг назад.

— Мы не договаривались, что будем вашими пленниками! — возразила она. — Не стоит перегибать палку, капитан! Мы не собираемся бежать.

Я смерил ее взглядом от кончика курносого носа до слишком глубокого, как по мне, выреза блузки, вновь посмотрел ей в глаза и поинтересовался.

— Ты что, дура?

Анна Бовва удивленно моргнула, и мне немного полегчало. Может, теперь она перестанет считать дураком меня.

— Я запираю вас, потому что летаю один, — пояснил я спокойно. — С чего бы мне оставлять корабль открытым? Для любопытных? Это во-первых. А во-вторых, я не знаю, что у вас на уме. Но точно знаю, чего я не хочу. Мне не нужно, чтобы вас сцапали на моем корабле или на планете, где ваше появление моментально свяжут с моим прилетом. Поэтому я буду вас запираю. И скажите спасибо, что не в каюте. Вам всё ясно? И не бойтесь, — добавил я. — Я не выдам вас. Это надо было делать на Антраците, на таможне в самый первый прилет. Я упустил свой шанс, — я горько улыбнулся. — И кстати, на случай, если вы захотите застать меня врасплох, оглушить и связать. Я назвал вас своими пассажирами, и вы это подтвердили. Между нами новый договор, так что спите спокойно — я не выброшу вас за борт и не застрелю. Но учтите, что этот договор работает в обе стороны. Если пассажиры причиняют вред капитану, для них это тоже добром не заканчивается. Я не знаю, как это происходит, и никто не знает. Но это так. Магия.

Анна неожиданно улыбнулась:

— Да уж, магия. Космическая.

— Зря смеешься. Кто попробовал это на своей шкуре — уже не сомневается.

— Да я и не смеюсь, — девушка согнала улыбку с лица и сменила тему разговора. — Куда мы летим отсюда?

— На Онтарио, — ответил я. — Хоть одна хорошая новость.

— Что за планета?

— Настоящая столица Края.

— Мы сможем там затеряться, как вы сказали?

Я пожал плечами.

— Понятия не имею, получится ли вас высадить. Будем действовать по обстановке.

Я рассчитывал задержаться на Онтарио, и не только потому, что это на редкость уютный и ухоженный мир. Там у меня были друзья, люди, на которых я вполне мог положиться. Нет, я не стал бы просить у них помощи (мне бы и в голову не пришло их так

подло подставлять), но я нуждался в дружеском совете. Я принял решение, но сомнения остались.

Судьба, однако, воспротивилось столь скорой развязке. Груз ждал меня в порту Онтарио, и на документах стоял гриф «срочно». Я покачал головой. В космосе не положено проводить больше времени, чем на земле, но выбирать не приходилось: мой контракт и так висел на волоске. Удивительно, что моя недобрая слава арестанта пока не добралась до моего клиента. Люди, которые занимаются торговлей, предпочитают иметь дело с уравновешенными и незаметными капитанами. Еще недавно я таким и был. Но теперь я замечен властями, взят на заметку, а значит, ненадежен.

Закончив с погрузкой, я вернулся на корабль. Пассажиры сидели в кают-компании и играли с компьютером в шахматы.

— Невезуха, — сказал я, устраиваясь на диване с чашкой кофе. — Уж больно планета хороша, а приходится улетать.

— Что-то случилось? — вскинул голову Бовва.

— Нет-нет, ничего. Просто «срочняк», срочный груз. На Дружбу, мать ее.

— Что-то не так?

— Это далеко. И заказа там всегда приходится ждать. Скинете на корабле.

— Что, даже погулять не выпустите? — ехидно спросила Анна.

— Не-а. Только не на Дружбе. Такая же дыра, как Красное Небо. Припортовой город — один в один как там, но в три раза меньше. И все друг друга в лицо знают.

— Так ведь и полиция туда, наверное, раз в два года заглядывает, — поддела меня Анна. Я усмехнулся.

— На Красном Небе до десанта в вашу честь союзная полиция тоже много лет не появлялась. Сдается мне, данный момент она все миры методично осматривает. А особенно те, где побывали подозреваемые корабли.

— Да бросьте вы! Они в свою химию как в бога верят. А большинство пилотов уж точно никакой непереносимостью не страдают и рассказывают все, как есть.

— Химия, может, и надежная штука, но человека всегда можно обмануть. Например, убраться с планеты без ведома членов экипажа. На большом грузовом корабле есть, где спрятаться, особенно если ты технический гений, — я подмигнул Анне.

— Долго в трюме не просидишь.

— А зачем долго? Достаточно одного перелета к большой планете, где легко скрыться. Да и потом есть варианты. Например, договориться с уже проверенным капитаном. Денег предложить, чем-то еще соблазнить или пригрозить, не дай бог. И отправиться куда угодно, так что ни один полицейский крейсер не отследит. Полагаю, до такой простой комбинации союзные следователи додумаются. С тех, кто побывал на Красном Небе, долго глаз не спустят, — убежденно сказал я. — Особенно с меня, ведь я свою невиновность никак не подтвердил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Больше мне не возражали.

Перелет на Дружбу — это пять суток в гиперпространстве, один из самых длинных прыжков на здешних маршрутах. Бовва бесцельно слонялись по кают-компании, играли в шахматы или в компьютерные игрушки. Иногда они запирались в каюте и что-то обсуждали. Мне эти таинственные разговоры не нравились. На третьи сутки недосыпа я вообще бываю очень нервным и подозрительным. А каким еще станешь, когда от тебя ничего не зависит,

курс проложен, автоматика действует, но по правилам ты должен сидеть, наблюдать и быть готовым немедленно реагировать? Звездолет может выпасть из прыжка задолго до расчетного времени, и где он выпадет и куда при этом врежется — никому не ведомо. Именно поэтому в космос не рекомендуется выходить одному.

Чтобы не спать, я жрал стимуляторы и все время был, что называется, на взводе. В основном я сидел в рубке, изредка появляясь в кают-компании и пугая пассажиров красными глазами и дрожью в руках. Что они думали о моем состоянии, я не знаю, но на четвертые сутки ко мне явился парламентар — Анна. Она постучалась в рубку и вежливо спросила:

— Можно?

Я уже дошел до такого состояния, что и с ее папочкой бы с удовольствием побеседовал, лишь бы не смотреть постоянно в темные экраны.

— Заходи, — буркнул я.

Она зашла в рубку и без приглашения плюхнулась в кресло второго пилота, с интересом изучая приборную панель.

— Что происходит, капитан? — спросила она. — Я сначала решила, что вы в запой ушли. Но не пахнет... Наркотики?

— Стимуляторы, — охотно сообщил я. — Легальные.

— Но зачем? Чтоб не спать до самого прибытия? — Тут же догадалась она. — Бойтесь, что мы вскроем рубку и задушим вас во сне?

— Не хватало мне этого бояться, — я криво усмехнулся. — Я вас предупредил. И потом, разве вы умеете водить звездолеты? — Я посмотрел на нее пристально, озаренный новой мыслью. — Или я чего-то о вас не знаю, а, почти гений?

— Такие — не умею, — она улыбнулась. — А вот с межпланетным катером справлюсь.

— Спасибо, что сказали, — хмыкнул я. — Буду внимательнее присматривать за своей шлюпкой.

— Она опечатана, — Анна подарила мне такую улыбку, что я смутился.

— А ты проверила. — Я не знал, возмущаться мне такой наглостью или восхищаться.

— Ну да, проверила, а как же, — она засмеялась. — Так почему вы не спите, капитан, если не боитесь?

— А не положено, — сообщил я и с удовольствием полюбовался на ее удивление.

— Как это — не положено? — Анна захлопала глазами.

— А так. Залезь в комп да инструкцию почитай. Во избежание неконтролируемого выхода из гиперпространства, и все такое.

— Разве можно столько не спать? А если прыжок несколько суток длится?

— Вообще-то нельзя. Либо второй пилот, либо не более двух суток полета в гиперпространстве. Если нельзя достичь расчетной точки за один прыжок — произвести необходимое количество максимальных погружений с перерывами не менее пяти часов. Теоретически, одиночек вроде меня за нарушение этого правила штрафуют. Смотрят полетные листы и проверяют.

— А практически? — Анна верно ухватила суть.

— А практически, кому мы нужны? — Я вспомнил про грядущие на Краю изменения и помрачнел. — Пока, во всяком случае.

— Понятно... А знаете, я могла бы подежурить. Как второй пилот. А вы поспите.

— У вас же нет лицензии на управление таким звездолетом.

— А какая разница? Никто не будет проверять, вы сами сказали.

— Да уж, — усмехнулся я. — А если и проверят, сяду я не за то, что пустил тебя в кресло второго пилота без лицензии.

Анна помолчала, а потом сказала тихо:

— Мне жаль, капитан. Мы поступили подло.

У меня мурашки поползли по спине от ее тона. Я догадался, о чем она говорит.

— Не будет никакого суда, верно? — прошептал я. — Если нас поймают, я попросту исчезну?

— Слишком многое поставлено на карту, — согласилась девушка. — Союзные спецслужбы не допустят утечки информации.

Я сидел неподвижно, сжимая пальцами подлокотники кресла и глядя в слепые мониторы.

— Тогда мне тем более нет смысла вас сдавать, — тихо сказал я. — Прощения не будет.

— Да.

Мы долго молчали.

— Поспите, капитан, — нарушила молчание Анна. — Я посижу.

— А ты знаешь, что делать, если что-то случится?

— Разбудить вас, — она лукаво улыбнулась и смахнула челку со лба. На щеках у нее были ямочки, и вот такая она начинала мне нравиться, честное слово.

— Правильный ответ, — одобрил я. — Ну ладно. Разбуди меня через шесть часов.

Я сомневался, что смогу уснуть, стимуляторы все еще действовали, да и разговор с Анной спокойствия не добавил. Но, как ни странно, я уснул почти сразу, как моя голова коснулась подушки.

10.

Насчет Дружбы я ошибся — груза пришлось дожидаться всего-то три дня. Планета была мерзкой, холодной и с повышенным тяготением, так что я и сам почти не покидал корабля. Проявил, так сказать, солидарность с пассажирами. И даже предложил Филиппу сыграть партию в шахматы — и что на меня нашло? Он согласился с видимой неохотой, и скоро стало ясно, почему: на достойного соперника я не тянул. В шахматы папаша играл отлично.

Тем более странно выглядела вся эта затея с побегом из Центра и с попыткой утаить открытие. Шахматисты, вроде, должны быть хорошими аналитиками. Никакой склонности к анализу я за Боввой не замечал. Человек, способный рассуждать логично, просто-напросто не стал бы убегать — понятно ведь, что бесполезно.

Сразу после старта с Дружбы местный патрульный катер просигналил мне остановиться. Сердце у меня ухнуло в пятки. С чего бы вдруг эта внезапная проверка? Пока катер приближался для стыковки, я прятал своих пассажиров. Они тревожно поглядывали на меня, но не спорили и не сопротивлялись. Я не стал их успокаивать — времени не было, да и смысла тоже. Нет такого тайника, который нельзя отыскать.

Полицейский лейтенант угрожать мне оружием не стал, и я счел это добрым знаком. Но обыскать корабль он все же приказал, проверка документов его не устроила. Опытный попался мужик, почуял, что со мной что-то не так, а вот что именно, сообразить не мог. Он трижды обошел корабль, исследовал в трюмах каждый уголок. Я ходил за ним по пятам, по мере сил изображая скуку. Не найдя контрабанды, лейтенант посмотрел на меня с некоторой

обидой. Он прикидывал, настолько ли подозрительным я ему кажусь, чтобы начать простукивать стены. Я буквально видел, как колеблется чаша весов. Не сомневаюсь, будь у меня в тайнике и в самом деле контрабанда, он бы ее нашел. Но, должно быть, интуиция впервые шептала этому служаке что-то неразборчивое, а ударить в грязь лицом перед подчиненными не хотелось. Он ощупал меня на прощание внимательным взглядом, откозырял и убрался восвояси.

— Почему так долго? — подозрительно спросил Бовва, выбираясь из тайника и отряхивая одежду от пыли (и откуда она берется в космическом пространстве?).

— Решил от вас отдохнуть, — машинально огрызнулся я. — Был обыск, — продолжил я другим тоном. — Или чутье у патрульного лейтенанта феноменальное, или навел кто... — я замер, озаренный новой идеей.

— Как это — навел? — удивился Бовва.

— Я неправильно выразился, — медленно сказал я. — Не навел, а посоветовал проверить, все ли в порядке у капитана Артемьева. По-прежнему ли он один летает?

Комментариев со стороны пассажиров не последовало. Они молча обменялись взглядами, значения которых я в тот момент не понял.

На планете Океан я потерял свой постоянный контракт. Вместо агента меня встретил на поле сам клиент. Разговор был коротким. Формальным поводом оказалась мое почти недельное опоздание на Алдан, а фактическим — причина этого опоздания.

— Мне не нужен капитан, побывавший в руках полиции, — холодно сказал уже бывший заказчик.

В другое время я бы непременно расстроился, попытался как-то оправдаться, напился бы с горя в местном кабаке. Но сейчас я лишь кивнул и повернулся к бизнесмену спиной. Следовало привести в порядок дела и обдумать ситуацию.

Но прежде я по давней привычке пошел в бар. И обомлел: здесь собрались, по меньшей мере, человек пятнадцать пилотов торгового флота с нескольких планет Края. То-то мне показалось, что на космодроме непривычно много кораблей. Если я не ошибался, некоторые из них покинули свои обычные маршруты ради прилета на Океан. Зачем? Догадки не внушали мне ни малейшего оптимизма. Секунду я постоял на пороге, взвешивая шансы на незаметное исчезновение. Но этой секунды оказалось достаточно: меня заметили и замахали руками, подзывая к столу.

Ничего не поделаешь, я подошел, сел на свободный стул и оглядел собравшихся. Можно было подумать, что я попал на вечеринку. На столе было тесно от пивных кружек, бокалов, рюмок и тарелок с закуской. Но на лицах я прочел, что весельем здесь и не пахнет. Приходилось верить своим глазам: я попал на что-то вроде собрания представителей торгового космофлота Края.

Расскажи мне кто о подобном «слёте» недели этак три назад, я бы рассмеялся фантазеру в лицо. Индивидуалисты, гоняющие по космическим трассам с грузами на борту на звездолетах компаний, частных лиц или на собственных кораблях, во многом конкуренты, мы осознавали свою общность только за столиком в баре, делясь свежими новостями из разных уголков Галактики, а никак не перед лицом неведомой опасности. Во всяком случае, я не припомню никаких собраний, когда пираты нападали на каждый третий корабль в бывшем китайском секторе. Полиция сбилась с ног, хозяева грузов сжимали кулаки, а пилоты философски пожимали плечами: такова, мол, наша трудная жизнь. Правда, пираты редко трогали экипаж, ограничиваясь грабежами. Но ведь и союзная полиция до сих пор не

убивала пилотов, по крайней мере, я о таком не слышал.

Что же заставило собраться вместе — я оглядывался, узнавая присутствующих — капитана Лидса, настоящего космического волка пятидесяти лет от роду, из которых почти тридцать отдано пилотированию кораблей? Аркашу Смолина, второго пилота неуклюжей баржи под названием «Полярная звезда»? Рыжего капитана Арчетта, пять лет исправно водящего корабли крупнейшей на Краю торговой корпорации «АйТи»?

Не было Марко, не было никого со «Стрель» (а мне показалось, я видел Женькин звездолет во время посадки). Но это ни о чем не говорило. Невозможно собрать в маленьком баре представителей всех кораблей, и даже не потому, что они не поместятся на площади и в тысячу квадратных метров. Просто большинство пилотов пожмет плечами и скажет: «У меня работа (отдых, ремонт)», а на собрания пускай собираются банковские клерки или полицейские начальники. Именно так я представлял себе это раньше. Видимо, здесь собрались самые активные. Неравнодушные, так сказать. Или те, кто в курсе последних событий. Последняя мысль, самая зловещая, оказалась верной.

— Всем привет, — сказал я. — По какому поводу пьем?

Мне никто не ответил. Капитан Лидс внимательно изучил мое лицо, а потом спокойно спросил:

— Это правда, что ты четыре дня был под арестом на Антраците?

Я ограничился кивком, стараясь смотреть на него столь же пронизывающим взглядом.

— А ты знаешь, сколько человек с тех пор арестовали по всему Краю?

Я присвистнул, а потом засмеялся, хотя смеяться совсем не хотелось. От обиды перехватило горло. Смех оборвался сам собой.

— Не вижу связи, — сухо сказал я. — Точнее, связь есть, но не та, что вы подумали.

И я коротко изложил историю с поиском «похищенной» Анны Бовва и с Красным Небом, а потом задал вопрос, вертящийся на языке:

— Их до сих пор не отпустили? Ну, тех, кто был арестован из-за того, что был на Красном Небе?

Капитан Лидс покачал головой.

— Отпустили экипажи «Гордого» и «Утренней зари», — ответил он. — Они работали на «АйТи», подозреваю, что у них нашлись заступники. И тебя.

— А как же остальные? — я нахмурился, действительно удивленный. Коллеги внимательно смотрели на меня. Никто не произнес ни слова, всю инициативу отдали капитану Лидсу.

— Их должны отпустить, — я старался говорить спокойно. — Всех, кроме единственного виновника, который увез девушку и ее похитителя с планеты. Если такой, конечно, был. Возможно, мы просто чего-то не знаем.

— Сдается мне, ты что-то недоговариваешь, Леша, — неожиданно подал голос Аркаша Смолин. — «Должны отпустить!» Откуда такая уверенность? Может, мы и вправду чего-то не знаем, зато ты, похоже, знаешь больше, чем говоришь.

Тут он попал в точку: знал я намного больше, но болтать об этом не собирался. К тому же, я начал злиться на этих придурков, которые не поленились собраться здесь и обвинить меня в каком-то мифическом предательстве.

— Я знаю столько, сколько рассказал, — ровно сказал я. — Тех, кто ни в чем не виноват, отпустят. Речь идет о чем-то очень серьезном, разве вы не понимаете? — Я еще раз обвел глазами собравшихся, постарался каждому заглянуть в глаза. — Эти люди, которых

ищут, очень нужны Союзу, вот их и ловят, не считаясь ни с чем. Поймают — и все успокоится.

Мне самому хотелось в это верить. Но поскольку поймать беглецов не должны ни при каких обстоятельствах, скорого спокойствия на Краю ждать не приходится.

Мне хотелось сказать этим людям, сидящим рядом: «Возвращайтесь на маршруты. Чем больше вы суеитесь, тем жестче станет действовать полиция. Не давайте ей повода, да и всё. Возмущаться в данном случае бесполезно, иначе они решат, что все мы действуем заодно». Но я догадывался, как они расценят мои слова. Их доверие я уже утратил, но пока меня не назвали вслух предателем, стукачом или трусом, нарываться не следовало. Пусть действуют, как хотят — возмущаются, протестуют...

Я мысленно пожал плечами и встал.

— Улетаешь? — спросил кто-то.

— Всего хорошего, — бросил я.

Я шел по территории космопорта, опустив голову, полностью погрузившись в свои мысли. Какой-то человек едва не сбил меня с ног, чертыхнулся и тут же воскликнул знакомым голосом Женьки Садовникова:

— Лешка! Ты!

В порыве чувств он обнял меня и прижал к груди. По контрасту с поведением коллег его приветливость была как нож в сердце.

— Я слышал, что тебя выпустили, — радостно заговорил он, изучая меня с головы до ног, словно проверял мою целостность. — Как жизнь?

— Ты что, на общее собрание опоздал?

— Какое собрание? — не понял Женька.

Я объяснил. Он захлопал глазами, потом махнул рукой:

— Не обращай внимания. Ребята всполошились, их можно понять. Дела и впрямь чудные творятся, — он посерьезнел.

— Но ты-то не думаешь, что я половину экипажей в каких-то неведомых грехах обвинил? — вырвалось у меня.

— Я? Не верю, — спокойно ответил Женька. — Темнишь ты чего-то, это точно, но в полицию стучать — не твой стиль. Да и не знал ты ничего про их дела, верно?

Я кивнул.

— Чего темнишь, я вникать не хочу, — продолжал Женька. — А вот новостями поделюсь, они и к тебе отношение имеют, могу поспорить.

— Что за новости? — спросил я, отчего-то холодея.

— С Самсона. Там только что уничтожен полицейский союзный катер с крейсера.

— В смысле — уничтожен? — не понял я. — Кем?

— Нашими братьями-пилотами, экипажем «Звездной дороги». Знаешь их?

— Плохо, — я мотнул головой, чувствуя, как слабеют колени. Захотелось сесть прямо на землю. — Что там произошло?

— Я не знаю, и никто толком не знает, — ответил Женька. — Вроде бы к ним на борт пришел патруль, предъявил ордера на обыск и на арест, а они принялись отбиваться, а потом захватили катер и всех перестреляли.

— Впятером? — поразился я.

— Им помогли. Там было еще несколько кораблей, плюс местные. Понятия не имею, что пилоты им наплели, но ты же в курсе, как любят на Краю союзную полицию...

— Они сошли с ума? — шепотом спросил я. Мне показалось, что под моими ногами разверзлась бездна, в которую я провалюсь, стоит сделать лишь малюсенький шаг. Я невольно опустил глаза, но ничего не увидел, кроме гладкой серой поверхности летного поля.

— Может, это был тот самый корабль, который увез тех двоих? — как в тумане донесся до меня Женькин голос. — Леша, ты меня слышишь?

— Слышу, — прошептал я, пытаюсь справиться с голосом. — Разве «Звездная дорога» была тогда на Красном Небе? И почему такая задержка? Вроде всех, кто там был, давно нашли и взяли.

— Они были на Красном Небе, — теперь шептал Женька. — Я слышал краем уха, и сам не поверил, но, выходит, правда. Вроде бы, там есть «левый» космодром...

— Контрабанда графитом? — озарило меня. — Космодром нашли не сразу, — я лихорадочно размышлял вслух, — а когда нашли, сообразили, что Бовва могли удрать и оттуда. Все там перетряхнули, выяснили названия кораблей...

— Чего ты бормочешь? — Женька тряхнул меня за плечо. — Что такое Бовва?

— Бовва — это та самая девушка, которую ищут. Анна Бовва, — пояснил я. — И второй тоже Бовва.

— Брат, что ли?

— Отец, — зачем-то ответил я, поймал Женькин удивленный взгляд и захлопнул рот.

Женька покачал головой.

— Во что ты вляпался, Леша? — тихо спросил он.

— Ни во что, — ответил я. — Вляпались те, кто сейчас на Самсоне. Представляешь, что с ними будет?

— Мне другое интересно: что будет со всеми нами, если этих — как ты их назвал? — в скором времени не поймают.

Я не нашелся, что ответить. Ясно одно: едва о случившемся узнают в Центре, можно ждать чего угодно. Уничтоженный полицейский катер Краю не простят — хотя бы потому, что ничего подобного раньше не случалось.

Я пристально посмотрел на Женьку, как никогда встревоженного, и сказал:

— Мой клиент только что расторг контракт. Я улетаю на Онтарио, буду искать заказчика и ждать новостей с Самсона. Попытайся найти меня там.

— Ну...ладно. Тогда я пошел. Расскажу остальным.

Мне очень хотелось сказать: «Не ходи». Я представлял, какую реакцию вызовет в баре этот рассказ. Закусив губу, я протянул Женьке руку для прощания.

— Будь осторожен, — неожиданно сказал он.

И я не выдержал.

— Успокой их, — сказал я, кивая в сторону забегаловки. — Тебе поверят. Скажи, что полицейские поймали контрабандистов, а те стали оказывать сопротивление. Тем более что это правда. Молчи про Красное Небо, а то...

— А то что?

— А то ребята решат, что полиция уж слишком зарвалась в своих поисках и всех пилотов записала в потенциальные сообщники похитителя.

— А это не так?

— Не знаю. Надеюсь, что нет, и дело просто в том, что им надо найти этих людей. Рано или поздно их схватят, и все закончится. Я не хочу, чтобы к тому моменту половина

космофлота Края разыскивалась за вооруженное сопротивление полиции. Понимаешь?

Женька кивнул:

— Постараюсь.

Я понятия не имел, могу ли я положиться на него. Сейчас кстати был бы Марко, всегда ироничный и скептически настроенный. Он бы живо нашел, чем успокоить людей, сумел бы подобрать нужные слова. Но Марко рядом не было. Надеюсь, его не было и на Самсоне, подумал я.

Я вспомнил о пассажирах, надежно укрытых на «Птахе». Что будет с Краем Галактики, если их найдут, я представлял. А если не найдут? До чего способны дойти полицейские в своем рвении? Запретят грузовые перевозки? Начнут арестовывать всех подряд? И какова будет реакция здешних жителей, раз уж каким-то контрабандистам легко удалось стравить их с полицейскими? Я стиснул зубы. Судьба словно заставляла меня стать убийцей. Найденные где-нибудь на орбите холодные тела разом положат конец поискам, а значит, и беспорядкам на Краю. И не нужно будет опасаться межзвездной связи.

Вернувшись на корабль, я долго думал, стоит ли делиться новостями с пассажирами. С одной стороны, они должны быть в курсе дела. В связи со случившимся на Самсоне наше положение осложнялось. Следовало ждать внезапных облав, проверок документов, усиления бдительности. С другой стороны, пока они отрезаны от мира, на них легче воздействовать...

И все-таки я им рассказал. Не удержался и обрисовал все наши перспективы, присовокупив, что сами собой поиски, скорее всего, не утихнут, как я рассчитывал.

— Они будут искать, пока не найдут, — сказал я. — В их силах расчертить весь Край на квадраты и методично прочесывать, то есть обыскивать, арестовывать, допрашивать, ограничить передвижение...

— Что вы собираетесь делать? — прервал меня Бовва.

— Лететь на Онтарио и прятать вас там. В космосе сейчас гораздо опаснее. Они потеряли ваш след, а из-за этого... м-м-м...инцидента, скорее всего, будут искать вас на Самсоне. Вряд ли в ближайшее время дело дойдет до десанта на другие планеты. К тому же, им придется трижды подумать, прежде чем высаживать десант на Онтарио. Там население почти миллиард человек. Так что время еще есть.

— Вот как, — Бовва покусал губы. Я взглянул на «почти гения», виновницу всей этой заварушки. Она молчала, но смотрела на меня как-то странно.

— А как же ваш контракт? — спросил Филипп.

— У меня его больше нет.

— Мне жаль. — Было видно, что ему ничуть не жаль. — Ну что же, вам виднее, что делать дальше. Сколько лететь на Онтарио?

— Двое суток, — обронил я и ушел в рубку.

На этот раз Анна не стала ждать, когда я начну принимать стимуляторы. Она пришла на вторые сутки и принесла мне стаканчик с чаем. Несколько минут мы просидели в молчании. Потом она спросила:

— А какая, собственно, разница, один длинный прыжок или несколько коротких? Курс один и тот же, и все делает автоматика, разве нет?

— Да. А ты знаешь, что каждый выход из гиперпространства увеличивает риск сбоя системы? Мы ведь гиперпрыжками пользуемся, и половины их свойств не зная. Работает, и ладно. Тоже какой-то умелец однажды изобрел.

— И мир изменился... — тихо сказала Анна.

— Ну да... — я понял, куда она клонит, и засмеялся. — Не надо делать из меня противника прогресса. Видишь ли, гиперпрыжок сначала очень многих лишил власти. И понадобился почти век, чтобы появился Союз, да и то лишь потому, что Галактику можно было освоить исключительно сообща. С межзвездной связью все наоборот. Сначала она лишит очень многих людей свободы, к которой они привыкли, и только потом начнет приносить пользу.

— Значит, польза все-таки будет?

— А как же. Цивилизация придет на Край семимильными шагами. Здесь наконец-то наведут порядок. Но у порядка по сравнению с хаосом есть свои минусы. За него приходится очень дорого платить.

«Свободой», хотел добавить я, но удержался — получалось слишком пафосно.

— Я понимаю, — неожиданно кивнула Бовва. — Порядок — это ограничения. А вам противны любые ограничения, так?

— Не любые, — я нахмурился. — Но частенько грань бывает слишком тонка. Край Галактики нравится мне таким, какой он есть, — я вспомнил о последних событиях и добавил, не в силах скрыть горечь. — Точнее, каким был.

«А может, лучше дальняя связь, чем полиция на каждом шагу?» — внезапно закралась мне в голову мысль. Но я благоразумно оставил ее при себе. Если мои страхи насчет полицейских кордонов и прочих перегибов, допустимых в чрезвычайной ситуации, оправдаются, придется менять стратегию, а вариантов в запасе всего два: выдать пассажиров или убить их. Хорошенькая перспектива, которой уж точно не стоит заранее делиться с Бовва...

Разговор сам собой оборвался, и я отправился на свою раскладную кровать, оставив Анну в кресле второго пилота.

Мы сели на планету ночью. Несмотря на помощь Анны, я чувствовал себя ужасно. Следовало либо выпить чашки три крепчайшего кофе, либо лечь и спокойно поспать хотя бы несколько часов. Я рассудил, что спешить некуда, объявил тихий час и уснул, забыв запереть рубку. Расслабился за последние дни, поверил, что им некуда и незачем бежать. Но пассажиры как будто прочли мои недавние мысли.

Я проснулся и несколько секунд не мог понять, что разбудило меня. Звук? На «Птахе» царила мертвая тишина. Тишина! Я вскочил, понимая, что случилось непоправимое. В корабле не было никого, кроме меня, я ощущал это всей кожей, шестым чувством, отточенным за годы, проведенные в космосе. Я бросился в кают-компанию, потом в каюту, проверил даже галюн. Никого.

Вернувшись в рубку, я включил обзорный экран. Было уже светло. Несколько мгновений я тупо наблюдал утреннюю космодромную суету за бортом. «Боже мой, зачем? — думал я. — А главное, как?» Они не могли опустить аппарель, я заблокировал ее. Разве что... Проклятие! Я обшарил карманы кителя, висящего на спинке кресла в рубке, и убедился, что ни оружия, ни универсального ключа там нет.

Куда они пойдут? В здание космопорта, конечно. По-другому с взлетного поля не выбраться. Там-то их и схватят. Я не говорил им, случая не было, но на Онтарио, в отличие от многих планет Края, на выходе стояли рамки, считывающие печати. Как только они пройдут рамку, информация о них попадет в базу. Люди несовершенны, охранники и таможенники могут не помнить все полицейские ориентировки. Но система не забывает ничего. Если в ней есть информация о розыске этих людей — тревогу поднимут

моментально. Я-то собирался вывести их через служебный вход...

Я додумывал эту мысль, доставая экран, вызывая такси и пулей вылетая из «Птахи». Я не успею, думал я, запрыгивая в машину. Я не успею.

Но я успел — почти. Должно быть, они прошли все взлетное поле пешком и долго стояли в очереди к стойке паспортного контроля у выхода из космопорта. Сейчас их очередь почти подошла. На что они рассчитывали? Что рамки не считывают печати? Наделись, что информация сюда не добралась? Какая глупость! Они ведь знали, что Онтарио — один из крупнейших транспортных узлов Края. Тогда в чем дело? Жест отчаяния? Желание сдатьсь?

Недавно прибыл очередной пассажирский лайнер, в зале толпилось много народу. Я наступал на ноги, спотыкался о баулы и репетировал про себя нужные слова: «О, это вы, как я мог вас потерять, давайте отойдем...» Мне не хватило нескольких шагов. Филипп Бовва, подошедший почти вплотную к рамке, внезапно выхватил пистолет. Я с ужасом узнал собственное оружие. Дальше все происходило очень быстро. Люди шарахнулись от него, офицер у стойки паспортного контроля потянулся к кобуре, и Бовва выстрелил в него. Раздался громкоголосый визг, большинство людей повалилось на пол. Остальные полицейские за стойкой тут же залегли.

Я бросился вперед, уже ничего не понимая и не прикидывая. Все случилось одновременно. Выглянув из-за стойки, полицейский прицелился в Филиппа. Я прыгнул, пытаясь то ли сбить Бовва с ног, то ли прикрыть собой. Прыжка не получилось — Анна, которая, благоразумно упавшая вместе со всеми, подкатилась мне под ноги и повалила на пол. Офицер выстрелил, и Бовва упал, неловко взмахнув руками и выронив пистолет. Я видел, что он мертв, и все-таки порывался подползти, посмотреть, что можно сделать для него, а может, кто знает, подобрать «Кольт» и продолжить его войну. Я словно разум потерял.

Но Анна с неожиданной для девушки силой прижала меня к полу и прошептала сквозь зубы:

— Лежи, дурак, не шевелись. Всё. Всё уже кончилось.

Она была права — все было кончено. Я не справился. Не спрятал. Не уберег. И даже себя не сумел спасти.

Полицейские с оружием в руках вылезали из-за стойки и осторожно приближались, а я лежал лицом вниз на грязном полу и, кажется, плакал.

Часть 2.

1.

В камере полицейского участка при космопорте было полутемно и очень неудобно. Для такого важного преступника, как я, местная полиция постаралась выделить самые надежные «апартаменты». Мне снова повезло: в камере я был один. Должно быть, меня специально изолировали от всех, но мне эта паранойя была только на руку. Я не хотел никого видеть.

С Анной нас разлучили практически сразу же. Но пока мы лежали на полу, она торопливо шепнула мне на ухо:

— Запомни: мы присоединились к тебе на Океане и силой заставили вести корабль к Онтарио. Помнишь, ты говорил? Мы знали, что ты уже проверен.

— Как именно — силой? — уточнил я.

— Подстерегли возле корабля, втолкнули внутрь и отняли «Кольт» — быстро выдала Анна, будто давно продумала этот вариант.

— Но как вы туда попали? — успел спросить я.

— Ты не в курсе, а я найду, что ответить, — туманно пообещала Анна, и тут к нам подбежали полицейские. Она проходила в сводках как похищенная девушка, поэтому ее заботливо подняли с пола и куда-то повели в окружении охраны, а мне досталось несколько жестких пинков под ребра и тугие наручники. Никто и не собирался вникать, жертва я или сообщник. Как потом выяснилось, мой рывок к Бовве приняли за попытку схватить девушку.

Пока меня не увели, я несколько раз громко повторил, что я ни при чем, что преступники вырубili меня и сбежали с корабля, украв оружие и универсальный ключ. Я видел, как нас снимают на экраны из толпы, и хотел заручиться независимыми свидетельствами. Эти ролики через пять минут будут в сети, и уже никто не скажет, что я придумал эти показания в камере.

Но допрашивать меня не стали. Напрасно прождав несколько часов, я понял, что местные предпочли оставить выяснение всех обстоятельств союзной полиции. Всё, что мне оставалось, это лежать на нарах, глядя в потолок, и ждать прибытия крейсера.

Я покрутил в голове разные версии своего рассказа, и пришел к выводу, что идея Анны — самая разумная. Но мне все равно не верилось, что я выйду сухим из воды, ведь подтвердить мои показания с помощью «присяги» не получится, а на слово — ну кто мне поверит? Даже если Анна подтвердит. И кстати, она-то как собирается обмануть «присягу»? Неужели тоже... непереносимость? И вряд ли врожденная. Я усмехнулся, вспомнив улыбку с ямочками, светлую челку и ее манеру вгонять меня в краску неожиданными гримасами и подмигиваниями. Девчонка умела сбить с толку, но следователей союзной полиции подобными ужимками вряд ли смутишь.

За дверью послышался какой-то шум. Я сел. Прошло лишь несколько часов с нашего задержания (что-что, а время в замкнутом пространстве я всегда чувствовал хорошо), крейсер не мог прибыть сюда так быстро. Все-таки допрос? Или меня решили покормить?

Заскрежетал замок. В камеру шагнул полицейский и уставился на меня злыми, мутными глазами. Он был пьян. Видимо, парни поминали погибшего товарища, и в процессе захотели почесать кулаки об одного из виновников его гибели, раз уж второй ушел от наказания — умер. На лице вошедшего рядового боролись страх нарваться на выговор (большее ему вряд ли грозило) и желание выместить на ком-нибудь свою боль и гнев. Второе перевесило.

— На выход! — рявкнул он.

Я не двинулся с места, наоборот, вжался в стену и отрицательно качнул головой.

— Я сказал — на выход! — Парень схватил меня за плечо, но у нас была не такая уж большая разница в весе. Он понял, что не справится, и стал действовать по-другому: размахнулся для удара. Я метнулся в сторону и упал на нары, перекатился на живот, спрятал руки под себя. Рядовой выругался, сообразив, что один со мной не справится, и ненадолго отступил. Через минуту он вернулся с подмогой. В несколько рук меня стащили с нар, поставили на ноги и вытолкнули в коридор. Дверь в камеру захлопнулась.

Приемами рукопашного боя я владел плохо, но все же владел — чему только не научишься за десять лет на Краю Галактики. Впрочем, использовать их не было никакого смысла. Их трое, они вооружены, а бежать мне некуда. Сопrotивляться означает лишь раззадорить и без того злых мужиков. Я это понимал, но смириться просто так не мог.

Я резко вывернулся из державших меня рук и метнулся назад, вглубь коридора, но не

успел сделать и пары шагов. Меня ловко сбили с ног и навалились сверху, локти больно заломили за спину.

— Да что с вами?! — выкрикнул я. — Что я вам сделал?

— Он еще спрашивает! — выкрикнул кто-то из троих. — А Толика Никитина кто убил?

— Не я! Это был не я! — довольно трудно было возражать, уткнувшись лицом в пол, но я старался изо всех сил.

— Мы пробили по базе. «Кольт» зарегистрирован на тебя! — сообщил второй.

— И что? Стрелял-то не я.

— Но ты отдал ему оружие!

— Вовсе нет! Он сам его забрал.

— Рассказывай! — вступил первый полицейский, тот, что приходил ко мне в камеру.

— И расскажу. Но вы же не спрашиваете!

— А нам и не положено, — опять второй, видимо, самый умный. — Спрашивать тебя начальство будет. А мы просто объясним кое-что!

На шум пришел сержант — ребята явно развлекались с разрешения старшего смены.

— Ну, что вы там возитесь? Справиться не можете? — с издевкой поинтересовался он.

— Сопrotивляется, гад! — третий из компании, видимо, самый недалекий (именно он обвинял меня в смерти Толика), засопел и попытался попасть мне ботинком по лицу. Я отвернул голову, и удар получился скользким. — У-у, сука!

Второй охранник наступил мне коленом на спину и попытался зафиксировать руки, чтобы надеть браслеты. Я сопротивлялся, лихорадочно пытаюсь придумать, чем бы их пронять. Ничего в голову не приходило. Сержант, с минуту полюбовавшись на эту картину, ушел.

Наконец им удалось сковать мне руки за спиной.

— Не туго? А ну пошел!

Меня поставили на ноги. Я стремительно бледнел, но пока держался. Даже попытался обмякнуть и снова сесть на пол.

— Вот сволочь! — искренне удивился первый. Он явно был главным заводилой. — А ну держите его!

Двое остальных подхватили меня под локти, и он сильно ударил меня кулаком в лицо. Увернуться не удалось. Меня швырнуло к стене, из носа хлынула кровь.

— Ну вы и козлы! — вырвалось у меня. — Герои, мать вашу! Против мужика с «Кольтом» за спину этого вашего Толика спрятались! Зато теперь смелые!

— Заткнись! — прошипел первый и опять замахнулся.

— Ну, правильно, давайте! — я слизнул кровь с верхней губы. — С безоружным и связанным воевать не страшно. Ваш Толик бы не одобрил, наверное, но его уже нет, так что вперед!

Судя по реакции, я нечаянно попал в десятку. Должно быть, погибший Толик слыл здесь идеалистом и моралистом, и уж точно не одобрял избиение связанных задержанных. Как раз такие обычно вызывают огонь на себя, чтобы прикрыть гражданских. Его наверняка не очень-то любили, но после смерти внезапно ощутили чувство вины, а пока пили за упокой, возвели его в ранг святого. И теперь очень ясно представили, как святой смотрит на них с укоризной и качает головой: «Ну что же вы, ребята, опять за свое?» Тот, что ударил меня, сплюнул на пол и, ругаясь сквозь зубы, пошел прочь.

— Эй, Семенов! — крикнули ему вслед. — Ты чего? Сам же хотел!

Но Семенов, не оглянувшись, скрылся за поворотом коридора, а его товарищи остались вдвоем.

— Ну что, в камеру его? — спросил третий. Свое мнение у него, по всем признакам, отсутствовало.

Я стоял, прислонившись к стене, и ждал их решения. Кровь из носа капала на воротник рубашки, скованные руки болели.

Второй полицейский чертыхнулся, освободил мне руки и втолкнул в камеру. Я сел на нары и вытер рукавом кровь с лица. Я чувствовал себя почти победителем.

После этого происшествия я так и не уснул. Лежал и думал о том, зачем Филипп Бовва сунулся туда, где их гарантированно засекали бы, и зачем он вообще взялся за оружие. Разумных объяснений мне в голову не приходило. Разве что одно: он догадывался, что его не пощадят, и предпочел закончить все таким образом. Но зачем было уходить с «Птахи»? Я не знал ответа.

2.

За мной пришли поздно ночью — для союзной полиции не существовало местного времени. Все повторилось, как в кошмаре: конвой, ярко освещенный космодром Онтарио, межпланетный катер, шлюз огромного крейсера, бесконечные коридоры, чиновник, удивленный отсутствием у меня печати, и одиночная камера. Я сел на койку и постарался подготовиться к любому исходу. Второй раз будет труднее. В конце концов, у них могут найтись и другие способы получить правдивые показания. Однако сидеть безвольной куклой, выкладывая все, казалось мне самым отвратительным, что может со мной случиться. Каким же наивным я был тогда!

Сидя в камере, я постарался расслабиться, насколько возможно. Скоро мне потребуется притворяться и лгать, а для этого следует стать спокойным и отрешенным. Не уверен, что у меня получилось, но на кресло-трансформер в кабинете следователя сел уже не наивный капитан, пытавшийся спрятать от Союза изобретателя межзвездной связи. Новый я помнил одно — нужно уцелеть и остаться свободным, поскольку это всё, что у меня останется в новом мире.

Я не удивился, увидев, что в кабинет входит мой старый знакомый капитан Косарев. Поймав его взгляд, острый, пронизывающий насквозь, я приложил все усилия, чтобы не спрятать глаз. Напротив, я привстал ему навстречу и сказал:

— Как хорошо, что это вы!

— Да? — Косарев даже шаг замедлил, так удивился. — Чего же тут хорошего?

— Ну, — Я сделал вид, что смутился. — Мы с вами уже встречались, и вы знаете, что я ни в чем не виноват!

— Вообще-то, я ничего не знаю. Нам ведь не удалось допросить вас под присягой.

— Но вы же обыскивали мой корабль и в курсе, что там никого не было. И на Антраците вы тоже никого не нашли, само собой. Потому что я туда никого не привозил.

— Корабль после дезинфекции? — Косарев улыбнулся. — Естественно, мы не нашли никаких следов.

— И правда, была же дезинфекция, — я изобразил, что только об этом вспомнил. — Но я и подумать не мог, что вам понадобится... Я пять месяцев не чистился.

— Да, — кивнул он. — Мы это проверили. Но, видите ли, капитан Артемьев, вроде

складно все получается, но что-то не стыкуется. На Красном Небе вы с этими людьми разговариваете и спрашиваете о них. На Антраците вы очень вовремя устраиваете дезинфекцию, потом оказывается, что вас нельзя допросить под «присягой»...

— Я не знал об этом! — Хоть тут можно не врать.

— Да, — Косарев помолчал. — Вы вели себя так, как будто не знали. И тогда я вам поверил, а теперь вот засомневался. Вы могли рискнуть и промолчать об этой вашей... особенности. Кстати, откуда она у вас?

— Понятия не имею. — И снова можно отвечать честно. — А разве она не врожденная? Вы сказали — нестандартная реакция, или как-то так. Редко, но бывает.

— Я о такой реакции раньше только слышал, — признался следователь. — Но после вашего случая я навел справки, и мне объяснили, что такой набор симптомов указывает... на определенные вмешательства в организм. Целенаправленные вмешательства, которые исключают возможность допроса под «присягой». Выходит, мы что-то не знаем о вас, капитан Артемьев.

— Вы можете проверить, что я именно тот, кем являюсь, — сказал я напряженным голосом. — И я не представляю, кто такое со мной проделал.

Мне оставалось лишь надеяться, что мой отец хорошо замел следы, и тайна моего рождения останется тайной. По документам я был воспитанником интерната с младенчества и до семнадцати лет, но по факту до самой смерти отца рос в семье, а потом попал в интернат, но и там меня навещала мама и забирала на выходные. Женой сенатора она не была, отец и здесь проявил свойственную ему осторожность. Сейчас, спустя семнадцать лет после его смерти, никакое расследование, даже самое тщательное, не выявит мою связь с сенатором. Мало ли однофамильцев.

— Я родился на Шторме в год мятежа и вырос в интернате, — повторил я привычно. — О биологических родителях я ничего не знаю. Может, сторонники независимости проводили тайные опыты? На детях.

— Не говорите глупостей, — оборвал меня Косарев. — Но мы проверим.

Судя по тону, следователь и сам понимал: ничего он не выяснит, спустя столько лет. Самое смешное, что мое предположение было недалеко от истины. Наверняка это дело рук отца, главного сторонника независимости Шторма. Я передернул плечами. Как это на него похоже — никому и слова не сказав, обеспечить родному сыну еще одну степень свободы.

— Вы интересный человек, — помолчав, продолжил Косарев. — У вас нет печати, но есть непереносимость «присяги». И вы почему-то оказались по уши замешаны в это дело. Куда не кинь — везде вы. Хорошо. Я вас слушаю. Как эти люди оказались на «Птахе», если вы не увозили их с Красного Неба и не прятали где-то на Антраците?

— Да где я мог их спрятать?! — Изобразить, что у меня сдают нервы, было совсем не сложно. Я действительно держался из последних сил. Мне не нравились эти игры, я не умел их вести и не верил, что в силах выиграть. Но, как и в случае с пьяными полицейскими, я не хотел сдаваться сразу. — Там что, остались места, которые вы не проверили, пока держали меня взаперти?!

Косарев задумчиво пожевал губами.

— Вообще-то нет, — сказал он. — Я думал, мы проверили всё. Каждый дюйм под этим проклятым куполом. Заглянули буквально под каждую кровать в городке, в каждое помещение космодрома. Но кто знает... Вдруг вы сумели нас обмануть.

— Нет, — я покачал головой. — Я не брал их на Красном Небе и не привозил на

Антрацит. Они сами нашли меня на Океане, подстерегли у аппарели. Я так понял, они как-то выяснили, что меня уже проверили. Я их узнал, но было поздно. Меня разоружили, наставили пистолет... Мне пришлось согласиться, — закончил я. — Они мне угрожали.

— Согласиться на что?

— Лететь на Онтарио. Я как раз потерял свой постоянный контракт, так что мне было без разницы, куда отправляться. — Это было легко проверить.

— А потом?

— Когда мы прилетели, они вели себя так, будто не собираются покидать корабль, но и мне запретили. Отняли «Кольт» и универсальный ключ.

— И что вы сделали?

— Ничего, — честно признался я. — Лег спать. С Океана дальний гиперпрыжок, я дежурил в рубке управления и очень устал. А когда я проснулся, их уже не было. Я не рассчитывал догнать их, но все равно побежал — сообщить...

— Врете, — сказал Косарев беззлобно. — Вы были счастливы, что они убрались. Почему вы не улетели с планеты тот час же?

— Смеетесь? У них остался мой пистолет и универсальный ключ от «Птахи». Ключ ладно, я мог заказать другой. Но я не хотел, чтобы они засветились где-то с «Кольтом», записанным на меня. Как бы я потом выглядел?

— Да, это аргумент, — согласился Косарев.

— Ну а дальше вы знаете. Видимо, они покинули корабль незадолго до моего пробуждения. Я вошел в терминал и увидел их в очереди. А там... Я не очень понял, что произошло. Я хотел по-тихому предупредить полицейских у рамки, но тут началась стрельба, и мы с девушкой упали. Она меня толкнула, — честно сообщил я.

— Вот как?

— Да.

— И это вас не удивило?

— Удивило. Но зачем она это сделала, спросите у нее.

— Спросим, — пообещал следователь и долго сверлил меня тяжелым взглядом. — Нам придется вас задержать, вы это понимаете? Если бы вы могли повторить то же самое под «присягой», всем было бы проще. А так... Мы будем проверять ваши показания. Это займет немало времени. Вы задержаны за соучастие в похищении Анны Бовва.

— Смешно, — сказал я горько. — А встречный иск я могу выдвинуть? Заявить о похищении меня?

— Пожалуйста, — кивнул Косарев. — Хотите написать заявление?

— Обязательно.

— Одну минуту. — Пальцы Косарева забегали по экрану. — Вот. Прочтите и распишитесь.

Я прочитал свои показания и приложил к экрану палец.

— Теперь это, — Косарев перелистнул документ и вновь подsunул мне экран. Это было коротенькое заявление о похищении на Океане, составленное от моего имени и из моих слов. Я прочитал его, но палец приложить не спешил.

— В чем дело? — резко спросил следователь.

— Тут написано, что на Океане Филипп Бовва напал на меня и заставил лететь на Онтарио, угрожая оружием.

— И что не так?

— Они действовали заодно, — тихо сказал я. — Девушка помогала ему. Я еще тогда удивился, ведь вы сказали, что ее похитили, увезли против ее воли. Но ничего подобного я не заметил.

Мне было страшно. Я признавался в том, что заметил кое-что странное и противоречащее официальной версии о похищении. И я понятия не имел, чем это для меня обернется. Но я чувствовал, что умолчать об этом опаснее. Следовательно, скорее всего, и без меня знал, что Анна не была похищена. И если я буду представлять ее невинной жертвой, сразу станет ясно, что я сочиняю.

— Спасибо, — Косарев коротко кивнул. — Это важная информация.

Он быстро дописал несколько слов в мое заявление, и я расписался.

— И что со мной будет? — спросил я.

— Вы побудете под арестом на крейсере, — ответил Косарев. — Если следствие установит вашу непричастность к похищению... — он сделал паузу, — ...или к побегу опасного преступника и его сообщницы, вас отпустят на все четыре стороны.

Отчего-то я ему не поверил, хотя очень хотелось.

3.

Следующие десять дней я провел на крейсере. Изредка следователь Косарев вызывал меня на допросы для уточнения разных мелких деталей. За все это время речь ни разу не зашла о том, почему Союз искал Анну Бовва и почему она от него скрывалась. Меня не спрашивали, а сам я молчал, давая понять: я ничего не знаю и мне это не интересно. Я придерживался своих прежних показаний, выражал умеренную готовность сотрудничать со следствием и старался в основном говорить правду. За эти дни я убедился, что человек может привыкнуть к чему угодно. Умом я понимал, что по-прежнему рискую жизнью и свободой, но бояться больше не мог.

Очередной такой допрос занял от силы минут пятнадцать. Я дежурным жестом приложил палец к экрану, и тут Косарев неожиданно сообщил:

— Вас переводят на Радость.

Это была центральная планета Союза. Там находилась всё: администрация, полиция, спецслужбы, банк Союза и так далее.

— Зачем?

— Это дело забирает СБС. И вас тоже.

Вот, значит, как. Я опустил голову. Служба Безопасности Союза. Этим ребятам не обязательно соблюдать законы, в отличие от полиции. Они сами во многом закон. И, скорее всего, для меня это начало конца. Мне не будут предъявлять обвинений, не будут судить. На что там намекала Анна? Я просто исчезну. Меня и спрашивать не будут, знаю я что-то лишнее или нет. Зачем, если убить куда надежнее.

— Вы не хотите ничего мне сказать?

Вопрос следователя застал меня врасплох. Я взглянул на него и покачал головой. Понятия не имею, на что он рассчитывал. Надеялся, что я начну умолять о спасении и наконец-то расскажу ту правду, которую он ждет? Но я предпочел промолчать. От того, «расколшусь» я или нет, моя участь уже не зависела.

Радость произвела на меня угнетающее впечатление. Планеты Края гораздо больше похожи на родину человечества, чем большинство обитаемых миров Центра, а в каждом из

нас, как ни крути, живет генетическая память о природе планеты-прародительницы. Все вокруг казалось мне нелепым и чужим, невесть как прирученным человеком. На Шторме по крайней мере было голубое небо, а здесь оно отливало желтым, медовым оттенком. По-своему это было красиво, но я не сумел в должной мере оценить эту красоту. Мне нечего было делать на Радости.

Авто на воздушной подушке с эмблемой СБС на борту доставило меня прямоком в Контору — целый комплекс солидных зданий, спрятанный в загородной глуши, среди вьющейся оранжевой растительности. Похоже, за меня собирались взяться всерьез и на самом высоком уровне. И эта перспектива мне совсем не нравилась.

Я ожидал, что попаду в камеру, но комната, куда меня привели, напоминала номер недорогого отеля. Иллюзия была бы полной, не будь на окнах решеток. Я пожал плечами и отправился в душ, смывать ноющее чувство унижения, оставшееся после допросов, а также специфический, ни на что не похожий запах камеры союзного крейсера.

Не успел я пригладить перед зеркалом мокрые волосы (собственное отражение показалось мне потрепанным и непрезентабельным; с недельной щетиной и запавшими глазами я скорее походил на головореза, чем на невинного человека), как в дверь постучали. Я усмехнулся, оценив деликатность тюремщиков, и крикнул:

— Открыто!

Вошел мальчишка лет двадцати в форме Службы с сержантскими нашивками.

— Капитан Артемьев? Мне приказано обеспечить вас всем необходимым. Возьмите.

Он уронил на стул сверток и добавил:

— Генерал Полянский ждет вас в своем кабинете. Одевайтесь. Я зайду за вами через десять минут.

Юноша вышел. Щелкнул замок, и сразу стало ясно, что комната только кажется номером отеля. Я развернул сверток и обнаружил новый комплект белья, белую рубашку, серые брюки и чистые носки. Генерал Полянский, кем бы он ни был, явно не желал общаться с вонючим арестантом. Ну что ж, кто я такой, чтобы противиться желанию целого генерала? Но свой синий капитанский китель я променяю ни на что, пусть в глазах генерала он ничего не значит. Я отряхнул его, разгладил, как мог, и надел поверх чистой рубашки.

Приведя себя в порядок, я сел в кресло. Десять минут давно прошли, но мальчишка-сержант не возвращался. От нечего делать я тщательно осмотрел комнату и обнаружил под самым потолком маленькую матовую пуговку — камеру слежения. Я тут же зарекся размышлять вслух, да и ощущение уюта исчезло. Так было даже лучше: не стоило расслабляться перед важной встречей.

Подойдя к окну, я изучил пейзаж и прикинул, можно ли отсюда сбежать. Эта мысль удивила меня самого. То ли внутренний голос советовал мне делать ноги (но, к сожалению, не сообщал, как это сделать), то ли я просто устал быть пешкой, которая смиренно ожидает своей участи. Слишком давно судьба дергала меня за ниточки и мотала туда-сюда, не интересуясь моим мнением по этому поводу. Ставила в безвыходное положение и наблюдала, как я буду выкручиваться. Я привык быть сам по себе, но кому я послужил сейчас, на чьей стороне сыграл, так глупо упустив своих пассажиров?

Уродливые оранжевые деревья, похожие на узловатых змей, тянулись к самому окну. Решетки выглядели крепкими, но не будь их вовсе, вряд ли я выбрался бы в это окно незаметно. Да и куда бежать? «Птаха» осталась на Онтарио, и я даже не запер люк, бросаясь в погоню за отцом и дочерью Бовва. Звездолет наверняка стоит опечатанный где-нибудь в

запасном доке, а без него я никто и ничего не могу изменить.

Оставалось спокойно ждать, не забывая о камере наблюдения и о своем неопределенном статусе. Меня по-прежнему подозревают в соучастии, или я свидетель? Никаких официальных обвинений против меня не выдвинуто, иначе Косарев ознакомил бы меня с ними. На что мне рассчитывать, чего требовать, если представится такая возможность? До сих пор я успешно делал вид, что я обычный капитан торгового флота, делаю свою работу и не лезу в политику. Такой тактики стоило придерживаться и в дальнейшем.

Сержант все не приходил, и я начал нервничать. Что это, еще одна проверка? Они хотят за мной понаблюдать? Я сел в кресло, стараясь не выдать тревоги, но от неподвижности и тишины в голову так и лезли всякие мысли. Как там Женька? Удалось ли ему то, что не удалось мне — унять кипящие страсти? Как дела на Самсоне? Быть может сейчас, когда беглецов поймали совсем в другом месте, карательная экспедиция останется моим несбывшимся кошмаром?

Но тихий голос внутри меня советовал смотреть на вещи трезво. Мир начал меняться, и эти перемены напоминали сходящую лавину. Я почти видел, как в этом вихре беспомощно кувыркаются правые и виноватые. Филиппа Бовва эта лавина уже поглотила, и теперь добиралась до меня и моих коллег, друзей, знакомых и незнакомых. Я не спросил у Женьки, что за корабли присоединились к бунту «Звездной дороги», а там вполне могли оказаться мои приятели, благо среди них хватало горячих голов.

Дверь без предупреждения распахнулась.

— Пойдемте, — сказал молодой сержант.

Я с безразличным видом встал и последовал за ним. Мы долго петляли по коридорам (я пытался запоминать повороты, но сбился), пока не остановились перед роскошной двухстворчатой дверью.

— Прощу вас, — сказал сержант.

Именно так я и представлял себе генеральский кабинет: строгая, без всякой вычурности, мебель, огромное окно, бесконечно длинный стол, за которым так удобно вершить дела союзной важности. Из-за стола поднялся невысокий, лысоватый мужчина лет пятидесяти, с заметным брюшком. Но от этой почти карикатурной фигуры веяло такой властью, что я едва не вытянулся в струнку.

— Спасибо, Ричардс. Вы свободны, — сказал генерал по-английски и слегка кивнул молодому сержанту. Тот вышел. Генерал перевел взгляд на меня и заговорил по-русски:

— Алексей Игоревич Артемьев? Будем знакомы, генерал Андрей Иванович Полянский Служба Безопасности Союза планет.

— Очень приятно, — сказал я, машинально отмечая, что он не подал мне руки. Приветливость генерала была насквозь фальшивой, и он даже не потрудился это скрыть.

— Садитесь, — генерал показал на кресло. В его устах просьба превратилась в приказ. Но я и не думал артачиться.

— Вы, должно быть, удивлены, что вас доставили сюда? — начал разговор генерал.

— Удивлен, — согласился я. — Но рассчитываю услышать от вас объяснение.

— Непременно, — генерал занял место за своим огромным столом и сразу стал далеким и неприступным. — Но для начала я хотел бы услышать ваши вопросы, капитан. У вас их наверняка хватает.

— Вы ошибаетесь, генерал, — спокойно ответил я. — Вопрос у меня только один. Меня

по-прежнему подозревают в том, что я помогал похитителю?

— Отнюдь. О какой помощи может идти речь, если вас принудили к сотрудничеству силой?

— Никакого сотрудничества не было, — резко заявил я. — Меня заставили лететь на Онтарио, я говорил следователю. И больше никакого касательства я к этому делу не имею.

— И вам неинтересно? — поднял брови генерал. — Вы не хотите узнать, зачем они скрывались? Вас не удивило, что девушка ведет себя совсем не как похищенная?

— Нет, — отрубил я.

— Разве пилоты Края не занимаются... постоянным обменом информацией?

— Да, занимаются. — Отрицать было глупо. — По этой причине я и не желаю ничего узнавать об этих людях. У меня есть глаза и уши, генерал. И после того, как меня арестовали на Антраците, я начал с удвоенным вниманием смотреть и слушать.

— И? — Генерал заинтересовался. — Что же вам удалось выяснить?

— Ничего, в том-то и дело. На Краю Галактики не случалось ровным счетом ничего, чтобы вызвать полицейскую активность таких масштабов. Значит, это дела Центра, а в них я предпочитаю не соваться.

— Похвальная осмотрительность, — генерал откинулся на спинку кресла и усмехнулся. — Вы же родились на Шторме, капитан. Как же вы стали тем, кто вы теперь?

Если генерал хотел меня смутить, то ничего не добился.

— В Центре я чувствовал себя белой вороной, — ровно ответил я. — Без печати у меня не было видов на будущее.

— В Союзе все граждане равны перед законом, — покачал головой генерал, — неважно, есть у них печать или нет.

Я пожал плечами, давая понять, что не намерен дискутировать на эту тему. Генерал не стал настаивать.

— Итак, вы не обсуждали с Бовва, почему их так упорно разыскивают? — уточнил он.

— Нет. Мы почти не разговаривали.

— Два дня, что вы летели на Онтарио? — не поверил Полянский.

— Они все время держали меня на мушке, о чем мне было с ними беседовать?

— Действительно, — генерал засмеялся. — Что ж, похвальная предусмотрительность. Вы оказались достаточно умны, чтобы понять: есть тайны, которых лучше не знать, особенно такому патриоту Края, как вы.

— С чего вы взяли, что я патриот Края? — я пристально посмотрел на генерала. — Он пока не самостоятельное государство.

Генерал рассмеялся.

— Ваши формулировки выдают вас, капитан. «Пока»! Допускаете, что когда-нибудь он станет таковым?

— Я не хочу говорить о политике, генерал.

— К сожалению, нам придется говорить о политике, господин Артемьев, — жестко сказал генерал. — В этом деле без нее никак не обойтись. Хотя доставили вас сюда не для этого.

— А для чего? — вызывающе спросил я.

— Видите ли... — Полянский задумчиво посмотрел куда-то мимо меня. — Вы необычный человек, капитан. — То же самое говорил мне следователь Косарев. У них что, один шаблон для таких бесед? — Вы родились на Шторме, в вашей биографии есть белые

пятна. На вас не действуют психотропные препараты.

— Моей заслуги в этом нет, — сумрачно вставил я.

— Возможно, — покивал генерал. — Возможно. Но вот в чем дело. Мы оказались в затруднительном положении. И вы тоже, даже если этого пока не поняли. Нам нужна помощь. А вам... Вам ничего не остается, кроме как согласиться на сотрудничество. Потому что в противном случае...

Он замолчал. Я смотрел в пол, чтобы не выдать, как мне страшно. Мне казалось, что волосы у меня шевелятся.

— Что вы от меня хотите? — глухо выговорил я.

— Нам нужен человек, хорошо знающий Край, и я не вижу смысла искать кого-то еще. Вы дважды столкнулись с Бовва, и мы до сих пор не уверены, что ваши показания правдивы. С таким же успехом вы могли забрать их с Красного Неба и таскать с собой по Галактике, пользуясь своей способностью молчать под «присягой».

— О которой я понятия не имел.

— Это ваши слова. И мы не можем их проверить.

Повисло молчание.

— Но зачем мне было их забирать и скрывать? — не выдержав паузы, спросил я.

— Из-за того, почему они сбежали.

— Но я не знал, почему!

— Я вам не верю.

Мы встретились глазами, и у меня хватило наглости выдержать его взгляд.

— Хорошо, — генерал неожиданно рассмеялся. — Пусть так. Вы не знали. Но у меня для вас плохая новость. Это не имеет никакого значения. Мы вынуждены действовать так, как будто вы знаете.

Я кивнул.

— Я вижу, вы были к этому готовы.

— У меня было время подумать. Как только они попали ко мне на борт, я сразу догадался, что история с похищением — липа. Но не понял, насколько все так серьезно.

— Что же, теперь вы это понимаете. Все очень серьезно, капитан Артемьев. Речь идет о судьбе Союза, самое малое. Так что без разговора о политике нам не обойтись. Но пока вам не обязательно вникать в подробности. Нам нужен свой человек на Краю, и капитан торгового звездолета подходит идеально. А вам хочется еще пожить, не так ли?

— Значит, у них были какие-то сведения... — тихо заговорил я. — Какая-то информация, которой они могли со мной поделиться. Не поделились, но доказательств у меня нет. И цена этого знания — жизнь.

— Именно так.

— И вы предлагаете мне поработать на вас, чтобы эту самую жизнь спасти?

— Да.

— Эта работа связана с Бовва и с той информацией, что у них была?

— Совершенно верно.

— Но подождите, — вдруг сообразил я. — Вы же взяли девушку. Что вам еще нужно на Краю?

— К сожалению, все не так просто, — генерал покачал головой почти сочувственно. — Беглецы оказались хитрее нас. Они использовали ловкий отвлекающий маневр. Девушка, которую мы арестовали вместе с вами, вовсе не Анна Бовва. Это авантюристка, которую

Бовва нанял изображать дочь. И так уж вышло, что ее тоже нельзя допросить под «присягой».

Боюсь, на моем лице отразились несколько более сильные эмоции, чем полагалось демонстрировать случайному человеку. Я был пришиблен новостью... и одновременно восхищался ловкостью своих недавних пассажиров. Заставить всю полицию Союза гоняться за тенью, время от времени оставляя следы и позволяя тем самым надежно спрятаться настоящей Анне! Наконец-то я понял, почему они сбежали от меня на Онтарио. Этот вопрос не переставал меня мучить все это время. Зачем? Ведь на «Птахе» они могли успешно скрываться сколь угодно долго. В этом-то и была причина. Потеряв их след, союзная полиция подняла на Краю переполох, всерьез угрожавший подлинной Анне.

— Выходит, вы остались ни с чем? — спросил я, чтобы хоть что-то сказать.

— Лучше и не скажешь, — кивнул генерал. — Филипп Бовва, единственный, кто что-то знал, мертв. След Анны Бовва безнадежно потерян.

— А эта девушка... фальшивая Анна... Она не может вам помочь? — осторожно спросил я.

— Она совершенно не знает Края Галактики. Бовва не сообщил ей, где скрывается настоящая Анна, и не делился с ней планами. От нее требовалось одно — играть свою роль. Мы искали двух человек, отца и дочь. Нам и в голову не пришло, что они прибегнут к такому трюку.

— И вам нужна настоящая Анна Бовва. — Тут уж и дурак бы догадался, что к чему. Притворяться не было смысла.

— Она нужна Союзу! — провозгласил генерал.

— Из-за той информации, которой она владеет? — уточнил я.

— Совершенно верно. У нее есть сведения, необходимые Союзу. Те самые, о которых вам мог поведать Филипп Бовва.

— Но не поведал, — упрямо возразил я.

— Пусть так. Я же сказал вам: это не имеет значения. До сих пор утечки информации, по нашим данным, не случилось. То есть у вас хватило ума промолчать. И это ваш шанс.

— В каком смысле?

— Помогите нам найти Анну, и мы вас отпустим.

— Это почему же?

— Вы сами будете заинтересованы в том, чтобы сохранить тайну.

— О которой я не знаю?

— А вы упрямы, капитан.

Я вновь выдержал его взгляд.

— Впрочем, это ваше качество нам тоже на руку, — усмехнулся генерал. — Вы должны найти ее, — повторил он. — Полиция для этого не годится, теперь это ясно. Простыми облавами и обысками тут не обойтись. Здесь нужна ювелирная работа. Вы пилот торгового флота, и вы свой на Краю. Все, что от вас требуется, это летать и спрашивать. Вы же это умеете. Она не могла исчезнуть бесследно.

Я ждал этого предложения с того момента, как услышал, что девушка с зелеными глазами, пшеничной челкой и ямочками на щеках — вовсе не та, за кого она так успешно себя выдавала, и сейчас лихорадочно соображал, как поступить. Искать настоящую Анну вместе с ее секретами и открытиями мне совершенно не хотелось. Я был бы рад, если бы идея межзвездной связи навсегда сгинула в космосе. Но есть ли у меня выбор?

— А если я не соглашусь? — поинтересовался я.

— Мы не можем допустить утечки информации. Проще убить вас, чем держать в изоляции до тех пор, пока тайна перестанет быть таковой. Вам лучше согласиться. И к тому же, — он помедлил, внимательно разглядывая меня. — Есть еще кое-что. Если Анна Бовва в ближайшее время не отыщется, Край превратится в ад. Полиция получит неограниченные полномочия, гайки закрутят по самое некуда. Догадываетесь, чем это будет для всех чреват?

Он знал, на что давить, я понял это сразу. Может, лже-Анна наболтала обо мне лишнего, а может, он сам сделал такие выводы, изучив мою биографию и протоколы допросов. Или просто хорошо представлял обстановку на Краю Галактики и понимал, к каким последствиям приведет попытка «закрутить гайки». Статус-кво сохранялся слишком долго, почти три столетия. Слишком долго, чтобы те, кого нынешнее положение дел устраивало, легко отказались от своих возможностей, своих заработков, своего образа жизни.

Полянский загнал меня в ловушку. Как поступил бы на моем месте честный, ни о чем не подозревающий капитан Артемьев, тот самый, который несколько дней назад давал показания на допросе у следователя Косарева? Ответ очевиден: он бы согласился. И то, что я колеблюсь, рождает все больше подозрений. С каждой секундой моего молчания я все дальше от шанса выжить. Полянский смотрел на меня в упор.

— Хорошо, — сказал я. — Я согласен. Раз вы готовы доверить столь важное дело одному человеку и не боитесь, что я сбегу...

— Вы не сбежите, — спокойно сказал генерал. — Смысла нет. Исчезнуть бесследно у вас все равно не выйдет. Вас найдут, и тогда уж точно не будут с вами церемониться. И к тому же, вас будет постоянно сопровождать крейсер СБС.

— Вряд ли я смогу что-то выяснить, таская на хвосте крейсер.

— Об этом не волнуйтесь, крейсер будет отслеживать ваши перемещения в гиперпространстве и выныривать поблизости. И запомните: как только вы установите местонахождение Анны Бовва, вы немедленно сообщите его нам, и на этом ваша миссия будет закончена. Никаких прямых контактов с девушкой. Это в ваших же интересах.

— Боитесь, что она наговорит мне лишнего?

— Боюсь, что она попытается убедить вас помогать ей, а не нам. Так что лучше вам с ней не встречаться. И к тому же...

Генерал не договорил, но я понял, что он имел в виду. Нет ничего приятного в том, чтоб посмотреть в глаза человеку, которого ты помог поймать. И кому помог, спецслужбам Союза! Я задумчиво кивнул. Миссия, которую я на себя взвалил, и без того не самая простая, а узнай про нее мои коллеги и друзья... Я стану изгоем. Никто не подаст мне руки. А зачем мне тогда помилование и прощение?..

— Вам перечислят деньги на оплату всех расходов, — холодно сообщил Полянский. — Вы можете брать работу, чтобы никто не удивлялся, откуда у вас деньги на топливо. Но ваша главная задача — найти девушку как можно скорее.

— Я не волшебник, генерал. Но я сделаю все, что в моих силах.

— Прекрасно! — генерал встал из-за стола. — И последнее. С вами полетит лже-Анна. Ее настоящее имя — Виктория Краснова.

— Зачем? — резко спросил я. Мне не хотелось с ней встречаться. — Вы же сами сказали, она не разбирается в особенностях Края и не имеет представления, где скрывается

ее альтер-эго.

— Она будет вам полезна, — усмехнулся генерал. — Во-первых, он знает Анну Бовва в лицо, в отличие от вас. Во-вторых, ее присутствие обеспечит вам правдоподобную легенду для поисков. Скажем, она наняла вас, чтобы отыскать сестру.

— Наняла меня? — с сомнением сказал я. — Тут нужна яхта, а не торговое судно.

— Детали продумаете сами, — оборвал меня генерал.

Я пожал плечами. В моей согласии по данному вопросу никто не нуждался, так что не было и смысла затягивать беседу. Но тут мне пришло в голову кое-что еще.

— Пойдите. Но раз она играла роль Анны Бовва, то уж точно знает ту самую Страшную Тайну. Вдруг она мне расскажет?

— И что? Вы никак не уясните, капитан: неважно, что она знает или не знает. Я исхожу из того, что вам давно все известно. Именно поэтому я вас и выбрал.

Его идея была не лишена логики. Чем посвящать в тайну кого-то со стороны, проще взять человека, который и без того под подозрением.

— Что ж, время дорого, — сказал генерал, переходя на деловой тон. — Вы отправитесь сегодня. Ваш звездолет перегнали на Радость, он ждет вас в порту. Краснову доставят туда же. Я рад, что мы договорились, капитан.

Я встал и пожал протянутую руку. Доверие ко мне со стороны Полянского на глазах окрепло. Значит, я вел себя правильно. Но мысленно я посоветовал себе не расслабляться.

4.

«Птаха» и в самом деле стояла на космодроме. Вот для чего следователь Косарев спрашивал у меня пароль доступа к системе управления, прежде чем отдать безопасникам. Я едва не привстал в машине, увидев звездолет, но сдержался. Было не время и не место демонстрировать чувства. Я вышел на поле космодрома и вежливо попрощался с подчиненными генерала.

В рубке я первым делом внимательно осмотрелся. Перед глазами стояла матовая кнопка видеокamеры в гостеприимной конторе Полянского. Осторожность не помешает, тем более что крейсер собирается держаться где-то поблизости. Способ слежки в гиперпространстве меня тоже беспокоил. До сих пор я был уверен, что подобное невозможно. Впору было пожалеть об отсутствии на борту «технического гения». Ее двойник в данном случае вряд ли могла помочь.

Я не поленился спуститься вниз и встретить лже-Анну у аппарели. Она вышла из машины, знакомым жестом убрала челку со лба и улыбнулась мне, как старому другу. Она успешно водила меня за нос целый месяц, но виноватой не выглядела, наоборот, радостно воскликнула:

— Привет, капитан!

Я буркнул в ответ что-то неразборчивое и жестом велел ей подняться на борт.

В рубке я показал на кресло второго пилота и повторил слова генерала:

— Время дорого. Мы должны вылететь сегодня.

— Так полетели.

Я включил визор и запросил диспетчерскую.

На орбите я переключил управление на автопилот и жестом предложил Красновой выйти в коридор. Мы спустились в пустой трюм. Я надеялся, что здесь никаких «жучков» не

установлено, но на всякий случай осмотрел стены и только потом повернулся к неожиданной компаньонке.

— Ну, и как вас называть, госпожа Бовва?

— Разве генерал меня не представил?

— Он назвал фамилию, но я забыл, — соврал я.

— Виктория Краснова. Можно просто Вики.

Вики так Вики, мне было все равно.

— Предлагаю осмотреть все жилые отсеки на предмет камер, а потом обсуждать наши проблемы.

— Согласна.

— И еще меня очень интересует, как за нами собирается следить крейсер СБС. Я раньше не слышал о слежке в гиперре.

— Это тебе генерал сказал? — Анна Бовва соблюдала субординацию и никогда мне не тыкала, но обманщица Краснова не церемонилась. — Очень интересно.

— Сначала я рассчитаю курс. Потом займемся этим вопросом.

— И куда мы направляемся?

— Я пока не решил, — ответил я.

Камеры обнаружили в рубке, в каюте и в кают-компании. Не задумываясь, я снял их и выкинул в утилизатор. Мне было наплевать, что подумает по этому поводу генерал. Я не собирался жить под колпаком все время поисков.

Затем я достал инструменты и вскрыл панель управления. Вики занялась компьютером, уронив: «Я здесь разберусь». Почему-то я не удивился.

Передачик нашел я, а программку — она.

— Что ж, изящно, — прокомментировал я нашу находку.

Нас действительно собирались держать на коротком поводке. Программа считывала координаты будущего гиперпрыжка и отправляла в пространство сигнал по обычной радиосвязи. Штурманам крейсера оставалось рассчитать прыжок так, чтобы вынырнуть где-то рядом, и спокойно ждать координат следующего прыжка.

— Неплохо, — согласилась Вики.

Теперь мы наконец-то могли поговорить спокойно.

— Как же ты согласился на предложение генерала? — поинтересовался Вик. — Им же совершенно нечего тебе предъявить. Невинен, как агнец.

Я скривился.

— Не согласился, живо стал бы подозрительным. Или мертвым.

— Резонно, — Вики улыбнулась.

— Ты действительно так сильно на нее похожа? — любопытствовал я.

— Да. Только она на пять лет моложе. Совсем юный гений, черт ее дери.

— Ладно, — нам предстояло выяснить более важные вопросы. — Скажи-ка мне, Виктория Краснова... — я постарался говорить медленно и очень веско. — Что именно изобрела Анна Бовва?

Вики растерянно моргнула.

— Мы сказали тебе правду, капитан, — наконец проговорила она. — Межзвездную связь. Ни о чем другом мне неизвестно. А с чего ты вдруг засомневался?

— А с того. Вы обманули меня однажды: убедили, что ты и есть Анна. Что мешало обмануть меня вновь — сочинить красивую байку про м-связь, как раз подходящую для

пилота с Края? Чтобы у него не возникло соблазна вас выдать.

— А тебе не все равно, капитан? — Вики смотрела на меня, чуть наклонив голову. — Искать ее придется, что бы она ни изобрела. Раз уж ты на это подписался.

— Не все равно. Если это что-то другое, я буду искать ее со спокойной душой.

— Вот как? — Вики рассмеялась. — Интересно получается, капитан. Если дело в м-связи, изобретателя лучше не находить, пускай Край живет и процветает, а если это что-то другое — хватай его! А вдруг она что-то пострашнее придумала? Что-то, что еще вернее разрушит тот Край, который ты так любишь?

— Что, например?

— Да не знаю я! Что угодно. Оружие, уничтожающее планеты. Или нуль-транспортровку.

— Я тебя умоляю. О таком оружии ходят мифы и легенды со времен старой Земли. Только до сих пор его никто не изобрел. И вряд ли это сделала сопливая девчонка. Нуль-транспортровка и то интереснее.

— И с гарантией лишит тебя работы! — насмешливо добавила Вики. — Так что ты будешь делать? Возьмешь на себя такую ответственность или передумаешь? Еще не поздно вернуться и сказать генералу «Нет». Но после этого тебя больше никто не увидит.

— Не надо меня запугивать! — прошипел я. — Просто ответь: это точно связь?

— Разве генерал Полянский не поделился с тобой секретными сведениями?

— Нет!

— Значит, пожалел, — задумчиво сказала Вики. Мне стало не по себе от этих слов.

— Цени расположение генерала, — продолжала она, — и не задавай лишних вопросов. Ищи Анну, как велено. Но учти: скрылась она не потому, что испугалась давления. Ей самой не хотелось тиражировать свое... изобретение. Но я не верю, что ты ее найдешь. Не так уж это легко сделать, раз вся полиция села в лужу. Но всегда можно сделать вид, что ищешь, правда?

Я кивнул, совершенно ошеломленный. Вики, с одной стороны, окончательно запутала меня, а с другой, сказала даже больше, чем я рассчитывал. Неважно, какими знаниями обладает Анна Бовва, счастья человечеству они в любом случае не принесут. Это и было причиной для бегства, а вовсе не страх оказаться на «перекрестке интересов». Вполне вероятно, это не м-связь. Ну и ладно, пусть вместо нее фигурирует переменная «икс». Это ничего не меняет.

— А чем тебя соблазнил генерал? Пообещал амнистию? — поинтересовался я.

— Угадал.

«И ты в это веришь?» — чуть не вырвалось у меня. Но я вовремя прикусил язык и напомнил себе, что о многом понятия не имею. Например, о том, кто такая на самом деле Виктория Краснова, какие отношения связывали ее с семьей Бовва, почему они выбрали именно ее и откуда у нее умение сопротивляться «присяге». И почему я так уверен, что Вики знает правду об открытии? Филипп Бовва мог обмануть и ее. Сейчас, однако, это был не самый насущный вопрос. «Птаха» была готова к прыжку в гиперпространство. Я сменил пароль доступа к системе, но аппаратуру для слежения трогать не стал. Время срывать с крючка пока не пришло. Я летел на Самсон. Мне хотелось очутиться в гуще событий, осмотреться и привести в порядок мысли.

Остаться в корабле Вики отказалась наотрез.

— Я уже три месяца ничего, кроме кораблей, не видела. Красное Небо не в счет, мерзейшая планета. И к тому же, я последние дни доживаю, так что дай мне, ради бога, получить удовольствие, — заявила она, после чего сняла роскошный номер в гостинице и заказала туда ужин с шампанским. Похоже, она считала наши поиски не более чем отсрочкой смертного приговора и собиралась оторваться по полной программе. Денег на картах у нас хватало, тут генерал не обманул.

У меня желания развлекаться не было никакого. Все то, на что я предпочитал не обращать внимания еще два месяца назад, теперь назойливо лезло в глаза. На Самсоне было не меньше десятка кораблей, и я мог поспорить, что как минимум пять из них недавно были пиратскими и несли на борту тяжелое вооружение. Разговоры в порту крутились вокруг недавнего происшествия, и все мнения сводились к одному: «Мы себя в обиду не дадим».

К тому же, весь этот народный гнев искусно подогревался разного рода слухами. Во всяком случае, я сам слышал несколько интерпретаций происшедшего на Онтарио, из которых выходило, что копы окончательно зарвались и начали стрелять в людей. Трижды мне в лицо удивлялись, что я жив. Дважды мне пришлось клясться, что я не сбежал из-под ареста и не нахожусь в розыске. И один раз случилась драка, в которой я подбил оппоненту глаз, а он едва не сломал мне нос. Но зато все убедились, что обвинений в союзнничестве с полицией я не потерплю.

В общем, почти все что-то про меня слышали, но ничего не знали точно. В самом деле, то ли арестован, то ли убит, а я на тебе, разгуливаю рядом, да еще заявляю: «Вы что, ребята, офонарели? Какое, к дьяволу, вооруженное сопротивление регулярным полицейским силам?»

Через пару дней такой «оценки обстановки» я постучал в дверь номера Вики. Было раннее утро. Девушка открыла, кутаясь в одеяло.

— Ты чего так рано? — пробурчала она. — Я сплю.

— Пора вставать.

— Мы что, улетаем?

— Нет пока. Но надо поговорить.

— Тогда подожди.

Она подхватила одежду и удалилась в ванную. Я проводил ее глазами. Сонная, растрепанная и без косметики Вики показалась мне привлекательней, чем обычно. «Ну ты даешь, — сказал я себе. — Даже не думай! Она же сумасшедшая. Как там сказал Полянский? Авантюристка». Но скрывать правду от самого себя смысла не было: Именно этим Вики мне и нравилась.

— Так о чем ты хотел поговорить? — Она вышла из ванной, убирая волосы в хвост. Я очнулся.

— О том, что здесь творится. — Я поискал глазами, куда бы сесть, обнаружил кресло и устроился в нем. Вики села на кровать.

— И что же?

— Такое чувство, что здесь скоро начнется небольшая война.

— С чего ты взял?

— Да хоть с того, что в порту с десятков пиратских кораблей.

— Да ну! А как ты это определил?

— Есть способы, — туманно ответил я. — Да и не в одних пиратах дело. В первый раз вижу, чтобы в одном месте собралось столько злых на Союз парней. Словно их по всему Краю собирали. Но ведь не пираты этим занимались, правда?

— А вот тут ты как раз ошибаешься, капитан, — Вики привычным жестом отбросила челку со лба. — Кому как не пиратам недовольных вокруг себя собирать? Глядишь, скоро они и пиратство борьбой с союзным произволом назовут. Им вообще больше всех на Краю Галактики революция выгодна — капиталы свои легализовать.

— Глупости говоришь, — неуверенно возразил я.

— А что? Сам подумай. Для настоящей революции, конечно, нужен не один год. Но чтобы людей возмутились, хватит и парочки провокаций. Полицейских никто не любит. Кто из нас святой, а? Так это и делается — прилетит крейсер разборки с пиратами устраивать, а пираты-то, оказывается, борцы за свободу. Вместе с мирными торговыми капитанами сражаются лицом к лицу за светлое будущее.

— Типун тебе на язык, — щегольнул я очередной русской поговоркой. Моя мать их коллекционировала, и я знал их, наверное, сотню. Друзья давно научились меня понимать и даже нахватались от меня разных заковыристых выражений, но Вики этого сделать не успела, поэтому переспросила:

— Чего?

— Заткнись, говорю. — Мне было лень объяснять. — Какая, к черту, борьба за свободу? Здесь попросту всех поубивают.

— Ты прав, — согласилась Вики. — Так и будет. Здесь поубивают — начнется в другом месте. Потом в третьем. Это же очевидно. Союз не так легко развалить. Но возможно, капитан. Вполне возможно, если найдутся те, кому это выгодно.

Вики как в воду глядела. С Самсона мы отправились на Онтарио, и я не узнал мирную планету. Похоже, и здесь нашлись желающие разжигать страсти. Со всех сторон прилетали корабли, и новости из припортовых баров разлетались быстрее молнии. Какого-то мелкого контрабандиста застрелили таможенники. Другого парня приняли за пирата и бездоказательно отправили на рудники. Третьего... В общем, еще что-нибудь в этом роде.

Многие слухи были очень похожи на правду. Прилетевший с Антрацита капитан (невооруженным глазом было видно, сколько раз перебивались номера на бортах его корабля) утверждал, что по всему Краю шастанут патрули и хватают всех подряд. Я готов был в это поверить. Союз ловил Бовва, не полагаясь на наш с Вики свободный поиск, и ловил всеми доступными способами. Неудивительно, что количество недовольных, возмущенных и обиженных росло не по дням, а по часам.

Репортаж о событиях на Самсоне я увидел, сидя вечером в баре. Кто-то вдруг крикнул: «Тихо!», и прибавил звук. На экране какие-то люди стреляли друг в друга. В первый момент дым и пыль мешали разобраться в происходящем, но вскоре стало ясно — на некоторых стрелках форма союзной полиции.

— Мы получили эти кадры несколько минут назад, — взволнованно заговорила появившаяся на экране девушка-ведущая. — Нашему корреспонденту удалось преодолеть кордон вокруг планеты Самсон, где сейчас проходит полицейская операция, и привезти нам эту пленку. Министр внутренних дел Союза называет происходящее на Самсоне «восстановлением законности и правопорядка». Он заявил буквально следующее: «Пора положить конец пиратству и беззаконию, которые процветают на отдаленных планетах Союза», конец цитаты. Вот что по этому поводу говорит Глава Онтарио Питер Буллет.

Питер Буллет меньше всего походил на вождя революционно настроенных масс. Как и большинство планетарных лидеров, он занимался в основном экономикой и никоим образом не встревал в политические дела Союза. Однако на этот раз он изменил себе:

— То, что происходит на Самсоне, называется беззаконием и произволом. Конечно, бороться с пиратами и контрабандистами необходимо, но не ценой благополучия мирных граждан Союза.

Выступление Буллета показалось мне очень осторожным. Но народ в баре засвистел и затопал ногами в знак одобрения.

— Так можно каждого торговца пиратом обозвать, — сказал молодой парень, сидящий за стойкой рядом со мной.

— Точно! — поддержал его сосед. — И на каждую планету выслать по десанту. Чтоб боялись. Только нас так просто не напугать. Можем, между прочим, и огрызнуться.

— Вот на Самсоне и огрызаются, — встрял в разговор третий.

— Может, это контрабандисты сопротивляются? — робко предположил кто-то.

— Сколько живу на Краю, первый раз вижу, чтоб ради поимки пиратов целую планету блокировали! — раздался уверенный бас.

Я оглянулся. Пожилой мужик в капитанском кителе всем своим видом выражал возмущение.

— А чтобы пираты на планете окопались и в полицейских стреляли, это вы слышали? — спросил я его.

Он с удивлением посмотрел на меня и покачал головой.

— И я нет.

То ли еще будет, почему-то подумалось мне.

6.

Три дня спустя я встретил на космодроме приятеля, штурмана с крупного торгового звездолета.

— Слышал, что случилось на Самсоне? — спросил он меня. — Мы как раз оттуда. Улетели сразу, как только начали пропускать через кордон. Полиция там настоящую бойню устроила. Человек десять застрелили, я слышал.

— Пиратов-то захватили?

— А хрен их знает. Погибшие в основном мирные жители.

Я представил себе, какой фурор произведет рассказ штурмана в баре, и присвистнул.

— Сколько ты будешь выжидать? — спросила меня Вики, едва я переступил порог ее номера.

— Мне страшно отсюда улетать, — честно ответил я. — Всё время кажется, что я вернусь на пепелище. Обнаружат здесь завтра гнездо пиратов и контрабандистов — и привет.

— А твое присутствие что-то изменит? Или ты жаждешь встать на сторону борцов за свободу и справедливость?

— Нет, — я мотнул головой. — Мне с ними не по пути. Мне, похоже, скоро во всей Галактике будет некуда деться.

— Что-то я тебя совсем перестала понимать, — Вики насмешливо прищелкнула языком. — Ты же вроде этого хотел. Чтобы Союз не лез в твои дела, не метил младенцев

печатью, не мешал Краю жить по своим законам. Смотри, как это близко и реально. Так давай, сражайся за это.

— Не хочу, — тихо ответил я. — Я знаю, чем заканчиваются революции. Бравые победители повесят на себя ими же придуманные медали. Вместо пиратов будет какая-нибудь Армия Края Галактики. Вопрос «А что ты делал, когда мы боролись за свободу?» станет самым популярным. И нетрудно догадаться, каким будет самый популярный ответ. Да, я не хочу, чтобы здесь все стало, как в Центре, где все следят за всеми, а полиция контролирует каждый шаг. Но мне не нужен свободный Край, где бывшие пираты будут бряцать медалями и хвастаться участием в освободительной борьбе. Я не собираюсь сражаться на стороне пиратских кланов и контрабандистов, которые устали копить деньги и захотели стать героями!

— Что же ты собираешься делать?

— Не знаю, — честно ответил я.

Хуже всего было то, что мне не у кого было спросить совета. Всех моих приятелей на Онтарио, похоже, захватил психоз освободительной борьбы, и с каждым днем симптомы этого психоза становились все заметнее. Люди словно не понимали, что все происходящее — вовсе не игра, и за столь соблазнительные чужие идеи придется заплатить жизнью. Возможно, эти идеи даже казались им своими собственными. Я помнил, как это бывает. Мой отец умел убеждать людей в ценности своих идей. И к чему это привело?

Увы, я не мог никому этого объяснить. В лучшем случае на меня удивленно косились. «Тебя что, не достала союзная полиция?» Что мне было отвечать? Что как раз не достала? Что когда я возил контрабанду (а случалось это редко), то всегда знал, что нарушаю закон, а не сражаюсь за свободу? У меня было чувство, что у многих эти вещи перепутались в голове. Больше того, вдруг стало немодным их различать.

М-связь на этом фоне стала казаться мне чем-то незначительным, второстепенным. Я бы вообще забыл про поиски Анны Бовва, если бы новости постоянно не напоминали мне об этом. Полиция ставила на уши то одну, то другую планету. Пиратских провокаций было уже не нужно — Союз будто подыгрывал новоявленным революционерам.

На Краю Галактики становилось все более беспокойно.

И мне все чаще казалось, что это не случайность.

Наступало очередное утро, Вики бросала мне на экран очередное сообщение: «Ты решил что-нибудь?», получала отрицательный ответ и исчезала в городе. Похоже, наслаждаться жизнью у нее получалось все хуже. Неудивительно — смертный приговор продолжал висеть над ней. Я тоже чувствовал себя не вполне уютно. Наконец я отправил ей сообщение: «Приезжай. Я на "Птахе"».

Она примчалась немедленно. Я встретил ее внизу, у аппарели. В этом полушарии была поздняя весна, с близкого моря тянуло ветерком. Было удивительно тихо для крупного космодрома — никто не садился и не взлетал, нигде не раздавались звуки погрузки. Вики подошла ко мне.

— Ну? Зачем звал?

Я прислонился к обшивке, задумчиво уставился в небо и спросил:

— Кому в Союзе может быть выгодна эта заварушка, а, Вики?

— Вот ты о чем! — она усмехнулась. — Дошло-таки?

— А ты, выходит, и раньше догадывалась?

— Конечно.

— И молчала.

— Ждала, когда ты сам додумаешься. Иначе ты бы не поверил.

— Теперь поверю, — я вздохнул. — Значит, мне не кажется, что этими зверствами полиция нарочно подливает масло в огонь. Посмотри вокруг. Люди словно умом тронулись. А завелись бы они так, если бы не облавы, не эти десанты с расстрелами мирных жителей? Такое ощущение, что поиски Анны для кого-то — просто предлог. Или очень удачный момент, который упускать никак нельзя.

— Скорее всего, так и есть. Кто-то решил воспользоваться случаем. И этот кто-то, скорее всего, очень не хочет, чтобы Анну нашли живой. То-то полицейские тогда стреляли на поражение. М-да... — она зябко повела плечами.

— Ты знала, на что шла.

— Ну, как сказать. О таком варианте Филипп меня не предупредил. Хотя догадывался, скорее всего, что такой исход вероятен. Он о многом догадывался. А кое-что знал наверняка. Поэтому и помог Анне, когда та подалась в бега. Сообразил, что слишком многим такое открытие поперек горла. В Центре полно желающих аннулировать Союз и отгрызть себе кусок пожирнее. И все, что будет этот самый Союз сплачивать, им не нужно. И что самое смешное, сейчас как раз такой момент... Перемены давно назревали, Край стал сильным и развитым, ему уже невыгодно прежнее соотношение сил. А чтобы его контролировать, приходится держать все больше полицейских для патрулирования, больше таможенников, налоговиков. Без м-связи вся эта система очень неповоротлива и толком не работает. Очень многие в Союзе считают, что от окраинных миров одни проблемы и расходы. Налогоплательщики возмущены, что их деньги уходят в эту яму. Из Центра же Край Галактики клоакой кажется.

— Я знаю, — уронил я.

Вики кинула на меня удивленный взгляд.

— Я же родился в Центре. На Шторме, — напомнил я.

— Тогда тем более должен понимать. В Центре сторонников так называемой независимости Края в последние годы едва ли не больше, чем здесь. А уж если начнутся вооруженные столкновения... Правительство может и уступить мнению большинства. Назначат общесоюзный референдум, и планеты получат самостоятельность. Политическую, по крайней мере. Экономически они останутся зависимыми от Центра на долгие годы. Только договора будут заключаться совсем на других условиях. И многие на этом наживутся.

— Да, красиво... А межзвездная связь, получается, все изменит?

— Сам подумай. Раз есть связь, значит, можно все держать под контролем. Опять же, печать для всех, союзная администрация на каждой планете, ну и все прочее, про что ты и сам догадываешься. Представляешь, какие перспективы? Сколько новых хлебных должностей? Стоит объявить о том, что м-связь в ближайшие годы начнет действовать, и общественное мнение тут же качнется в другую сторону.

— Интере-есно, — потянул я. — Так что, нас ждет большая война?

Вики пожала плечами.

— А это как карта ляжет. У нас же Союз, и амбиции наверху соответствующие. Так просто отдать огромную территорию, миллионы людей...

Я взглянул Вики в глаза. Она улыбалась.

— Тебя все это развлекает, да? — тихо спросил я.

— Я уже труп, — спокойно ответила она. — И живу лишь потому, потому что

безопасники хотят отыскать Анну. Они же, блин, интересы Союза соблюдать должны, и сохранять его целостность. Вот поймет генерал Полянский, что мы ее не найдем — и адью. Так что мне сейчас и конец света развлечением покажется. Одной скучно помирать.

И она ехидно улыбнулась. Как всегда, когда она начинала кривляться, я сразу почувствовал себя идиотом, но постарался подавить раздражение. Она права. Будет война или нет, нас обоих ничего хорошего не ждет. А вот с Анной Бовва надо как-то разбираться. Странно, почему нас пока не вызвали никуда с отчетом. Или на крейсере полагали, что мы ищем ее здесь, на Онтарио?

Самое смешное, что я мог очень быстро отыскать Анну. Но до сих пор не знал, стоит это делать или нет. Нелегкий выбор, однако, мне подкинула жизнь — или своими руками привести на Край власть Союза, или дожждаться настоящей войны.

Войну я с детства ненавидел. Особенно войну за свободу.

Отец бы нашел, чем мне возразить. Он сказал бы, что ни одна революция не бывает до конца справедливой. Что неважно, кто сражается за правое дело под одними флагами с тобой — честные люди или не очень, и какие интересы они при этом преследуют. И что жители Центра давно забыли, как думать самостоятельно, всё решают за них, и неужели я хочу, чтобы Край стал таким же? Да не хотел я, не хотел. Но отчетливо понимал, что мои желания мало что изменят.

Неожиданно меня озарила идея. Я присел на край аппарели. Нужно было как следует всё взвесить.

— погоди помирать, — сказал я. — Найти Анну нам раз плюнуть. Только я хочу условия немного пересмотреть...

— Что ты задумал?

— Будем играть по-крупному, — я зловеще усмехнулся и встал. — Летим на Радость.

— Ты с ума сошел?

— Ничуть не бывало. Ну, ты со мной?

— Сначала объясни. — Вики смотрела на меня из-под челки и бежать за мной сломя голову явно не спешила.

— Хорошо, — я уселся обратно на край аппарели. — Объясняю. Про Братство Тени ты, надеюсь, не забыла? — Я невольно понизил голос. Вики вздрогнула. — Помнишь? Отлично. Неучтенный фактор, правда? И мало кому известный. Полагаю, они многое могут, в том числе установить местонахождение Анны или вовсе привести ее к нам, если я попрошу. И я готов сдать ее СБС с рук на руки — за мир на Краю Галактики.

— Хочешь независимости без крови? Похвально. Но у тебя ничего не выйдет. М-связь и независимость вряд ли совместимы.

— Ошибаешься, — я покачал головой. — Хочу предотвратить войну. А независимость... Да и черт с ней! Жили без нее и дальше проживем.

— А как же наше помилование?

— За наши жизни поторгуемся отдельно, — я криво усмехнулся. — Ну что, поехали?

— Хочешь ногой кабинеты в СБС открывать? А в наручниках не желаете? И под конвоем?

— Ты неисправимый скептик, госпожа Краснова, — я засмеялся. — Не веришь? Они поведутся. И согласятся на все. Слишком высока ставка. Ставка на открытие Анны Бовва, я имею в виду.

Вики тоже рассмеялась.

— Черт с тобой, летим! — заявила она. — В конце концов, что мне терять? Хоть позабавлюсь напоследок.

7.

Открывать ногой двери в СБС мне, конечно, не дали. Но в общих чертах мой план удался. Генерал Полянский сам вышел к нам из здания Конторы, стоило позвонить по визору у ворот и назвать себя. Мы с Вики ждали, сидя в машине, взятой напрокат на космодроме. Я хотел вызвать такси, но Вики, похоже, была настроена прогулять все выданные ей деньги.

Увидев генерала, мы вышли из машины.

— Прокатитесь с нами, генерал? — предложил я. — Недалеко. Хочу поговорить без лишних ушей.

Генерал задумался, но лишь на мгновение. Сухо кивнув, он открыл переднюю дверь. Пришлось Вики сесть сзади. Я занял место за рулем. Охрана у входа дернулась было, но генерал остановил двух здоровых парней одним движением руки.

— Все в порядке, ребята, — сообщил он. — Я вернусь через несколько минут.

Отъехали мы не очень далеко. Здание Конторы находилось в глубине ухоженного парка, но в дальнем его конце камеры были понатыканы не так часто. А звуки из закрытой машины не доносились.

— Как вы здесь оказались? — спросил генерал, едва я заглушил мотор. — И где «Скорый»?

— Там, где мы его оставили — на орбите Онтарио. — Я улыбнулся. — Вы правда считали, что мы не разберемся с устройствами слежения? А на Радости у нас никаких проблем не возникло, мы же не в розыске, спасибо вам. Документы чистые.

— А она? — Генерал кивнул на Вики.

— Я подумал, что она тоже не в розыске, даже если была. Как бы иначе мы ловили Анну Бовва? Каждый раз с полицией объяснялись? Тем более что ни на Самсоне, ни на Онтарио никаких вопросов к ней не возникло. В Союзе, как известно, у граждан равные права, что в Центре, что на Краю.

Генерал неожиданно улыбнулся.

— Похоже, я в вас не ошибся, капитан Артемьев. Вы, пожалуй, и девушку сможете отыскать.

— А вот это вы верно заметили. Могу. Об этом у нас и будет разговор. И разговор серьезный. Вы знаете, что творится на Краю Галактики, генерал?

— Примерно представляю. Это моя работа — знать, что где творится.

— И как вы к этому относитесь? Или беспорядки предотвращать — не ваша компетенция, вы по другой части?

— В общем, так оно и есть. А насчет беспорядков вы зря беспокоитесь. Обычные плановые операции с минимумом жертв. А что касается кордонов и облав... Бовва, в отличие от вас, в розыск объявлена. И ее ищут с большим усердием.

Мы с Вики переглянулись.

— Да? А как на тамошних планетах теперь десанты встречают, вы в курсе? — поинтересовался я. — Огнем и мечом, так сказать. Там война почти началась, а не плановые операции. У вас что, агентурной сети там нет? Или аналитики слабые?

Генерал как-то странно покосился на Вики и усмехнулся.

— Аналитики у нас хорошие, — ответил он. — И про настроения на Краю нам все известно. Но отозвать полицейских — не в наших силах.

— Правда? Хорошо. Тогда послушайте меня внимательно, генерал Полянский. Уверен, что вы не хуже меня в ситуации разбираетесь. Уж если мы с Вики додумались... Полномочий, говорите, у вас нет? Или имена неизвестны, догадки одни, а доказательств никаких? Так вот, без меня вы никогда не найдете Анну Бовва. А Край потеряете. Еще парочка таких бездарных «плановых операций», и вместе с пиратами начнут сражаться все остальные. Вы забыли, что такое затяжное вооруженное восстание? И сколько надо потратить денег и положить жизней, чтобы все успокоилось?

— А вы утверждаете, что знаете местопребывание Бовва. — Генерал был на удивление спокоен.

— Не знаю, к счастью. Пока. Пришел бы я к вам, зная такое. Подозреваю, вы и без «присяги» умеете информацию из подследственных добывать. Но найти ее я могу, причем быстро. Вам нужна эта девушка? Отлично, я принесу ее вам на блюдечке с голубой каемочкой, но только с условием — никаких войн и локальных конфликтов. Делайте что хотите: отзывайте полицию, не поддавайтесь на провокации. В конце концов, вы же СБС, у вас власти должно быть достаточно. Прекращайте играть в политические игры. Спасайте Край Галактики для Союза.

— Я что, должен поверить вам на слово? «Я могу ее найти»! Как? Мне нужны гарантии.

— Нам тоже. Меняю Анну Бовва на спокойствие Края. Ну и на нашу с Вики жизнь и свободу.

— Спелись, да? — генерал даже не посмотрел на Вики. На лице его читалось неодобрение. — «Нашу свободу»! С вами как раз особых проблем нет. Можно и отпустить на все четыре стороны, если заслужите. Свою лояльность вы сами гарантировали. Сотрудничеством с СБС. Я прав?

Я кивнул. Все данные о наших переговорах и соглашениях наверняка задокументированы и хранятся в архивах. Достаточно их обнародовать, и на Краю мне делать нечего.

— Что касается политических игр... Увы, я вынужден в них играть. И в данный момент козырей у меня нет. Как нет и сведений о заговоре против целостности Союза. Все происходящее вполне укладывается в рамки обычной полицейской операции. Но мы работаем над этим, и большего я вам обещать не могу. Так что ваш ультиматум просто смешон.

— Вы мне тоже смешны, генерал, — прошипел я. — Я не знаю ничего о вашей поганой политике и не хочу знать. Мне плевать, кто за какой заговор здесь отвечает. Но мне мерзко думать, что из-за ваших игр погибли люди, причем не только на Краю, но и здесь. Вы же видите — я вас ненавижу, но я сам пришел к вам. И я обещаю, я вам клянусь, что если вы не согласитесь, если не поднимете свою задницу и не отдадите соответствующий приказ, Анну Бовва вы не увидите как своих ушей! Может, случайно обнаружите ее лет через пять, но будет поздно. Край свою пиратскую свободу уже отстоит. И во что превратится, страшно представить.

— Вы отсюда не улетите.

— Допустим, — я повернулся и заглянул ему прямо в глаза. — Но я вас так сильно ненавижу, что мне не страшно умирать. Да я на том свете утешаться буду, что с носом вас оставил! Вики тем более терять нечего. Так что давайте, решайте. И не надо мне пудрить мозги, что вы ничего не можете.

Я не лгал генералу, я был готов выполнить то, что сказал. Много раз за последние недели я прощался с жизнью, и теперь почти не боялся ее потерять. На кону было нечто большее, а времени почти не осталось. Полицейских с Края нужно было уводить немедленно, иначе количество жертв увеличится на несколько порядков. В последние дни на Онтарио я занимался тем, что сидел у визора. Наблюдал импровизированные митинги и даже познакомился заочно с парочкой новоявленных лидеров «движения освобождения». Они очень здорово и проникновенно говорили о том, что «нельзя и дальше терпеть унижения», что «каждая планета должна стать свободной, и для этого мы объединим все силы». И люди слушали эту чушь и соглашались.

Так всегда было. Люди с легкостью велись на красивые слова. Иногда эти слова бывали искренними, но чаще все оказывалось иначе. Слова моего отца принесли многим смерть, но никому — свободу. За всю свою жизнь сенатор Олег Артемьев сумел подарить свободу одному человеку — мне. Оградив меня от печати и от «присяги», создав мне новую биографию. Но за эту свободу мне пришлось дорого заплатить. У меня никогда не было нормальной семьи, а потом не стало и родины. Я не мог оставаться на Шторме.

Отец умер, когда мне было десять лет, но я даже не побывал на его похоронах, чтобы не раскрылась тайна моего происхождения. «Ты должен быть свободен, сынок» — воистину навязчивая мысль.

Спустя семь лет умерла и мать. Без печати у меня был один путь — на Край. Туда я и отправился, и в этом неухоженном, непричесанном мире пришел в себя. Я ведь почему выбрал стезю космического торговца, капитана грузового корабля? Для таких людей дом — весь Край, а зачастую и вся Галактика. Что способно заменить родину? Только целый мир. Теперь этот мир менялся на моих глазах, и я не мог этого предотвратить. Но мог направить эти перемены немного в другое русло. И межзвездная связь казалась мне меньшим из двух зол.

Я знал — мне никогда больше не будет на Краю так хорошо и спокойно, как раньше, но это «раньше» уже никому не под силу вернуть. Даже Братству Тени, хотя тут я ни за что ручаться бы не стал. С м-связью Галактика изменится за какой-то десяток лет. Лучше она станет или хуже, я не мог предположить. Может, и хуже, если принять за аксиому мысль, что к худшему любые перемены. Я хотел одного — чтобы никто не погибал во имя чужих идей. Тысяча несправедливостей все же предпочтительней одной смерти — я научился этому дома, на Шторме.

Генерал Полянский многого не знал обо мне. Для него я был обычным торговцем, одним из тысячи. Но по моему лицу он, кажется, понял, что к моим словам стоит отнестись серьезно. И потом, я предложил ему хорошее решение. Все-таки он был генералом СБС и лично отвечал за поиски Анны Бовва, а раз так, он наверняка ярый сторонник союзной власти и вся эта возня на Краю раздражает его безмерно. Я дал ему шанс приструнить всех своих недругов-сепаратистов и одновременно выслужиться.

Так оно и получилось.

— Сколько дней вам нужно? — спросил генерал.

— Я не буду называть вам конкретный срок. Мы вернемся на Онтарио и включим систему слежения. Больше вы нас не потеряете, — я заговорил сухо, по-деловому. — Как только мы узнаем, где Бовва, я свяжусь с крейсером, и вы ее заберете. Но с этого момента вся излишняя полицейская активность на Краю должна быть прекращена, а обстановка — стабилизирована. Не мне вас учить, как это делается. Умеете. Вспомните Штурм.

Генерал посмотрел на меня долгим взглядом.

— Возвращайтесь на свой корабль, капитан, — сухо сказал он. — Завтра я свяжусь с вами, чтобы подтвердить свое согласие. Если у меня получится. Обещать что-либо я не могу.

Что ж, это было по-своему честно. Генерал протянул мне руку, и я ее пожал.

Мы высадили Полянского возле Конторы и отправились на космодром.

— Скажи, капитан, а ты не боишься, что появление м-связи спровоцирует на Краю Галактики настоящую войну за независимость? К чему тогда будут все твои старания? — спросила Вики, когда мы вернулись на «Птаху».

— Вряд ли. Видишь ли, люди ведь в большинстве случаев тяжелы на подъем. И если смертельная опасность не будет угрожать им лично и их близким, никто и не подумает высказывать возмущение. Сейчас они напуганы, они ждут десанта чуть ли не на каждую планету и действительно готовы защищать свои дома. Межзвездная связь лишит их прежней свободы тихо и аккуратно, так, что никто и не заметит. Ну, или почти никто.

— А ты? Что ты будешь делать? Ты же не хочешь всего этого: тотального контроля, камер везде, постоянных проверок, печати для всех. Но если ты и вправду найдешь Анну, это станет реальностью.

— Анну я найду, не сомневайся. Уговор дороже денег, слыхала такую поговорку? А насчет остального... Всё изменится не сразу, понадобятся годы. А я лет через двадцать стану старым брюзгой и окопаюсь где-нибудь на Онтарио. Буду пить в баре и рассказывать капитанские байки. И всякая свобода мне будет до лампочки.

— Через двадцать? — фыркнула Вики. — Через двадцать ты будешь мужиком в самом расцвете сил. И свободы тебе захочется как никогда прежде.

Она тряхнула головой, убирая челку. Ее глаза не смеялись, и говорила она так, будто ей уже под полтинник и она точно знает, каково там.

— Значит, я получу по заслугам, — резко ответил я. — За ошибки надо платить.

— Извини, — Вики покачала головой. — Не хочу тебя обидеть, но в любом случае это получается предательство.

— Может, ты и права, — у меня резко испортилось настроение. Вспомнились разговоры с приятелями-пилотами, их подозрения... Будет ли у меня возможность на старости лет рассказывать байки? Или бывшие товарищи прибьют в темном переулке? — Хочешь правду, Виктория Краснова или как там тебя? Мне плевать.

— Ты не понял, капитан, — Вики усмехнулась, но скорее печально. — Я тобой вроде как восхищаюсь. На такое ведь не каждый способен — любую цену заплатить за то, что считаешь правильным.

Она помолчала, смотря в пол. Потом подняла глаза и снова улыбнулась.

— У тебя есть что-нибудь выпить, Алекс? За удачу.

— В кают-компании есть коньяк.

— Я принесу, — сказала Вики, и через несколько минут вернулась с рюмками и бутылкой.

В рубке было полутемно, светились лишь кое-какие огоньки на панели, и я вспомнил наши перелеты от планеты к планете, наши разговоры за чаем или кофе, Филиппа Бовва, который оказался так хитер, что перехитрил сам себя. В рубке как будто стало холоднее. Я потянулся к своей рюмке.

— За удачу. И за тех, кто не с нами.

Мы выпили, не чокаясь, и повторять не стали. Вики молча забрала коньяк и ушла в

каюту.

Генерал Полянский позвонил, как и обещал, с самого утра. Я вскочил с раскладной койки и включил визор.

— Я договорился, — хмуро сказал генерал. — Поиски силами полиции прекратят, и усиление с Края отзовут. Но если Анну Бовва не найдут в ближайшие несколько недель... Я могу потерять должность, а вы — жизнь, капитан. Так что лучше вам ее найти. Возвращайтесь на Онтарио и приступайте. И не забудьте включить аппаратуру слежения. Да, кстати. Вам обоим присвоен статус временных агентов СБС — для упрощения любых формальностей. Информация загружается в ваш компьютер. (Я покосился на дисплей и кивнул). Довольны, капитан?

— Абсолютно. Мы вылетаем немедленно, — ответил я и отключился. Меня разбирал нервный смех. Вот уж не думал, что доведется побывать агентом союзной службы безопасности, хоть и временным. Жалко, похвастаться некому. Коллеги не оценят. Я вздохнул. Вики резанула вчера по живому. «Любую цену за то, что считаешь правильным». Все верно. Именно это я и делал — собирался расплачиваться за собственные принципы. Но это, по крайней мере, было справедливо — расплачиваться самому, а не заставлять платить других.

— Эй, Вики, — заорал я, выходя в коридор. — Поздравляю — ты теперь агент СБС.

— Что? — Вики стояла в дверях и смотрела на меня очень напряженно. — Кто агент СБС?

— Ты. И я тоже. Нам такой статус присвоили. Временно. Генерал сказал. А ты что, чем-то недовольна?

— Да нет. Я всем довольна, — сказала Вики и неожиданно расхохоталась. Я смотрел, как она чуть ли не сползает по стене коридора и никак не мог сообразить, что ее так насмешило.

— Рад, что тебе весело. Старт через десять минут, — бросил я и ушел в рубку.

— Не обижайся, капитан, — крикнула она мне вслед. — Это действительно смешно! Расскажу когда-нибудь.

Кресло второго пилота она заняла гораздо раньше, чем через десять минут. Похоже, ничто не тяготило больше Викторию Краснову, о которой я знал, по сути, так же мало, как и в первый день знакомства. Она устроилась поудобнее и подмигнула мне из-под челки:

— Ну что, поехали, капитан? Найдем нашу беглянку. Кстати, а вдруг она не захочет возвращаться?

— А ее и спрашивать никто не будет. Сама виновата — нечего всякую гадость изобретать.

Вот как ловко я умел обходиться с чужой свободой, если полагал, что цель того стоит. Все-таки отец многому успел меня научить.

— Ну и когда ты собираешься вызывать этих... Братьев? — спросила Вики, едва мы ушли в прыжок от Радости.

— Точно не сейчас, — ответил я. — Сомневаюсь, что их могущество распространяется и на гиперпространство.

— А вдруг? — фыркнула Вики. — Откуда они вообще взялись? Ты что-нибудь знаешь?

— Нет. Точно — ничего. Зато баек слышал достаточно. Говорят, они используют какую-то древнюю силу. Может, она и нечеловеческая. Рассказывают о какой-то заповедной планете, где находится их, так сказать, штаб, и откуда они могут свободно повелевать

пространством, но планеты этой, как ты понимаешь, никто не видел и даже случайно на нее не наткнулся.

— Откуда же слухи?

— Так слухами, как известно, земля полнится, — я засмеялся. — И Галактика, соответственно, тоже.

Я хотел вынырнуть из гиперпространства возле Онтарио и уже там отправить в эфир нужный код.

— Не боишься, что их засекут на «Скором»?

— Навряд ли они сами явятся на борт. Информацию можно передать и по визору. Но если и явятся, не переживай. Похоже, они умеют оставаться незамеченными.

— А как они найдут Анну?

— Честно говоря, мне наплевать, — сказал я. — Лишь бы нашли.

— Думаешь, они прямо на борт ее приведут?

— Было бы классно, — я улыбнулся. — Но, скорее всего, они расскажут, где она скрывается, а мы передадим данные на «Скорый». И дело сделано.

— Как-то у тебя все просто, — Вики покачала головой.

— А я не люблю сложностей.

— И ты не боишься?

— Братства?

— Да.

— Не вижу, чего мне бояться, — я пожал плечами.

Я действительно не ждал от Братства никакой опасности для себя лично. Выяснить правду о нем я не собирался, договоров я никаких с ними не подписывал, душу не продавал, а если когда-нибудь они потребуют что-то взамен, тогда и буду с этим разбираться. А пока нет смысла об этом переживать. У меня ведь нет другого выхода, обычными средствами Анну не найти. Хоть и не бесконечна Галактика, а все же велика, слишком велика для двух человек, желающих найти третьего.

— Не понимаю, как ты с ума не сходил в этих дальних прыжках, — заговорила Вики после паузы. — Сколько ты часов проводил вот так, в пустоте, когда даже спать нельзя?

— Иногда я спал, — честно признался я. — А остальное время... Какие-то занятия находились. Не так уж это и страшно, как кажется. Особенно если знаешь, что на другом конце маршрута тебя ждут кабак и девочки, — я усмехнулся. — Да и не каждый раз случаются затяжные прыжки. Скучно стало? Иди спать. Выход из гипера через десять часов.

— А ты?

— А я посижу, подумаю.

— Ну-ну. Полезное занятие. — Вики встала из кресла. — Между прочим, мы можем дежурить по очереди, раз уж работаем вместе.

— Не нужно, — я качнул головой. — Понадобится меня сменить — я скажу. Иди в каюту и отдыхай.

— Вообще-то это твоя каюта. Не хочешь снова ее занять? Я могу спать на диване в кают-компани.

— Спасибо, конечно, — я усмехнулся. — Но не стоит. Чувствуй себя как дома. Я потерплю. Скоро все это закончится.

— И что тогда? — тихо спросила Вики странным тоном. — Высадишь меня где-нибудь и скажешь «пока»?

— А ты против? Влюбилась в меня и не хочешь расставаться? — насмешливо предположил я, сам не понимая, зачем говорю такое. Вики отшатнулась и привычным жестом отодвинула челку со лба.

— Влюбилась, — спокойно сказала она. — Только не в тебя. В «Птаху».

Я разинул рот. А она добавила почти шепотом:

— Может, я об этом всю жизнь мечтала.

— О чем? — Я продолжал язвить. — О смертном приговоре? Или о том, чтобы мотаться туда-сюда по Краю на тесном грузовике?

— Примерно так. — Она кивнула, игнорируя мой тон. — Заработать много денег и облететь всю Галактику, а не сидеть в конторе с утра до ночи.

— Поэтому ты и согласилась Анну изображать? — догадался я.

Вики ответила не сразу.

— Дура я была, — наконец сказала она. — Дурой и помру, как ни обидно. А если не помру, не переживай, обременять тебя своим присутствием не буду. Куплю себе яхту со всеми удобствами, курсы пилотирования закончу...

— Неплохо тебе старший Бовва заплатил, — прокомментировал я. — А где деньги-то? Разве их не изъяли?

— Все тебе расскажи, — Вики усмехнулась. — Где положила, там и лежат. Спокойной ночи, капитан. До встречи на орбите.

И она ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь, а я остался под странным впечатлением от этого разговора. Я так и не понял, что она сказала в шутку, а что всерьез. Насчет «Птахы» наверняка соврала, просто хотела задеть меня посильнее. И ведь получилось! Вопреки всякой логике, я почувствовал что-то вроде ревности к кораблю, который нравился ей больше, чем я. А вот насчет яхты она сказала правду. Действительно мечтала...

Какое-то время я размышлял о Вики. Могла ли она стать пилотом Края? По всему получалось, что вполне. Она ничего не боялась и умела отвечать за себя и за последствия своих решений. Такая справилась бы и с кораблем, и с экипажем. Я бы даже доверил ей «Птаху», в качестве второго пилота, например. Я удивился этой мысли, но не успел ее додумать и уснул прямо в кресле.

8.

Разбудил меня предупреждающий сигнал о выходе из гиперпрыжка. Я протер глаза, потянулся и проверил показания приборов. Все прошло штатно, мы находились на орбите Онтарио. Но, прежде чем отправлять в эфир секретный код, следовало разобраться с аппаратурой слежения, убедиться, что крейсер сопровождения никуда не делся, и позавтракать. Этим я и занялся.

Через полчаса в кают-компанию вышла Вики. Она привела себя в порядок, но волосы в хвост, вопреки обыкновению, не убрала. Так, с пшеничной гривой ниже плеч, ей было лучше. О вчерашнем разговоре мы оба предпочли не вспоминать. Выпили кофе с булочками и заняли свои места за панелью управления. Я приблизился к Онтарио, насколько было возможно, и принялся «вызывать духов», как назвала это Вики.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Через несколько секунд после того, как код ушел в эфир, Брат-В-Тени смотрел на меня с экрана визора. Я попытался определить, тот ли это, с кем я уже общался, или другой, но

потерпел неудачу. У них, похоже, не было ни имен, ни лиц.

— Слуга Тени рядом, — прошелестел голос.

— Приветствую тебя, — сказал я. — Мне снова нужна ваша помощь — разыскать человека, который скрывается где-то на Краю Галактики. Это девушка, ее зовут Анна Бовва, она инженер и ученый. Это все, что я могу о ней сообщить.

— Она похожа на меня, — вполголоса добавила Вики. — Точнее, это я на нее похожа. Но она моложе. А расстались мы с ней на Горацио. — Это была еще одна оживленная и неплохо развитая планета Края. Благодаря близости к Центру она стала своеобразным перевалочным пунктом между двумя негласными территориями Союза.

— Этих сведений вам будет достаточно? — уточнил я, не очень в это веря.

— Достаточно, — ответил Брат. — Вам нужно знать, где она скрывается?

— Мне нужна она сама. Или информация, где она находится.

— Ждите.

— Сколько? — спросил я, но ответа не получил.

Экран погас.

С минуту мы молчали.

— Как думаешь, может, эти ребята на жаловании у СБС? — наконец заговорил я, неизвестно зачем понизив голос.

— Сомнительно, — Вики качнула головой. — Зачем тогда мы?

— Ты права. И все-таки интересно, как у них это выходит. Как они слышат сигнал... и как собираются искать Бовва и доставлять ее к нам на борт на виду у крейсера СБС?

— Начал париться, да? Сам же говорил, что их фокусы тебя не интересуют. Вот и расслабься. Может, у них невидимый звездолет. Или сами они невидимые вокруг в скафандрах летают. Или без скафандров.

— Заткнись! — Меня передернуло. Вики рассмеялась. И почти тут же замолкла, потому что экран засветился снова.

— Ничего себе! Уже? — испуганно прошептала она.

Я шикнул на свою болтливую компаньонку и уставился на экран.

— Мы знаем, где она, — сказал Брат-в-Тени. — И можем сообщить вам об этом. Но дальше вам придется действовать самим.

«Мы знаем». Мы с Вики переглянулись, подумав об одном и том же. Не «мы узнали», а «мы знаем». И неудивительно. За десять минут по таким данным найти человека невозможно. Значит, они нашли ее раньше. Скорее всего, когда я отдал им отца и лже-дочь Бовва на Антраците. Они сразу оценили, чего стоит эта информация, и поспешили ее заполучить.

— Где же она? — спросил я. — И что вам мешает доставить ее прямо сюда?

Брат-в-Тени не удостоил меня ответом.

— Данные загружены в память корабля, — сказал он все тем же лишенным всякого выражения голосом. — Это все, что мы можем сделать.

И экран визора погас. Я немедленно полез в почту и открыл файл, пришедший с неизвестного адреса. Загрузилась интерактивная карта Галактики. Мы молча смотрели, как увеличивается масштаб изображения: все ближе, ближе, ближе, и вот уже можно разглядеть одинокую звездную систему на самом краю обитаемого мира...

— Я понял, — тихо сказал я и нажал на паузу.

Некоторое время мы сидели в тишине.

— Такого я не ожидал, — наконец выговорил я.

— Чего именно?

— Что хрупкая девушка, пусть она трижды технический гений, туда доберется. Без нас и без помощи Братства ее не нашли бы никогда. Если бы и додумались, не рискнули бы туда лезть.

— Куда туда?

— На Землю.

Вики нервно рассмеялась. Пояснить, что такое Земля, ей не пришлось.

Родина человечества была окончательно покинута больше трех сотен лет назад, а Солнце в ближайшее время должно было превратиться в сверхновую, причем не по вселенским, а по самым что ни на есть человеческим масштабам. Ресурсы маленького шарика были полностью исчерпаны, но природа, лишившись населения, довольно быстро восстановила себя, и с экологией там все было более или менее в порядке.

Официально там никто не жил, однако кучка безумцев или сектантов отказалась покидать обреченную колыбель человечества. Переселение в центр Галактики они считали то ли преступлением против бога, то ли постыдным бегством от судьбы, никто уже не помнил точно. Но факт оставался фактом: часть жителей осталась на планете. Никаких контактов с остальным миром эти люди не поддерживали. Они жили и рожали детей, нисколько не заботясь, что система может в любой момент превратиться в ад. Всех чужаков они, по слухам, безжалостно уничтожали. Во всяком случае, разного рода искатели приключений, пираты и прочие падальщики Землю обходили стороной, и не только из-за Солнца. Слишком большие потери они там в свое время понесли. Как сейчас обстояли дела на Земле, никто не знал, пилоты там не бывали, и новостей оттуда не было.

— И как ее туда занесло?! — воскликнул я. — Кто согласился ее туда доставить? Как она там уцелела? И, главное, как ее теперь оттуда достать? — Вопросов у меня было больше, чем ответов. — Блин, какие же мы идиоты! Точнее, я идиот. Но я и предположить не мог такого, честное слово!

— Что будем делать? — сухо и деловито спросила Вики.

— Лететь туда — самоубийство.

— А у нас что, есть выбор?

Я посмотрел на девушку. Она говорила серьезно, и я ее понимал. Лучше злобные аборигены, чем тайная казнь в тюрьме СБС. От первых есть шанс отбиться, а от вторых во всей Галактике не скроешься, разве что в Братстве Тени... навсегда. Я поёжился. Что же касается меня, недавно я собирался поставить на карту все ради спасения Края. Настало время проверить твердость моих намерений.

— Ты права, — согласился я. — Отступать нам некуда. Значит, будем наступать, верно? В конце концов, у нас же есть прикрытие, — я кивнул на крейсер, который все еще торчал в пределах видимости. — Глядишь, и вытащат. Придется с ними, скорее всего, связь поддерживать. Вряд ли они откажутся нас прикрывать, служба есть служба. Хотя и не обрадуются, увидев, куда мы рванули.

Я запустил программу расчета координат для прыжка. Вики с задумчивым видом смотрела в мониторы.

— Долго лететь? — спросила она.

— Да. Несколько суток.

— И что мы будем делать, когда долетим? Земля большая.

— Сейчас посмотрим.

Я запустил воспроизведение. Масштаб продолжил увеличиваться. Нам показали сначала всю Землю, потом один из континентов в Северном полушарии, потом конкретный участок земной поверхности.

— Я так и думал, — резюмировал я. — Раз им нет туда доступа, они не знают точного места. Только участок, причем немаленький. — Я прикинул площадь кружочка на карте. — Тысяч сто километров. Квадратных.

— Разве на такой территории можно кого-то найти?

— Смотря что там происходит, кто там живет и так далее. Придется разбираться на месте. — Я задумчиво смотрел на экран. — Интересно, почему они не могут туда проникнуть. А? Как ты считаешь?

— Наверное, просто не хотят, — угрюмо предположила Вики.

— Он сказал: нам туда доступа нет.

— Не все ли равно? — оборвала меня девушка. — Опять гадаешь. Не надоело? Может, там люди живут нехорошие. Негостеприимные.

Она была права: гадать смысла не было. Но такая беспомощность почти всемогущей организации настораживала.

Часть 3.

1.

Я не стал вызывать Братство Тени на орбите Земли — уверенность, что это бесполезно, не покидала меня, а своей интуиции я привык доверять. Вики вопросов не задавала. По правде, она была почти идеальным вторым пилотом — безоговорочно доверяла мне в серьезных вещах, но всегда готова была дать дельный совет.

Я связался со «Скорым», назвал себя. Меня немедленно переключили на какого-то полковника, фамилию которого я не запомнил. Я доложил обстановку и пояснил:

— Я не знаю точно, где она прячется. Чтобы ее найти, нам придется сесть на планету.

— Вы что, собрались обыскивать всю Землю? — удивился полковник.

— Это наши проблемы. — Раскрывать все карты я не спешил.

— У меня приказ не допускать ваших контактов с объектом.

Я пожал плечами.

— Нет проблем, ищите сами.

— Ждите, — бросил полковник.

Через несколько минут он вышел на связь и с кислой миной сообщил:

— Отправляйтесь туда, капитан Артемьев. Ваша задача — установить точное местонахождение девушки. Вы сообщите его нам, а остальное — наша забота.

— Вас понял, — буркнул я и посмотрел на Вики. — Ну что, садимся?

Она кивнула.

— Нужно выбрать место для посадки, — я уставился на экран, изучая карту местности. — Не очень далеко от цели, но и не рядом. Не стоит нервировать наших аборигенов. Да и Анна может сообразить, что это за ней.

— Давай здесь, — Вики ткнула пальцев в карту. — Тут что, горы?

— Больше похоже на сопки. Холмы, — пояснил я. — Географию прогуливала?

— Никогда не интересовалась.

— Зря. Очень полезная наука. Так что там с сопками?

— Хорошее место, можно надежно спрятать корабль. И не очень далеко.

— Ты права. — Я еще раз изучил карту. — К северу от холмистой местности начинался лес. Именно там, где-то в глухой тайге, укрывалась Анна. Южнее текла большая река, а за ней начиналась степь.

— Странно это все, — сказал я.

— Что именно?

— Если она там, — я ткнул пальцем в кружок, — значит, там есть поселения. Люди. Но зачем они забрались в тайгу? Не проще жить на открытой местности, у реки?

— Выходит, не проще. Откуда ты знаешь, какие здесь особенности климата? Или у реки свои аборигены.

— Да, — я рассеянно кивнул. — Это меня и беспокоит. Я бы предпочел посадить «Птаху» там, где людей нет.

— Думаешь, «Птаху» им по зубам?

— Понятия не имею и проверять не хочу.

— Давай приземлимся где-нибудь в этих... сопках. И посмотрим поближе, есть там поселения или нет. Понадобится — сменим дислокацию.

Я вздохнул. «Птаху» не была предназначена для маневров в атмосфере. Придется выныривать на орбиту и садиться заново. Но Вики права, так разумнее всего.

— Ладно, уговорила, — пробормотал я, вбил координаты и взялся за управление.

Место, где мы приземлились, выглядело пустынным.

— Надо взять шлюпку и осмотреться, — сообщил я.

— Хорошо хоть пешком идти не предлагаешь, — пробормотала Вики, отстегивая ремни. Она улыбалась, но улыбка выглядела натянутой. С тех пор, как мы вынырнули из гипера на орбите Земли, она была сама не своя. Должно быть, нервничала из-за нестабильности Солнца или перспективы вступить в контакт с аборигенами. Я, однако, надеялся, что светило потерпит немного и не станет взрываться, пока мы здесь, а прямого контакта с местными жителями как-то получится избежать.

— У нас есть оружие, кроме твоего «Кольта»? — тем временем спросила Вики.

— Хороший вопрос.

— Только не говори, что нет.

— На самом деле, есть. Но это уж точно незаконно.

— Ты меня поражаешь, — хмыкнула Вики. — Какое это теперь имеет значение? — Она подчеркнула слово «теперь».

— Наверное, никакого. Но я бы предпочел его не светить.

— И что у тебя припрятано? Маленькая нейтронная бомба?

— Нет. Но моя шлюпка оборудована парой пулеметов. Мы, знаешь, иногда бываем в странных местах... Это Край, не путай с Центром.

— Ты и в самом деле не так прост, капитан, — Вики разглядывала меня с неподдельным интересом. — И ты не боялся летать с такой шлюпкой мимо полиции и таможни?

— Шлюпки отдельно никто не проверяет. А выглядит она совершенно обычно. Зато мы будем чувствовать себя увереннее.

— Это точно, — Вики заметно расслабилась. — Ну, тогда давай. Полетели!

Мы сели в шлюпку и поднялись повыше. Камеры передавали увеличенное изображение на мониторы.

— Как ни странно, — резюмировала Вики, — нам повезло. Мы и в самом деле выбрали пустынное место. Ближайшие поселения, похоже, начинаются за рекой. Да и там я их что-то не вижу.

— Может, там кочевники, — пошутил я.

— Ты о чем?

— Ну, когда-то давно на Земле жили кочевые племена. Как раз где-то там, в степях. Они не строили городов, а путешествовали вместе со своими стадами. Ну, знаешь, история. Тоже интересная наука.

— Издеваешься? — вспыхнула Вики. — Кочевники! Это когда было?

— Здесь триста лет никакой цивилизации нет, — ответил я. — Откуда ты знаешь, что за это время появилось вместо нее?

— Не знаю, — согласилась Вики. — И знать не хочу. Мы сюда прилетели не географию с историей изучать. Нет никого поблизости, и слава богу. Давай лучше подумаем, как мы будем искать Анну.

— Для начала слетаем туда и аккуратно осмотримся. А там решим что-нибудь, — заявил я, направляя шлюпку обратно к «Птахе». — У тебя теплые вещи есть?

— Это еще зачем?

— Мало ли, вдруг придется прогуляться.

Приборы показывали, что за бортом +13 градусов по Цельсию и легкий западный ветер. Но севернее могло быть холоднее. В этом полушарии стояла середина осени.

— Надеюсь, нет, — Вики поежилась. — А из одежды есть кое-что. Мы ведь бежали, забыл. Не знали, куда нас занесет. Я подготовилась.

— Предусмотрительно, — буркнул я.

Мы пообедали, собрались и вскоре уже висели над обозначенным на карте участком, где следовало искать Анну Бовва. Вокруг был непроглядный лес. Я выругался.

— Так я и знал!

— Ты о чем?

— Сама не видишь? С воздуха мы здесь ничего не найдем, даже сутками болтаясь над нужным участком. Но самое главное — нас засекут.

— И что? Не все ли нам равно?

— Если Анна увидит, что над головой крутится межпланетный катер, она поймет, что это за ней, и спрячется куда надежнее. Мы никогда не найдем ее.

— И что же нам делать?

— Поднимемся повыше и сделаем снимки поверхности. Хотя бы выясним, сколько здесь вообще населенных пунктов, какого они размера и так далее. Деревни-то будет видно. Ну а там как получится. Составим план и методично осмотрим каждое поселение.

— С воздуха?

— А ты что предлагаешь? В гости наведаться? — грубо спросил я. — С воздуха, конечно. Правда, я сомневаюсь, что аппаратура даст нормальное увеличение. Все-таки это шлюпка, а не спутник-шпион. Но попробовать нужно.

— А если ничего не получится?

Вики определенно пугала перспектива спуститься на поверхность и повстречаться с местными. Что же, я ее понимал. Меня в худшем случае просто убьют, а с ней могут и по-

другому развлечься.

— Если не получится, будем думать дальше, — ответил я и взялся за штурвал.

Поселений на участке оказалось не очень много, но и не три штуки, и не десяток. Я насчитал двадцать восемь деревень, от крошечных, в два-три дома, до приличного размера поселков домов на сто. Располагались они на значительном расстоянии друг от друга, и было не очень понятно, что делают местные жители зимой, когда дороги засыпает снегом. Видимо, сидят по домам. Отсюда вывод: времени у нас не так много. Зима приближалась, редкие лиственные деревья стояли желтые или вовсе с голыми ветками. И было куда прохладнее, чем там, где мы бросили «Птаху»: около +5 по Цельсию.

Мы поднялись повыше, как и планировали, и зависли над нужным нам участком местности. Я выбрал крайнюю деревеньку на юго-востоке и принялся настраивать оптику и выводить картинку на большой экран.

— Запись включи, — посоветовала Вики, наблюдая за процессом из кресла второго пилота.

— Без тебя разберусь, — буркнул я.

Наконец все было готово. Картина появилась на большом мониторе, и мы жадно на нее уставились. Внизу смеркалось.

— Да-а, — протянула Вики через полчаса. — Много мы так насмотрим...

Нет, оптика работала нормально и давала хорошее увеличение. Мы видели людей на улице, могли рассмотреть лица. Вот только за это время по деревне прошло четыре человека, в основном мужчины. Никакого уличного освещения, естественно, не было, и с наступлением темноты люди предпочитали сидеть дома. Мы подождали, когда стемнеет окончательно, и убедились, что всякая жизнь в деревне замерла.

— Что ж, на сегодня отбой, — сообщил я. — Так даже проще, будем высыпаться.

— На «Птаху»? — уточнила Вики.

Я кивнул. Не было никакого смысла болтаться в небесах. Кроме того, записи стоило скинуть в общий компьютер «Птахы», в системе шлюпки было маловато памяти для таких объемов.

Следующие восемь дней прошли как под копирку: мы поднимались затемно, завтракали, Вики заворачивала нам с собой еду, приготовленную с вечера, и к рассвету мы были на посту. Целыми днями наблюдать за однообразной жизнью местных жителей, не теряя концентрации, оказалось нелегкой задачей. Первое время мы еще пересучивались и комментировали увиденное, обсуждали примитивные технологии: лошадиную тягу, добычу воды ведрами из-под земли и прочее подобное. Потом и это стало скучно. Люди внизу жили самой обыкновенной трудной жизнью колонистов. Мне и прежде доводилось видеть подобное. Многие планеты Края находились примерно на том же уровне развития и отличались от Земли лишь наличием легального космодрома.

Путем визуальных наблюдений мы установили, что у местных есть радиосвязь — над одним из домов торчала антенна. Я включил приемник и перехватил несколько сообщений. Говорили они по-русски, архаично, но понятно. Я пошарил в справочниках и узнал, что эти территории относились раньше к русскоязычному государству Сибирь. Стало понятно, почему Анна остановила свой выбор на этом уголке планеты. Я бы тоже выбрал «соотечественников», пусть и весьма условных.

— Интересно, откуда у них электричество для радиоприемников? — вяло поинтересовался я, не ожидая ответа.

— Мало ли, — Вики пожалала плечами и привычно отбросила челку со лба. — Ветряки, солнечные батареи... С прежних времен что-то да сохранилось.

— Но недостаточно для освещения домов, — заметил я.

— Естественно. Наверняка заряжают какие-нибудь старенькие аккумуляторы и питают ими исключительно радиостанцию. И охота им так жить? — Вики поежилась.

— Вряд ли у них есть выбор.

— Это точно, — девушка помрачнела и задумалась о чем-то своем.

Переговоры радистов касались предстоящих осенних торгов в одной из деревень. Я уменьшил громкость приемника, но не ушел с частоты. Мало ли что они еще скажут, вдруг что-то полезное для наших поисков всплывет.

К этому моменту мы осмотрели округу на несколько сотен километров во все стороны, и стало ясно: перед нами что-то вроде маленького содружества поселков, обособленное от остального мира. Ближайшее такое же скопление жителей находилось в полутысяче километров западнее, за большим озером.

Земля явно не могла похвастаться большой плотностью населения, но и пустынной я бы ее не назвал. Понятно, что местные родились уже после Исхода и просто не имели возможности изменить свою судьбу. Предки не оставили им выбора. Это было грустно, но по-своему справедливо.

Размышляя над земной историей, я продолжал смотреть на экран, обращая внимание на каждую женщину или девушку, которая появлялась в поле зрения камер. Но Вики каждый раз качала головой, и я соглашался: женщины были либо намного старше, либо куда фигуристее. Изредка попадались девушки похожего возраста и стати, но совершенно не напоминающие Анну внешне. Два или три раза за эти дни мы делали стойку и долго отслеживали очередную молодую особу. Иногда приходилось немного менять положение катера, чтобы получить четкую картинку лица, и становилось ясно: нет, опять не она.

И каждый раз Вики незаметно выдыхала и разжимала кулаки, словно боялась, что это окажется Анна. Я поглядывал на нее исподтишка и гадал, кто же она такая на самом деле и почему так близко к сердцу воспринимает эту историю, но спросить напрямую так и не решился. Я очень сомневался, что она захочет ответить.

А на девятый день мы нашли Анну. Она жила в небольшом поселке на северо-востоке «конгломерата». Мы только начали наблюдение, я по привычке нашел дом с антенной (на него было удобно ориентироваться) и вяло поинтересовался у Вики:

— Ты вчера пересматривала записи?

Она кивнула, отхлебнула кофе и передала мне термос. Я налил себе горячей черной жидкости. Вики делала кофе с сахаром, и мне приходилось с этим мириться.

— Ничего?

— Ничего. Я бы сказала.

Однообразие и скука не в лучшую сторону сказывались на нашем общении. Обсуждать было больше нечего, и теперь Вики частенько замыкалась в себе или отгрызалась. Я-то привык мало говорить и сидеть неподвижно, но и меня неделя такого времяпровождения измотала.

— Ну извини, — я сделал большой глоток кофе и поморщился.

— Я смотрю, ты опять недоволен, — зло буркнула Вики.

— Я просил поменьше сахара класть.

— Без сахара эту бурду пить вообще невозможно!

— Что-то раньше ты это бурдой не называла, — обиделся я за свою кофеварку.

— Думала, привыкну, но никак не получается! Ой, Алекс! — Вики позабыла про кофе и вцепилась мне в руку, лежащую на подлокотнике. — Алекс, это она!

Из домика с антенной вышла молодая девушка, и я сразу понял, что Вики права. Анна Бовва не очень-то скрывалась. Она была в брюках и куртке явно не местного покроя и сильно отличалась от здешних женщин. Они носили штаны, но совсем другие, а чаще все же были в юбках или платьях.

— Антенна! — сказал я. — Наверное, она сказала, что разбирается в радио. Что может быть полезной. Поэтому ее и не убили, оставили.

— Да. Ты прав. — Вики выдохнула и отпустила мою руку. На запястье остались красные следы ее пальцев. — Не могу поверить, что мы ее нашли...

Девушка шла по улице, здоровалась с односельчанами, а мы продолжали следить за ней взглядами, не в силах оторваться.

— Давай посмотрим, куда она идет, — предложила Вики.

— Обязательно, — кивнул я.

Мы еще какое-то время наблюдали за Анной, пока она не зашла в калитку одного из домов, поднялась на крыльцо и скрылась из виду.

— Что... Что ты будешь делать, капитан? — напряженно спросила напарница. — Сообщишь на крейсер?

Я помолчал и ответил вопросом на вопрос:

— А что, есть варианты?

— Крейсер здесь наведет такого шороху, что мало им не покажется.

— Я знаю.

— Мы могли бы забрать ее сами.

— Как?

— Выясним, где она живет, проникнем ночью в деревню и аккуратно...извлечем. Ты ж видишь, они ночью по улицам не ходят. Поселок почти не охраняется.

— Вот именно, что почти. На въезде у них что-то вроде охраны. Возможно, и ночные патрули имеются.

— Может, да, а может, и нет. И к тому же, патруль легко услышать и обойти, если все делать с умом. Подумай, капитан. Ты же временный агент, у них есть право самим принимать решения. И потом, разве тебе не интересно самому с ней пообщаться?

— Продолжай наблюдение! — Я ткнул пальцем в экран, давая понять, что не потерплю уговоров. — Нам нужна вся информация: где она живет и с кем, чем занимается в течение дня, где бывает.

— Так точно, капитан.

— Мне нужно подумать.

— Как скажете.

И Вики послушно углубилась в наблюдение, я же почти перестал смотреть на экран. Я размышлял, стоит ли покой этих чуждых мне людей такого риска. Но в одном Вики была права: мне было любопытно. Я хотел поговорить с Анной, выяснить, почему она сбежала и что изобрела. Я хотел знать правду, раз уж пострадал за нее.

Через два дня ближе к вечеру мы спустились к поселку. За это время мы собрали всю информацию, которую можно было собрать с воздуха, о местных жителях и об Анне. Девушка жила в том же самом доме с антенной, судя по всему, одна, что было невероятной удачей. Второй удачей было то, что дом стоял немного на отшибе. Сама деревенька располагалась в низине, а для радиста, должно быть, специально, построили жилище повыше на холме. Вики оказалась права и насчет источников энергии: недалеко от дома крутился небольшой ветряк.

План поселка мы изучили досконально, и теперь мне казалось, что самая большая трудность, которая нам предстоит — тихо и незаметно довести девушку до шлюпки, а остальное получится легко и просто. Эту задачу я взял на себя. У меня был пистолет, и доверять его Вики я не собирался. Кроме того, я был сильнее и при необходимости мог дотащить Анну на себе. Вики не возражала.

— Жди меня здесь, — сказал я. — Если не появлюсь через два часа, значит, что-то пошло не так.

— И что мне тогда делать?

— Лететь в поселок и искать меня. А ты что, собиралась меня бросить?

— И как тебя искать? — На провокационный вопрос Вики не ответила.

— Извини, точной инструкции не дам, — я пожал плечами. — Будет зависеть от того, что именно случилось. Но в любом случае помни, что шлюпку из ружей не подбить, а у тебя пулеметы. Кстати, чуть не забыл. Давай покажу, как ими пользоваться. Садись на мое место.

— Ух ты, — восхитилась Вики, поработав кнопками и рычагами. — Почти как в компьютерной игрушке. Можно и рулить, и стрелять.

— А то, — я довольно улыбнулся. — По заказу сделано, для меня. Я всю жизнь летаю один.

— А почему? — Вики вскинула голову и посмотрела на меня. Я стоял рядом с пилотским креслом. Повисла пауза. Я не нашелся, что ей ответить, как объяснить в двух словах, что я чувствовал себя в безопасности лишь наедине с самим собой, и только на себя привык рассчитывать.

— Так уж вышло, — пробормотал я, чтобы хоть что-то сказать. — Не отвлекайся. Попробуй еще раз.

Вики перевела взгляд на монитор и послушно положила пальцы на клавиши. Для первого раза получалось совсем неплохо. У нее были красивые руки. Я отвел глаза.

Тем временем окончательно стемнело. Я сунул в карман свой экран с навигатором, надел куртку, шапку и перчатки. Не считая фонарика и «Кольта», я шел налегке. Вики молча смотрела, как я спрыгиваю на землю и озираюсь. Было темно и тихо. Незнакомый лес пугал. Навигатор в кармане чуть слышно пискнул. Маршрут был определен.

— Ну, все. Жди нас через два часа. — Я и мысли не допускал о неудаче. — Смотри тут в оба. Себя не обнаруживать.

Вики кивнула, и я направился к лесу.

— Эй, капитан! — неожиданно раздалось за спиной.

Я обернулся. Над открытой дверцей шлюпки горела лампочка, давая достаточно света, чтобы разглядеть Вики. Она кинула на землю рюкзак и сказала:

— Надеюсь, тебе это поможет.

И захлопнула дверцу.

Я еще не понял, что произошло, инстинктивно рванулся назад, но, конечно, не успел.

Заработали моторы. Я замер, чтобы не попасть под сопла, и машина — без огней и почти бесшумно — ушла вертикально вверх. Хорошая шлюпка. Я очень ее любил. Но, похоже, остался без нее и совершенно один. Именно так, как мне всегда нравилось.

— Вики! — крикнул я в полный голос, позабыв об осторожности. Это было глупо, но я и не надеялся докричаться. Мне нужно было выплеснуть эмоции. — Вики! Почему?!!

Я упал на колени и стукнул кулаком по земле. Я догадывался, почему. Она давно хотела сбежать. И она не хотела, чтобы я нашел Анну. Потому и дергалась так при малейшем подозрении, потому и расспрашивала, что я собираюсь делать, а потом убеждала не докладывать на крейсер. И ведь убедила, мать ее так. Знала, на какие точки надавить, чтобы я повелся, как мальчишка, и сделал все, как она планировала. Должно быть, до конца отработывала гонорар, который заплатил ей Филипп Бовва. Или попросту не верила, что после операции нам сохранят жизнь, и нашла способ соскочить, оставив меня без связи на чужой опасной планете.

Орать и материться было бесполезно и опасно. Я взял себя в руки и поднялся с колен. Сохранять одежду сухой стало жизненно важно. Я поднял рюкзак и проверил, что в нем. Заботливая Вики сложила туда несколько пластиковых контейнеров с походным рационом, аптечку, большую бутылку с водой, «вечную» зажигалку, нож и переносную зарядку для экрана, которой хватит дней на десять. Понимала, что «Птаху» ей не угнать: система-то запаролена. Вот и оставила мне шанс добраться до корабля.

С тяжелым вздохом я достал экран, отправил сообщение на бортовой компьютер и получил пеленг. Итак, направление есть. Надо идти к звездолету. Я должен дойти, не так уж здесь и далеко. Еды хватит. А если не хватит, что-нибудь придумаю. Что касается Анны Бовва... Хватит, больше я рисковать не намерен. Доберусь до «Птахи», вызову крейсер и дам координаты. Пусть разбираются сами.

С этой мыслью я выступил в поход.

Очень быстро стало ясно, что свои силы я переоценил. Ночью в лесу идти по прямой не получалось. Приходилось обходить то колючие заросли, то овраги, то бурелом. Я быстро выдохся и решил передохнуть. Опыт выживания в экстремальных условиях у меня был нулевой, не считая смутных представлений, почерпнутых из книг, игр и кино. Попыхтев, я развел костер из еловых лап и мелкого хвороста, что валялся вокруг. Влажная растопка сильно дымила, и было ясно, что надолго ее не хватит. Я нашел молодую елку, кое-как сумел ее повалить и положил серединой ствола на огонь. Так можно было надеяться, что костер прогорит не сразу.

Выспаться не удалось. Всю ночь я дремал вполглаза у огня, время от времени подвигая ствол и давая новую пищу костру. Едва начало светать, я погасил огонь, раскидал набранный сушняк, прикрыл ствол несколькими еловыми лапами и пошел дальше по пеленгу. Навигатор бесстрастно подсказывал, что я прошел пятнадцать километров из четырехсот восьмидесяти трех. Оптимизма это не внушало.

Еще через два часа я попил воды из ручья и вскрыл один из контейнеров с едой. Перекусил, едва утолив голод, и сверился с экраном. Перед выходом я загрузил в него снимки местности и теперь мог свободно ориентироваться. Умная программа с легкостью переделала панораму в обычную карту-схему. Зеленый кружок обозначал мое расположение. Недалеко, в нескольких километрах справа, тянулась дорога от деревни, где жила Анна, на юг, к большому поселку. Сам поселок был в двадцати километрах впереди. Я прикинул, стоит ли выходить на дорогу, и отбросил эту идею. Одежда, а особенно обувь и рюкзак,

выдавали во мне пришельца. Пришлось тащиться по лесу, утешая себя тем, что днем проще выбирать путь.

До поселка, однако, я так и не дошел. До него оставалось километра три, день давно перевалил за половину, и я уже подумывал остановиться и поискать укрытие, но тут из ельника вышли двое мужиков с ружьями. Я инстинктивно метнулся куда-то в сторону. Грохнул выстрел, и мне на голову посыпались ветки и труха. Я упал и прижался к земле.

Стреляли не на поражение, отметил бесстрастный наблюдатель внутри меня (он и раньше просыпался в опасных ситуациях). Хотели взять живым. Меня это ничуть не обрадовало. Я прикинул, что будет, если я сейчас встану и попытаюсь убежать, и отчетливо осознал: следующий выстрел будет в спину, уйти мне не дадут. Тогда я прикрыл голову руками и остался лежать. Я даже не попытался вытащить пистолет. Шума я не услышал: просто кто-то тяжелый вдруг навалился сзади, прижал мне руки к земле, а потом на затылок обрушился удар.

— А ну вставай!

Я ощутил тычок в бок и открыл глаза. Я лежал навзничь. Надо мной стояли все те же два мужика. Молодой с интересом изучал содержимое моего рюкзака, старший вертел в руках «Кольт». Он явно знал, с чем имеет дело. Именно он привел меня в чувство пинком под ребра. Я пошевелился. Руки были связаны сзади, и лежать было неудобно.

— Глянь-ка, Иван, — младший продемонстрировал контейнер с рационом из моего запаса.

— Положи на место, — буркнул Иван. — Добрыня разберется.

— А это что? — в руках у парня очутился мой экран.

— А это дай сюда!

Иван схватил экран, бросил на землю и наступил ногой.

— Нет! — заорал я и рванулся к разбитому прибору. Экран был моим единственным шансом вернуться домой.

— Да! — передразнил меня Иван. — Очнулся, значит? Вставай давай!

И он снова пнул меня в бок.

Я медленно поднялся. Меня трясло.

— Дай сюда мешок! — приказал Иван своему младшему товарищу. Тот протянул ему рюкзак. Иван бросил туда «Кольт», защелкнул карабин и вернул парню: «Понесешь». Тот молча кивнул.

— А теперь пойдём, — велел Иван, показывая мне ружьем направление.

— Куда? — спросил я, не трогаясь с места.

— В Ключи, — охотно объяснил мужик, нисколько не удивляясь, что я говорю по-русски. Видимо, ему не первый раз попадались русскоязычные пришельцы.

— И зачем мне туда?

— Хочешь, чтобы мы здесь тебя пристрелили? — Иван поднял ружье.

— Нет. — Я невольно отступил с линии огня.

— Тогда иди вперед и не болтай!

Я послушно пошел, хотя не очень понимал, куда.

— И ты не зевай! — прикрикнул на младшего товарища Иван. — Глаз с него не спускай!

— Да куда он со связанными руками денется?

— Может, и никуда. Но все равно смотри, а не на Солнце все оглядывайся.

Парень закинул ружье за плечо и пристроился позади меня. Иван пошел впереди,

выбирая путь в прогалинах между елками и придерживая ветки, чтобы они не летели мне в лицо. Я сначала удивился, а потом понял, что манера передвижения по лесу доведена у него до автоматизма, он просто не может иначе, неважно, идет позади товарищ или пленник со связанными руками.

Шли недолго. Поселок оказался куда ближе, чем я ожидал. Все-таки ориентирование по карте на пересеченной местности не было моей сильной стороной. В космическом пространстве я справлялся лучше, но там все было совсем иначе. Там я был будто улитка, упрятанная в крепкий панцирь «Птахи». Звездолет был моими глазами, ушами, ногами... Здесь же мне приходилось быть собой, и я чувствовал себя слабым и уязвимым. И не только чувствовал. К сожалению, я таким и был, особенно на фоне местных мужиков, крепких, здоровых и прекрасно подготовленных к суровой жизни.

В поселок мы вошли свободно, хоть и пришлось миновать что-то вроде заставы. Дорога была перегорожена деревянным шестом-шлагбаумом. Верховой мог бы его перепрыгнуть или спешиться и обойти препятствие по тропинке, как сделали мы, но для телеги это было непреодолимое препятствие. Я понятия не имел, с чем связаны подобные меры предосторожности. Было не похоже, чтобы деревни враждовали между собой. Но, возможно, я был не в курсе каких-то местных реалий.

У шлагбаума дежурил еще один мужик, такой же здоровый и крепкий, как Иван, но моложе, в кожаной куртке на меху и теплых сапогах.

— Кого это вы поймали? — радостно приветствовал он моих спутников.

— Сам не знаю, — сообщил Иван. — У него и спросим.

— Шпион, наверное, — предположил дежурный.

Мне стало смешно. Похоже, тут все убеждены, что Союз очень озабочен здешними делами. Может, парочку шпионов СБС сюда и посылала, но остальную Галактику жизнь на Земле совершенно точно не интересовала. Скорее всего, этим ребятам попадались в основном искатели приключений или изгой вроде Анны Бовва.

— Добрыня разберется, — буркнул Иван и прикрикнул на меня. — Чего лыбишься? На виселице смеяться будешь!

Я вздрогнул и перестал улыбаться. «А чего ты ожидал? — мелькнула мысль. — Говорили же тебе, как здесь с чужаками обходятся». Но падать на колени и умолять о пощаде я не спешил. Не Иван решает такие вопросы, это уж точно. Я постарался взять себя в руки и сначала дождаться разговора с кем-то, наделенным здесь властью казнить и миловать, а потом и пощады просить, если понадобится.

Мы дошли до площади и приблизились к дому с высоким частоколом. Иван заколотил в калитку.

— Ну что тебе? — недовольно откликнулись со двора.

— Открывай, Демьян. И воеводу зови. Чужака поймали. С неба.

Калитка отворилась, и мы вошли во двор, просторный и ухоженный. Вытоптанная площадка служила, должно быть, для приема посетителей. Здесь стояла тяжелая деревянная лавка. Иван подвел меня к ней и жестом велел сесть. Бежать отсюда было совершенно немыслимо, по двору туда-сюда сновали люди, в основном вооруженные мужчины, а частокол был высотой в мой рост, но Иван не рискнул оставить меня одного. Стоял и стерег до тех пор, пока его не сменил кто-то из здешних охранников. На некоторое время про меня, казалось, все забыли.

Я подергал веревки на руках, но узлы вязали со знанием дела — они не причиняли

лишних мучений, но от попыток освободиться затыгивались только сильнее. Я понял, что самостоятельно выбраться из пут не выйдет, и прекратил попытки, чтобы не делать себе хуже. О том, что будет дальше, я решил не думать. Что толку? Еще десять минут, ну, пусть пятнадцать, и все выяснится.

Стукнула дверь и с крыльца спустился высокий бородатый мужчина. Судя по тому, как все разом обернулись к нему, это и был местный воевода по имени Добрыня. Что это означало на практике, я не представлял. Он мог быть князем или всего лишь наемным работником у общины, чем-то вроде шерифа. Для меня особой разницы не было.

— Встань! — Иван тряхнул меня за плечо. — Приветствуй воеводу!

Я неловко поднялся, гадая, как его следует приветствовать, и просто наклонил голову. Это был не кивок и не поклон, а так, что-то неопределенное.

— По-нашему говорит? — уточнил Добрыня.

— Так точно.

— Хорошо.

Он жестом показал мне, чтобы я отошел от лавки, а сам уселся на нее, откинувшись на спинку и вытянув ноги. Добрыня был расслаблен и никуда не спешил. Станным образом это и меня немного успокоило.

— Докладывай, — он кивнул Ивану.

— Нашли в лесу, шел с северо-запада. Вот, было при нем, — Иван протянул воеводе рюкзак. — Был какой-то прибор, но я его разбил.

Я не удержался и бросил на Ивана ненавидящий взгляд. В этом экране было все, почти вся моя жизнь! Хорошо, что я имел привычку дублировать информацию в бортовой компьютер.

— Правильно сделал, — воевода смерил меня взглядом. — Так его не смогут отследить.

Меня ни о чем пока не спрашивали, и я не стал встречать, комментируя сказанное. Но уровень знаний о наших технологиях оценил. Неплохой был уровень для людей, полностью отрезанных от цивилизации.

— И еще, — Иван достал из кармана и отдал воеводе «Кольт». Тот взвесил пистолет на руке, проверил обойму, понюхал и хмыкнул:

— Давненько из него не стреляли.

Он передернул затвор и направил на меня ствол. Я не дрогнул. Воевода ухмыльнулся в усы, поставил «Кольт» на предохранитель и спрятал за пазуху.

— Итак, — начал он почти добродушно. — Как тебя зовут?

— Алексей.

— Хм. Русский, значит. Ладно. А теперь скажи, Алексей, где твоя небесная лодка?

— Ее здесь нет. Она улетела, — ответил я чистую правду, и съежился, ожидая удара. К этому моменту почти все, кто болтался по двору, подтянулись к лавочке и окружили нас, а двое парней приблизились и встали за моей спиной — с понятными намерениями. Но приказа бить не последовало. Добрыня усмехнулся:

— Но она должна вернуться за тобой, правда?

Я покачал головой.

— Она не вернется. Меня здесь бросили.

— Ты врешь, — нахмурился Добрыня. — И врешь неумело. Я бы тебе поверил, приходи ты сразу в деревню, но ты туда явно не собирался. И ночевал ты в лесу. От тебя костром разит за версту. Выходит, никто тебя не бросал. Ты что-то здесь искал, а лодку спрятал. Или вы

договорились о месте встречи. Где лодка?

— Не знаю, — упрямо повторил я.

— Тогда где тебя должны подобрать?

— Нигде! — почти крикнул я. — Нигде! Меня вышвырнули прочь! Предали!

— Зачем же ты шел на юг? Почему не пришел в деревню?

Я открыл рот и сразу же закрыл. Сказать о «Птахе» — подвергнуть опасности звездолет. Нужно было придумать что-то другое.

— Я боялся, — пробормотал я. — Я слышал, чужаков здесь убивают.

— Врешь, — оборвал меня Добрыня и приказал. — Давай, Санек.

Один из парней, стоявших сзади, подхватил меня под локти, а второй размахнулся и врезал мне кулаком в живот: раз, другой, третий. Я задохнулся и повис на чужих руках. Меня опустили на колени и подождали, пока я отдышусь. Потом снова вздернули вверх.

— Где лодка? Говори!

— Не знаю!

Удар, на этот раз по лицу. Меня не успели придержать и я упал. Повернулся так, чтобы хоть немного прикрыть уязвимые места, но бить лежачего не стали. Добрыня жестом приказал: «Поднимите». Меня опять схватили за локти. Связанные руки затекли, под глазом наливался синяк.

— Где лодка? Где вы договорились встретиться?

Я молчал. Повторять «не знаю» казалось глупым, но ничего более убедительного в голову не приходило.

— Вот как? — Воевода нехорошо усмехнулся. — Ты рискуешь, парень. Мы ведь можем и по-другому с тобой поговорить.

Я сглотнул слюну с привкусом крови. Должно быть, прикусил губу.

— Я правда не знаю, — сказал я тихо. — Мой напарник... он выкинул меня из шлюпки и улетел. Сбежал.

— Как же так вышло, а?

— Долгая история... — Я пошевелил руками. Это получилось с трудом. Хотелось сесть. — Развяжите мне руки, и я все расскажу.

Добрыня долго разглядывал меня. Я ждал.

— Развяжите его, — наконец принял решение воевода.

— И дайте попить, — попросил я.

Добрыня кивнул, и один из стоящих рядом парней исчез и вернулся с полным ковшиком ледяной воды. Я взял его и чуть не уронил. Руки не слушались, но я все же сделал несколько глотков и смочил водой горящую скулу. Болели ребра, куда пришлись удары, ныли затекшие руки. Но это не мешало мне размышлять. Рассказать им все? А почему бы и нет. Я не совершал ничего противозаконного, никого здесь не убил и не собирался. Главное, про «Птаху» не сболтнуть. Но если мне не поверят... Я мысленно застонал от бессилия. Никакими хитрыми приемами блокировки боли я не владел, и сопротивляться давлению меня, в отличие от настоящих агентов СБС, не учили. Если Добрыня прикажет нажать на меня сильнее, может статься, что выбора у меня не будет.

Я потрянул головой, и движение тут же отозвалось болью в затылке. Думать заранее о таких вещах бесполезно. Нельзя до срока решить, трус из тебя вылезет или герой. В собственном героизме я сомневался. Упрямства хватало, это да. Но не факт, что одного упрямства окажется достаточно.

— Ну, говори! — потребовал Добрыня.

— Прямо здесь? — Я оглянулся на толпу внимательных слушателей.

— А что тебе не так? Рассказывай, не тяни.

— Мы прилетели сюда на шлюпке. Маленькой небесной лодке, — пояснил я. Добрыня кивнул. — Наш корабль остался на орбите. Там, над планетой, — я показал на темнеющее небо. — У нас было задание — найти одного человека.

— И кого же? — Добрыня подался вперед. — Местного?

— Нет, чужака. Один человек оттуда сбежал сюда.

— И что было дальше?

— Мы наблюдали, сверху. И нашли его. Засекли. Оставалось забрать. Мы сели недалеко от деревни — там дальше, к северу, откуда я пришел. Я отправился за ним... за тем человеком. Но оказалось, что у моего напарника другие планы. Он выкинул мне мешок с продуктами и улетел, не сказав мне ни слова.

— Куда же он подался?

— Не знаю. Но у него были причины сбежать. Эти поиски... Нас заставили их вести. Так уж вышло.

— А большой корабль? — Добрыня сразу выхватил главное. — Он не прилетит за тобой?

— Нет. Мощности моего экрана... той штуки, что он разбил, — я с ненавистью взглянул на Ивана. — В общем, с него нельзя послать сигнал на орбиту. Я понимал, что погибну в лесу, что мне нужно идти к людям, но про вас ходят такие слухи... Вы уничтожаете всех. Я не мог решиться и шел хоть куда-нибудь.

— Все равно это выглядит подозрительно, — не поверил Добрыня. — От какой деревни, говоришь, ты шел?

— Я не знаю, как она у вас называется.

— Принесите карту! — приказал Добрыня.

Карту принесли, она оказалась рисованной, но вполне разборчивой. Я припомнил наши снимки, жалея, что под рукой нет экрана.

— Это Ключи, — показал Добрыня. — Откуда ты шел?

— Кажется, отсюда, — я ткнул пальцем в точку на карте.

— Ничего себе, — встрял Иван. — Тридцать с лишним верст куда глаза глядят? Я ему не верю, воевода. Что-то тут нечисто.

— Ты прав, — Добрыня забрал у меня карту, взглянул коротко, исподлобья. И кивнул ребятам. — Разденьте его!

— Нет! — Я попытался сопротивляться. Мне было плевать на холод, я боялся того, что будет дальше. Но успеха мои усилия не принесли: меня скрутили, повалили на землю и принялись стаскивать куртку. Добрыня тем временем достал из кармана нож и задумчиво провел пальцем по лезвию.

С меня сняли рубашку и поставили перед ним на колени, придерживая за плечи.

— Куда ты шел? — спросил он.

— Никуда.

Воевода загнал меня в ловушку. Я не мог сказать правду, но и другого, более правдоподобного объяснения не сочинялось.

Добрыня поднял нож и чиркнул мне по груди. Я вскрикнул от боли. Из пореза потекла кровь.

— Куда ты шел?

Молчание. И новое движение ножом, на этот раз медленное, с постепенным усилением давления. Я стиснул зубы, но стон сдержать не получилось. Добрыня усмехнулся. На его лице отчетливо читалось: «Слабак». Он знал, что может меня сломать, и я тоже знал это. И все-таки молчал. Упрямство. Это все, что у меня оставалось.

Добрыня поднял нож в третий раз и провел короткую линию между двумя порезами, чуть ниже места, где они начинались.

— Говори, — сказал он, наклоняясь ко мне. — Говори, а то будет хуже. Куда ты шел?

Никакая подходящая ложь мне в голову не приходила. Я мотнул головой — никуда.

— Не ска-ажешь? — протянул Добрыня и неожиданно рассмеялся. — Ну-ну. Знаешь, как больно, когда сдирают кожу? Узенькими полосками? Вот так?

И он потянулся ножом к маленькому порезу наверху, ковырнул ножом, углубляя надрез.

— Нет! — Я рванулся в сторону, несмотря на держащие меня руки.

— Говори!

— Я все рассказал!

— Ну как хочешь, — Добрыня пожал плечами. — Эй, держите его!

Мне снова вцепились в локти, не давая шевельнуться, и воевода, ухватив за свисающий лоскут кожи, потянул его вниз. Тут-то я заорал по-настоящему, уже не пытаюсь сдержаться, и рванулся из держащих меня рук. Безуспешно, только хуже сделал.

— Говори! — Добрыня на мгновение прекратил тянуть за полоску кожи, но я молчал, и он дернул еще раз, потянул вниз. Я опять заорал.

— Командир! — неожиданно вмешался Иван.

— Чего тебе? — Добрыня сердито обернулся, прервав свое занятие. Я прекратил вопить и попытался перевести дыхание, но глубоко вздохнуть не получалось. Выходили лишь короткие всхлипы.

— Солнце садится.

Я поднял голову и взглянул на небо. В самом деле, крыши домов окрасились розовым, а краешек солнца коснулся леса на горизонте.

— Ночью даже чужака пытаться негоже, — сказал Иван. — Может, с утра продолжим?

— С утра будет поздно. Если он не придет на место встречи, его начнут искать. И лодку мы упустим. — Добрыня говорил с Иваном, как с равным. И в его словах, несомненно, был резон. Моя беда заключалась в том, что никакого места встречи не существовало.

— Все равно, — покачал головой Иван. — Грех это, сами знаете. Ночью только злые дела твориться могут.

Добрыня окинул взглядом собравшихся во дворе мужчин.

— Иван верно говорит, — сказал кто-то из толпы.

Остальные закивали.

— Ладно. Вы правы, — Добрыня вытер нож об штаны и убрал в карман. — Завтра продолжим. — Верните ему одежду и запирайте. Иван! На рассвете возьми несколько человек и всю округу обшарь. Вдруг найдешь что-нибудь интересное. И с неба глаз не спускать, кто ночью будет дежурить, ясно? А ты подумай, — Добрыня обернулся ко мне. — Последний шанс тебе даю. Не скажешь правду — продолжим в том же духе.

— Вы же меня в любом случае убьете. — Я как мог твердо взглянул ему в глаза.

— Верно. Но смерть бывает разная. Скажешь правду, я тебе легкую смерть подарю — пулю в затылок. Думай.

Да уж, пуля в затылок действительно была легкой смертью по сравнению с другими вариантами, которые могли прийти Добрыне в голову. Наверняка в его арсенале пыточных средств не только нож имеется, а пуля милосерднее веревки, которая, насколько я понял, обычно доставалась пришельцам. Воевода сделал мне со всех сторон щедрое предложение, но мне совсем не хотелось его принимать.

3.

Меня провели в глубины дома и впихнули в тесную каморку без окон. Там царила кромешная тьма. Я нащупал подобие матраца у стены и осторожно сел. Мне вернули одежду и подсунули мятую тряпицу, чтобы приложить к порезам. Они продолжали сильно кровоточить. Тряпица была не очень чистой на вид, но выбирать особо не приходилось. Кое-как, перемежая шипение с матерными словами, я пристроил на место оторванный лоскут кожи, сложил тряпку в несколько раз и приложил к груди. Сделать повязку было не из чего, так что я просто застегнул рубашку, куртку и лег на спину.

Было холодно, но укрыться было нечем. Я лежал, смотрел в пустоту и думал о том, что поздней осенью солнце заходит рано. До рассвета не меньше двенадцати часов, есть время поискать выход из создавшегося положения. Обменять жизнь на «Птаху»? Сейчас это казалось невозможным, но что я скажу утром, когда меня начнут медленно и болезненно убивать? Я облизнул пересохшие губы. Хотелось пить, да и поесть бы не помешало, но с ужином так никто и не явился.

Завтра на первом же допросе скажу, что шел к звездолету, внезапно решил я. Уничтожить его не так-то просто, и в любом случае это займет время, а время — это шанс что-то изменить. Если меня убьют, неважно, что будет с кораблем. А вот если пощадят, появляются варианты.

Эта мысль принесла мне огромное облегчение, и в каморке как будто стало теплее. Я поплотнее запахнул куртку и наконец-то уснул.

— Вставай!

— Что?

Спросонья я плохо соображал. Мне посветили в лицо фонарем, а потом кто-то пнул меня в грудь, попав по вчерашним порезам. Я вскрикнул:

— Больно, сволочи!

— Заткнись! — приказал молодой голос. — И поднимайся, живо! Руки сюда!

Я послушно протянул руки. Парней было двое. Один принялся связывать меня, второй держал фонарик. Из двери падала в каморку полоска серого света. Едва-едва рассвело. Меня вывели во двор. На улице шел снег. Мокрые хлопья таяли, не достигнув земли. Несколько снежинок тут же повисло на ресницах.

Добрыня был тут как тут, бодр и свеж, хотя и мрачен, как туча. Народу во дворе было куда меньше, чем вчера, всего несколько человек. Среди них я узнал Ивана.

— Раздевайте его.

— Нет! — Я аж задохнулся, представив, как они будут отдирать тряпку от порезов, причиняя мне бессмысленные страдания. Да и стоять голым под снегом не хотелось. — Я все расскажу.

— Образумился, значит? — Добрыня улыбнулся. — Молодец. Ну что же, говори. Где тебя должны забрать?

Я покачал головой.

— Я сказал вам правду, мой напарник меня бросил. Но есть большой корабль. Не тот, что на орбите, другой. Мой корабль. Мы с напарником прилетели на нем, а потом уже на шлюпке сюда. Я оставил его подальше от людей, южнее ваших поселений. — Я неопределенно махнул рукой, не очень понимая, где какая сторона света. — Туда я и шел.

— Говоришь — южнее? Где именно? — недоверчиво уточнил Добрыня.

— Далеко, — повторил я. — Там, где лес заканчивается и начинаются сопки.

— Далеко, — прокомментировал Иван. — Отсюда дней пятнадцать идти, не меньше.

— И ты хотел пройти это расстояние один? В начале ноября? — не поверил Добрыня.

— Это правда! — почти крикнул я. — А что мне оставалось? Еда у меня была, огонь и воду легко добыть. Я надеялся, что дойду.

— А твой друг, который тебя бросил, разве он не забрал корабль, чтобы отсюда улететь?

Я открыл рот, чтобы объяснить, почему это невозможно, но тут до меня дошло: это и есть мой шанс сохранить и жизнь, и «Птаху».

— Мог, — тихо сказал я. — Но я должен был проверить! Вдруг корбль еще там!

На этот раз у меня получилось лучше. Я ничем не выдал себя, а отчаяние в моем голосе было почти настоящее. Я отчаянно желал, чтобы мне поверили.

Добрыня долго молчал. Я ждал.

— Складно поет! — подал голос Иван. — Но проверить надо.

— Надо, ты прав, — кивнул Добрыня. — Но как?

— Допустим, его не бросили. Значит, будут искать. Так пусть найдут и явятся забирать.

Добрыня хмыкнул:

— Умно.

— А вы не боитесь? — зачем-то спросил я, хотя предложение Ивана было мне со всех сторон выгодно. — На подобном катере оружие куда мощнее вашего. Деревне не поздоровится, если меня спасти придут.

— Так придут или нет? — Добрыня уставился на меня колким взглядом из-под нахмуренных бровей.

— Понятия не имею, — честно сказал я. — С того корабля, что остался на орбите, меня попросту не смогут найти. А мой бывший товарищ уже далеко, и ему на меня плевать. Так что делайте, что хотите. Но я вам ничего плохого не сделал. Зачем меня убивать?

— Ты пришел, чтобы забрать одного из нас туда, на небеса. Это грех.

— Он чужак!

— Если ему разрешили жить в деревне, значит, признали своим.

— Но я же его не забрал. — Аргумент был сомнительный, но других у меня не было. —

А теперь и сам вряд ли отсюда выберусь...

Я действительно так думал. «Птаха» оставалась для меня недостижимой, и дойду ли я до нее вообще — кто знает. Так что получилось убедительно. Добрыня хмыкнул и осмотрел небо, как будто ожидал увидеть там катер.

— Ну что же, — сказал он медленно. — Ваня прав. Спешить нам некуда. Подождем. Прилетят за тобой, будет о чем поговорить. Не прилетят...

Он не договорил, а я не стал уточнять. У меня появилась надежда.

Меня вернули в каморку, но на этот раз оставили мне копящую керосиновую лампу и одеяло. Потом пришла старуха, вся высушенная и сморщенная, остро пахнувшая какими-то травами. Она напоила меня теплым отваром, от которого я сразу согрелся и разомлел. Вот

когда допрашивать-то надо, мелькнула мысль, все расскажу по доброте да по слабости душевной. Я безропотно позволил себя раздеть и смазать порезы мазью, а потом заснул, крепко и спокойно.

Проснулся я свежим и отдохнувшим. Голова была ясной, но в ногах поселилась слабость, и ужасно хотелось есть. Едва я пошевелился, скрипнула дверь, и на пороге появился молодой дружинник.

— Добрыня велел тебе еды принести, — сказал он с легким удивлением в голосе. Видно, раньше на чужаков съестное не тратили. — Тут хлеб и молоко. Я дверь закрою, тогда возьмешь, — предупредил парень, выкладывая у порога посуду.

Я едва дождался щелканья замка и принялся за еду. Через несколько минут жизнь показалась мне вполне сносной. Правда, меня снова начало клонить в сон. Должно быть, действие бабкиного отвара не закончилось. Я закутался в одеяло с головой и крепко уснул.

Когда за мной пришли в следующий раз, я не представлял, сколько сейчас времени и какой вообще день.

— Вставай, Добрыня тебя требует, — сказал парень, тот самый, что приносил еду.

Я поднялся и шагнул к двери.

— Куда? А ну стой. Руки свяжу.

— Не надоело вам? — устало поинтересовался я, покорно подставляя запястья.

— Положено так. Я слышал, что вы, чужаки, голыми руками умеете людей убивать.

— Так не все же, — усмехнулся я. — На небе тоже разные люди живут. Некоторые и умеют, а я вот не обучен.

Парень передернул плечом — «Рассказывай», дескать! — и подтолкнул меня к лестнице.

Добрыня ждал меня во дворе. День был хмурый, но снега не было, а тот, что выпал вчера, растаял. По двору ходили туда-сюда дружинники, но на меня внимания не обращали.

— Свободен, Андрей, — кивнул Добрыня моему конвоиру.

Он был прав: бежать мне было некуда, да и забор был высоковат.

— Ну что, выспался? — с усмешкой поинтересовался воевода.

— Что это было? — я потер лицо.

— Особенный чай, — Добрыня улыбнулся шире. — Понравилось?

— Нет.

— И правильно. Привыкать не советую.

Он оглядел меня с ног до головы и сообщил:

— Мои ребята обошли все вокруг, но никаких следов не нашли. Поблизости твоя лодка не приземлялась. И посторонние вокруг деревни не шастали.

— Неудивительно. — Я выдержал его взгляд. — Я же сказал, что искать меня не будут.

— Или они не знают, куда ты подевался. — Добрыня почесал подбородок. — И если тебя привязать к какому-нибудь столбу посреди деревни, твои друзья тебя обнаружат и явятся. А если не просто привязать, а еще и нагайкой отходить...

Я содрогнулся, представив подобную перспективу. Что такое нагайка, я не знал, но догадался, что это какая-то разновидность плетки. Добрыня испытующе смотрел на меня.

— Что скажешь? — поинтересовался он. Похоже, все происходящее его забавляло.

— Пожалуйста. Я прошу вас. Не надо. — Я говорил тихо, не поднимая глаз. Молить о пощаде было противно, но молчать было выше моих сил. — Я ничего не сделал. Я сказал вам правду. За мной никто не придет.

— Вот и посмотрим, — отчеканил воевода. — Эй, ребята. Андрей! Иван!

Я прикусил губу, чтобы не взвыть от страха. Подошедшие дружинники подхватили меня под локти и подтолкнули к воротам. Пришлось идти. Добрыня двинулся за нами, остальные последовали за ним. На улице к процессии присоединялись местные жители. Я шел, не поднимая головы, и чувствовал себя актером кого-то чудовищного цирка. Мне хотелось проснуться.

Посреди деревни действительно оказалось что-то вроде площади. Рядом росло большое дерево, стояли лавки, от дерева к столбу тянулась коновязь. Видимо, здесь собирались на сходки, торговали, здесь вершился суд и тут же, на месте, приговоры претворялись в жизнь. Меня подтолкнули к столбу, развязали руки и велели раздеваться. Я оглянулся на Добрыню. Тот пристально наблюдал за мной. Ждет, понял я. Ждет, что я, выдам себя, посмотрю на небо в ожидании помощи. Я опустил глаза и принялся расстегивать куртку. Пальцы тряслись. «Дыши, — сказал я себе. — И держи себя в руках. Это будет больно, но не смертельно. С этим можно справиться. Бывало и хуже». Но если честно, нет. Ничего хуже в моей жизни до сих пор не случилось. Допросы на союзном крейсере ни в какое сравнение не шли.

Я снял куртку, потом рубашку. Тело моментально покрылось гусиной кожей. Порезы на груди за сутки поджили благодаря мази, но сейчас оказанная помощь казалась почти издевкой. Стоило возиться, чтобы потом заново истязать.

— Сюда, — Иван подтолкнул меня поближе к столбу. — Руки!

Он связал мне запястья, а второй конец веревки продел в кольцо на столбе, расположенное чуть выше моей головы. Потянул так, чтобы руки почти коснулись кольца, и закрепил двойным узлом. Я прижался лбом к столбу и закрыл глаза. Меня трясло, но холода я не чувствовал. Все ощущения смыло страхом. Вокруг слышались шаги, голоса — я плохо разбирал слова, но по тому, как внезапно затихла толпа, сообразил: все готово к тому, чтобы начинать. Добрыня рассудил так же.

— Давайте! — услышал я его негромкую команду. Он сказал еще что-то, но я не разобрал. И почти сразу же свистнула плетка.

Не помню, сколько это продолжалось. Вряд ли больше пяти минут. Но мне и они показались слишком долгими. Две мысли придавали мне сил: от меня не ждут никаких ответов, а спасти меня никто не прилетит. Нужно просто дождаться, когда им надоест, когда они поймут, что это бесполезно. Дотерпеть. И я терпел, стараясь не срывать на вопли. А потом Добрыня крикнул: «Хватит!», и я наконец-то смог нормально вздохнуть.

Иван подошел и распустил узел на железном кольце. Веревка ослабла, и я опустил руки. Не спрашивая разрешения, я сел на землю прямо у столба. Только теперь я ощутил, насколько замерз. Руки ломило. Я начал дрожать. Кто-то подошел и накиннул мне на плечи куртку. Отвязывать меня не собирались.

Толпа «гражданских» постепенно разошлась, остались одни мужики с ружьями и Добрыня. Они вертели головами, высматривая врагов, но никто, конечно, не появлялся. Я съежился на земле, прислонившись к столбу плечом, закрыл глаза и закутался в куртку. Я ни о чем не думал, просто ждал, когда кошмар закончится, неважно, чем именно.

Но оказалось, что это лишь начало. Прошел час или около того, и вдруг Добрыня поднялся с лавки и махнул рукой:

— А ну-ка, добавьте ему!

Меня вздернули вверх, куртка с рубашкой полетели на землю, и спину ожег новый удар.

Во второй раз терпеть было сложнее. Может, от того, что плетка попадала по свежим рубцам, а может, я попросту выдохся. Зато упрямства у меня нашлось больше, чем я рассчитывал. С каждым ударом становилось больнее, но я не кричал, только стонал сквозь зубы.

На этот раз все закончилось быстрее — или мое восприятие времени изменилось? Веревку ослабили, я сполз по столбу.

— Эй, — окликнул меня Иван, подходя. В одной руке он держал мою куртку, а во второй — кувшин. Я подумал, что это вода, но ошибся.

— Будет больно, — зачем-то предупредил он и, придерживая меня за плечо, плеснул на спину то ли водку, то ли спирт. Я заорал и попытался вырваться.

— Да стой, чтоб тебя! — выругался Иван. — Так надо. Терпи!

Я подтянул связанные руки к лицу и вцепился зубами в веревку. Это помогло не заорать снова. Иван щедро плеснул на спину еще разок, набросил на меня куртку и оставил в покое. Потянулись бесконечные минуты ожидания.

Прошло не меньше часа, прежде чем Добрыня вновь поднялся с лавки. Я невольно сжался, но воевода, дежурно осмотрев горизонт, приказал:

— Отвяжите его.

Он выглядел задумчивым.

Мне развязали руки, вернули одежду и отвели обратно в дом Добрыни, в уже знакомый закуток. На этот раз он показался мне теплым и уютным. Я нащупал матрас, лег на него лицом вниз и разрыдался от боли, унижения и отчаяния.

4.

Я был уверен, что на следующий день все повторится, и опять ошибся. Видимо, воевода решил, что дело сделано: мои гипотетические друзья все увидели, но не стали нападать, и нужно подождать, когда они созреют.

На этот раз никто не пришел поить меня волшебным отваром и мазать мазью. Придя в себя, я попытался самостоятельно оценить повреждения и понял, что легко отделался. На плечах прощупывались валики рубцов, кое-где кожа была рассечена до крови, спина болела, но в целом все было совсем не так ужасно, как я полагал. Судя по всему, Добрыня не собирался меня всерьез калечить. Это была лишь демонстрация, правдоподобная и весьма болезненная, но все-таки демонстрация. Если бы с меня хотели по-настоящему спустить шкуру, моя спина выглядела бы иначе.

Время шло, а жизнь в деревне и вокруг нее текла своим чередом. Дружинники шныряли по лесу и не спускали глаз с горизонта, Добрыня ждал. Но ничего так и не произошло. Никто не искал пропавшего в лесу товарища, никто не прилетел отбивать его у толпы вооруженных мужчин. Воевода просчитался.

На пятый день за мной пришли, но повели не во двор, а проводили к лестнице на второй этаж и ткнули в спину: поднимайся. Я дернулся (рубцы еще болели).

— Шагай, не дури! — прикрикнул очередной мальчишка-конвоир.

Руки мне не связали. Я поднялся по лестнице и оказался в просторной комнате. Стены были обшиты досками, на деревянном столе лежала скатерть, на окнах висели занавески. Интересно, откуда это добро, мимоходом подумал я. Неужели ткнут и вяжут по старинке? Или сохранились где-то старые... запасы?

Должно быть, я осматривался слишком явно, и Добрыня это заметил. Он сидел за столом, напротив него стоял кувшин с молоком, миска вареной картошки, лежал хлеб и нарезанное ломтями сало. От картошки шел пар. Я отвел глаза. Завтрака мне сегодня не предложили, а горячую еду я в последний раз ел на «Птахе» в тот день, когда мы собирались похищать Анну. Я не мог вспомнить, сколько прошло времени.

— Садись, — велел Добрыня. — Присматриваешься? Данные собираешь?

— Нет. — Я сел, стараясь не смотреть на еду. — Просто интересно, как вы тут живете.

— Никогда такого не видел?

— Такого — нет, — я покачал головой.

— Как же у вас там люди живут?

— По-разному. Некоторые — так, что вы и представить себе не можете. А некоторые — почти так же. Но все же лучше.

— А мы не жалуемся, — нахмурился Добрыня.

— Я не это имел в виду. — Я мысленно обругал себя за неосторожный подбор слов. — Даже на самой отдаленной планете можно многое купить. Не приходится все делать самим, от одежды до ложек, — я показал на деревянную ложку в миске с картошкой и не удержался, сглотнул слюну.

— Вещь, которую сам сделал, и в руке держать приятно, — сказал Добрыня, потянувшись к ложке. — И сила в ней другая.

— Наверное, — уклончиво ответил я. — Я в этом не разбираюсь.

— Оно и видно, — хмыкнул Добрыня и смерил меня взглядом. — А ты гордый, как я посмотрю. Есть хочешь, но не просишь. И у столба хорошо держался.

Я промолчал, но спина заныла сильнее при одном упоминании.

— Ты прилетел, чтобы найти здесь кого-то и увезти обратно, на небо? — спросил воевода.

Я кивнул.

— Ты вроде сказал, вас заставили. Как это вышло?

— Я не смогу рассказать так, чтобы вы все поняли, — честно предупредил я. — У нас слишком... другая жизнь.

— А ты расскажи, как можешь. Я попробую понять, — предложил Добрыня.

Я собрался с мыслями (соседство с горячей картошкой и салом этому не способствовало, но у меня получилось) и в нескольких словах изложил воеводе историю об Анне Бовва, ее изобретении и бегстве, а потом о том, как я оказался в поле зрения СБС получил в напарники Вики и попал на Землю. О Братстве Тени я, конечно, умолчал. Добрыня не стал задавать дополнительных вопросов. Он долго молчал, а потом подвинул мне миску:

— Ешь.

Мне стоило больших усилий спокойно взять ложку и есть аккуратно, не давясь и не чавкая.

— Значит, ты что-то вроде дружинника при исполнении? — уточнил он.

— Не совсем, но похоже, — ответил я с набитым ртом.

— И ты здесь по приказу?

— Да.

— И против нас ничего не замышлял?

— Наоборот, — нехотя признался я. Не очень-то мне хотелось этим хвастаться. — Я

хотел аккуратно все проверить, без жертв и разрушений.

— Жалеешь? — Добрыня хитро уставился на меня.

Я не отвел взгляда. Прожевал и проглотил все, что было во рту, отложил ложку и ответил:

— Жалею.

Воевода усмехнулся.

— А ты и честный к тому же. Люблю таких. Итак, тебя здесь бросили. И что ты теперь будешь делать?

— Не успел решить, — я пожал плечами. — Думал, вы меня убьете.

— Мы не убиваем просто так. Вреда ты не причинил и не собирался. Вернуться на небс и рассказать там что-нибудь, что нам повредит, ты не можешь. Да и не знаешь ты ничего о нас. Выходит, убивать тебя не за что. Но и в живых оставлять... Ты чужак. Таким среди нас не место.

— Тогда отпустите меня.

— И куда ты пойдешь? К кораблю, который давно улетел?

Я промолчал.

— В любой деревне, где тебя поймают, будет то же самое, — веско сказал Добрыня. — Допрос, пытки и казнь, скорее всего. Но есть способ этого избежать.

— Какой?

— Ты можешь остаться здесь. Добровольно. Попросить людей принять тебя и оставить в живых.

— Людей? Не тебя?

— Конечно. Я один такие вопросы не решаю.

— И что, мне у всех придется спрашивать? У всей деревни?

— Ну да. А что тебя удивляет? Это ведь каждого касается.

Я вздохнул. На ум Добрыни и его интерес к чужаку я еще мог рассчитывать, на милосердие деревенской толпы — вряд ли.

— А если я скажу «нет», вы меня убьете? — спросил я после долгой паузы.

Добрыня со странной улыбкой покачал головой:

— Нет. Я тебя отпущу. Даже кое-какой еды с собой дам. Но далеко ты не уйдешь. Со дня на день выпадет снег. В лесу полно волков, да и медведи попадаются. А самое главное — тебя снова поймают. Ты к этому готов?

Я сидел на стуле напротив воеводы и смотрел, как он наливает себе молока, как пьет, утирает усы и ставит на стол тяжелую деревянную кружку. Мне тоже хотелось молока. Впервые за долгое время был сыт и не мерз. За окном кружилась мелкая снежная крупа. Добрыня не знал, что «Птаха» по-прежнему ждет меня, но он прав в одном — я не дойду до корабля. Или попадусь, или замерзну в лесу, с моим-то опытом выживания. И неизвестно, что хуже. Добрыне я, похоже, был интересен, и этим стоило воспользоваться.

Главное, чтобы Солнце не взорвалось в ближайшие дни, а там будет видно. Я что-нибудь придумаю. Вряд ли СБС сунется сюда, когда на крейсере поймут, что мы пропали. Земля велика. «Птаху» еще можно найти с воздуха, но ни меня, ни Анну им не отыскать. Скорее всего, они и пробовать не будут. Сочтут нас с Вики погибшими, и крейсер вернется на Радость за дальнейшими инструкциями. Все это займет время, за которое я обживусь и подготовлюсь к дальнему походу. Да и местные ко мне привыкнут.

Может, оно и к лучшему, неожиданно сообразил я. Про меня забудут, а я доберусь до

«Птахи» и тихо улизну. Последую примеру Вики. И пусть Союз разбирается с Анной Бовва без меня, если сумеет. И Край от войны пусть спасает кто-то другой. Кажется, из меня спасатель не получился.

— Вы правы, — сказал я тихо. — У меня нет выбора. Я согласен остаться. И прошу вас... принять меня.

— Просить будешь у всех, — сухо оборвал меня Добрыня. — Я прикажу объявить людям, что собрание будет завтра на площади.

Он вновь потянулся к кувшину.

— Можно мне тоже молока? — не выдержал я.

Добрыня кивнул и подвинул мне кружку: «Пей».

А потом спросил:

— Значит, говоришь, люди у вас сами ничего не делают. А откуда же они вещи берут?

Я глотнул молока, поставил кружку на стол и принялся рассказывать все, что знал об экономике самых маленьких и отсталых планет Края. С этой темы мы плавно перешли на первые столетия освоения Галактики, русский сектор, звездные войны и прочие факты времен становления Союза.

Понятия не имею, сколько Добрыня понимал в моих рассказах, но слушал он меня с горящими глазами и затаив дыхание, будто сказителя. Только теперь я осознал, что воевода немногим меня старше, а его интерес ко всему новому не очень-то согласуется с местными обычаями и образом жизни. Я говорил и одновременно размышлял о том, что у Добрыни явно что-то на уме. Должно быть, он хочет установить какие-то контакты с пришельцами и рассчитывает поиметь свою выгоду с этого сотрудничества, а меня собирается использовать для торга. Но озвучивать свои догадки вслух я не стал.

В свою каморку я вернулся, когда начало темнеть. Насколько я понял местные обычаи, в ночное время было не принято как допрашивать пленных, так и засиживаться в гостях, и этими обычаями Добрыня пока не пренебрегал.

Собрание на площади началось ровно в полдень следующего дня. Меня ввели в круг и поставили рядом с Добрыней. Многие были уже в курсе, кто я такой, кто-то видел устроенное недавно на площади представление. То один, то другой селянин запрокидывал голову и с тревогой смотрел в небо, но ничего подозрительного не обнаруживал. Мальчишки — а я выяснил, что голосуют в этом рассаднике дикой демократии с двенадцати лет — пялились на меня с откровенным любопытством. Они мало чем отличались от мальчишек на Краю, только те могли, пускай и чисто теоретически, полететь к звездам, а у этих ребят такой возможности не было. Но дети есть дети, и среди них наверняка есть и те, кто мечтает о чем-то подобном. Однако это не означает, что сегодня они проявят милосердие. Может, напротив, проголосуют за мою казнь, исключительно из зависти, мысленно сострил я, чтобы подбодрить себя. На самом деле, мне было не до смеха.

Многие женщины пришли с маленькими детьми. Несколько стариков и старух пристроились на знакомых лавочках вокруг столба, вооруженные мужчины столпились за Добрыней. Вскоре я понял, что здесь действительно собралась вся деревня. Над площадью стоял разноголосый гул. Мне было неудобно. Добрыня поднял руку, дождался тишины и заговорил:

— Все вы знаете, что произошло. Мы поймали чужака. Он утверждает, что прилетел сюда по заданию своей тамошней, небесной дружины, но друзья предали его и бросили здесь, а сами улетели. Мы проверили его слова. Похоже, что он не врет. Мы не нашли вокруг

деревни никаких следов небесной лодки. Зато в том месте, где они якобы приземлялись, в тридцати верстах к северу, следы есть. И если судить по этим следам, он говорит правду.

Я вскинул голову и удивленно посмотрел на стоящего рядом Ивана. Тот заметил мой взгляд и усмехнулся. Вон оно что. За эти дни они не поленились наведаться туда, откуда я пришел, и нашли подтверждение моему рассказу. Интересно, а тамошним жителям они поведали, что по душеньку одного из них прилетала небесная лодка? Впрочем, не все ли мне равно...

— Теперь ему некуда идти, — продолжал Добрыня. — Он сказал мне, что хочет остаться у нас. Но решить, как с ним быть, мы можем лишь вместе, сообща. Выбор прост: изгнать его или принять в общину.

— Повесить его, и дело с концом! — подал голос кто-то из толпы.

— Это против закона, — возразил Добрыня. — Он ничего не совершил.

— В прежние времена хватило бы и того, что он оттуда! — крикнул все тот же голос.

— Все меняется, — спокойно сказал Добрыня. — Пора признать, что там живут чужаки, но не враги. А то и друзья.

Я едва не присвистнул, но тут же взял себя в руки и скромно устался в землю, как и подобает жалкому просителю.

— Алексей! — обернулся ко мне Добрыня. — Тебе слово.

Я сделал шаг вперед, скользнул глазами по шеренге людей, стоящих в первом ряду. Мне нечего было делать в их мире, и я не собирался здесь оставаться, но ради спасения жизни стоило найти нужные слова и взять правильный тон. Мне нужно их убедить. Но ложь не шла с языка.

— Я хотел бы вернуться, — тихо сказал я, — но не могу этого сделать. И раз уж мне суждено здесь остаться, я прошу вас... — Я запнулся, подбирая слова. — Прошу вас принять меня и позволить стать одним из вас. Я знаю, что будет трудно. Но я хочу попробовать.

— Все сказал? — проворчал Добрыня, оттирая меня обратно в строй дружинников. — Кто еще высказаться хочет?

В круг выступил, опираясь на палку, совсем древний старик.

— Негоже от веры отступать, Добрыня. Отпустим его — Солнце нас не простит. Или ты конец света приблизить хочешь? Удавить его, как обычай велит, а тело в лесу зарыть!

Толпа загудела, непонятно, с одобрением или недовольно, а у меня мурашки побежали по спине. Повезло мне, как ни крути, что времена у них нынче «не те». Или не те воеводы?

— Глупости говоришь, Захар, — в круг выступил мужик из дружины. — Столько лет прожил, а ума не нажил. Где это видано, чтоб чужаков в подвале казнили да на огороде закапывали? Или не хозяева мы на своей земле? В темноте да тайне одни преступные дела вершиться могут. Нет, убивать его по обычаю должно, под пресветлым Солнцем.

— А вдруг его дружки все же вернуться? — крикнул молодой голос из толпы. — И вздумают отомстить?

— Верно мыслишь, — кивнул Добрыня. — Если его начнут искать и не найдут, неприятности будут не только у нас. А в других деревнях не такое хорошее войско. Пусть лучше живым его обнаружат, а с чужаками мы уж как-нибудь разберемся.

Толпа снова зашумела. Довод подействовал. И в самом деле, звучало убедительно: мои друзья прилетят, не найдут меня и начнут мстить всем подряд. Есть чего испугаться, не зная, что таких друзей у меня нет.

— Кто еще сказать хочет? — Добрыня оглядел толпу.

Вперед шагнула молодая женщина. Ребенок лет пяти цеплялся за ее юбку.

— Мы на этом месте больше века живем, здесь могилы наших предков, — обратилась она к толпе. — Если за него мстить прилетят, сами-то мы сбежим, да все добро потеряем.

— Да брось ты, Варвара, — выкрикнула из толпы совсем молодая девка с ребенком на руках. — Куда нам бежать? Тут и поляжем. Гнать его, так я сужу! Пусть с других спрашивают, куда он подевался!

— Гнать, гнать! — поддержали девушку несколько человек.

Толпа вновь загудела.

— Всё? — Добрыня оглянулся вокруг. — Да? Тогда пора суд вершить.

Он взял в руки небольшой деревянный бочонок и принялся обходить толпу. Голосование было тайным. Люди кидали в бочку оструганные палочки. Длинная — прогнать или казнить, короткая — помиловать и принять, как мне с утра объяснил Добрыня.

Последний человек высказал свою волю. Добрыня принес бочонок и поставил на расстеленный платок перед собой.

— Иди сюда, — позвал он. — При тебе считать будем, без обмана.

Я подошел к платку. Бочонок опрокинули, и я увидел, кажется, только длинные палочки. Их было много. Гораздо больше, чем коротких. Руки дружинников потянулись к платку и принялись раскидывать «голоса» на две кучки. Я беспомощно оглянулся и увидел Ивана — он все время маячил где-то рядом со мной, стерег, должно быть.

— Не могу смотреть, — пробормотал я, отступая назад. — И так верю, что не обманете.

— Боязно? — Иван усмехнулся. — Посиди вон. — Он подвел меня к лавке и сам уселся рядом. — Повезло тебе, парень. Суда нашего общинного удостоился. Сроду чужакам такой чести не было. Суд равных это. — Он задумчиво пожевал губами. — Да-а... Может, и казнят тебя сейчас, а все равно что-то стронулось в мире...

— Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, — доносилось из толпы дружинников.

Наконец Добрыня выпрямился в полный рост и крикнул:

— Слушайте все! Объявляю нашу общую волю.

Иван взял меня за локоть и легонько подтолкнул вперед.

— Слушай и ты, чужеземец, — обратился ко мне Добрыня. — Судили мы тебя нашим справедливым судом. Много людей высказалось за то, чтоб тебя прогнать или казнить, но чуть больше — против того. На три голоса всего. И по нашим законам мы обязаны принять тебя в общину. Если ты не передумал, конечно. А передумал — тебе придется уйти.

С этими словами Добрыня шагнул ко мне, вытащил нож и перерезал веревки на моих запястьях. Иван отпустил мой локоть и отступил куда-то в толпу. Я оглянулся вокруг. Люди стояли и спокойно смотрели на меня, не выказывая ни особой радости, ни недовольства таким решением. Я не сразу осознал, что произошло. А когда осознал, ничего сказать не успел. Почва выскользнула у меня из-под ног, и я без чувств свалился в осеннюю грязь.

5.

— До последнего я тебе не верил, Алешка, — сокрушенно сказал Добрыня. — Но по всему выходит, что ты не врал. Не летит за тобой небесная лодка.

Я только плечами пожал. Уже четыре дня я жил у воеводы. И большую часть времени по его приказу проводил во дворе или на улице — чтобы наблюдатели с неба, не дай бог, меня не пропустили. Но наблюдали за мной лишь хозяйки из-за плетней: провожали глазами и

брезгливо поджимали губы. Хоть и помиловал меня здешний люд, но любовью воспылать не спешил.

Мне было плевать. Я не собирался надолго здесь задерживаться.

Добрыня будто читал мои мысли.

— Все гадаешь, как бы на небо вернуться? — сочувственно заговорил он. — Да полно. Неужто у нас так плохо? Погоди, обживешься, привыкнешь... Умный человек нигде не пропадет. Оставайся у меня, дом большой. К делу тебя приставлю, а ребята всему научат, что мужчине в нашем мире уметь положено.

Я кивнул без особого энтузиазма.

— А может, за тобой и вернутся. Ты же сумел найти ту девушку. И тебя найдут. А если нет... Придется тебе смириться, сам понимаешь. И жизнь свою как-то налаживать. Так что подумай над моим предложением. Мне дружинники всегда нужны.

Я снова кивнул и встал из-за стола. Идти в дружинники мне совсем не хотелось, но за неимением какого-то другого занятия — почему бы и не попробовать. Или у Ивана лесной науке поучиться, охоте да выживанию. Это интересно, да и пригодится в дороге.

Я вышел на крыльцо. Дни стояли ясные. Выпавший вчера снег до сих пор не растаял, и температура держалась минусовая. Я привычно обвел глазами горизонт, но, разумеется, ничего необычного не увидел. Лишь вороны кружили над лесом, да Солнце, готовое в любой момент взорваться, слепило глаза.

Дойти до «Птахи» не единственный выход, вдруг сообразил я. И не лучший. Во-первых, без экрана мне будет очень сложно найти корабль. А во-вторых, у меня нет другой шляпки, чтобы незаметно вернуться и забрать Анну. И что мне останется? Бежать с планеты и всю жизнь скрываться, зная, что девушка была рядом, достаточно руку протянуть?

Можно, конечно, сообщить безопасникам, где она скрывается, или взять у них катер с сопровождением. Но есть еще один способ заполучить Анну, куда более выгодный для меня и безопасный для местных. Я знаю, в какой деревне она живет, и ничто не мешает туда наведаться. Оставалось придумать, как это сделать. А дальше — дело техники. У Анны наверняка где-то припрятан катер, она же не планировала остаться тут навсегда. Но если я ошибаюсь и катера у нее нет, есть радиоприемник, с которого можно связаться с крейсером. Я этого не умел и не хотел рисковать — ведь у меня была только одна попытка. Но Анна разбирается в этой технике и имеет к ней доступ. И у меня есть одна мыслишка, как уговорить ее отправить сигнал.

Стукнула дверь — Добрыня вышел вслед за мной.

— Ну что, надумал? — спросил он.

— Да что тут думать, — отозвался я. — Ты прав, больше мне здесь все равно нечем заняться. Хотя...

— Что?

— Да так. Интересно мне стало. В той деревне, откуда я шел, никто недавно не пропадал?

— Понятия не имею.

— А как это выяснить?

— Зачем тебе?

— Да мне тут в голову пришло... Может, Вики не просто так меня бросила, а чтобы без помех до Анны добраться?

На самом деле, я так не считал, но Добрыне об этом докладывать не собирался.

— Вон оно что... — протянул он. — Хочешь правду узнать?

— Что-то вроде.

— Темнишь ты, Алешка, — тихо проговорил Добрыня. — Способ ищешь на небо вернуться. Думаешь, что за ней могут другие прилететь и тебя заодно подобрать. Так?

— А ты бы на моем месте как поступил? — я бросил на воеводу злой взгляд исподлобья. — Спасибо, конечно, что вы меня не убили, но пленником быть не очень-то сладко. Я хочу домой.

— Понимаю тебя. — Добрыня промолчал. — Но ты не пленник. Ты теперь свой, а своих мы не неволим. Уходи, если хочешь.

— Мне некуда идти. — Я помолчал и повторил просьбу. — Узнай, как дела в Сосновке.

— Узнаю. А ты не теряй времени, присоединяйся к ребятам. Эй, Семен!

Незнакомый дружинник, который как раз шел мимо, приблизился к крыльцу.

— Возьми парня да покажи ему все. Расскажи, чем занимаетесь. Принимайте новенького, в общем.

Семен смерил меня оценивающим взглядом и ответил:

— Как скажешь, воевода. — И уже мне. — Ну, пойдём, познакомишься. Ты хоть что-нибудь умеешь?

— Кое-что, — уклончиво ответил я.

— Покажешь. — И Семен, повернувшись, направился прочь со двора.

— Иди, — воевода подтолкнул меня в плечо. — Не бойся.

— Я и не боюсь, — огрызнулся я и последовал за Семеном.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Добрыня позвал меня на разговор.

— Ну что, как успехи? — с усмешкой поинтересовался он.

Я догадывался, что обо всех моих «успехах» ему в обязательном порядке докладывают, поэтому ответил коротко:

— Помаленьку.

Если честно, у меня болело все тело. Давненько я столько не бегал, не прыгал и не упражнялся с палкой. Точнее, никогда. Ружье освоить оказалось несложно, а к лошадям я и близко не подходил, хватало и всего прочего. До оценки моих навыков рукопашного боя тоже дело пока не дошло, тем более что на этом поприще я особо не блистал, и здешние мужики могли завалить меня без всяких навыков.

— Откуда ты вообще набрал свою дружину? И зачем? — в свою очередь спросил я. — Вы же ни с кем не воюете, сам говорил.

— Не воюем, — согласился Добрыня задумчиво. — И мне иногда кажется, что зря. Дуреет молодежь. В разбойники сбегают или просто уходят из деревни. Землю пахать, дрова рубить да зверя бить рук хватает. Вот и не знают, к какому делу себя приложить. Я и решил, когда меня старостой выбрали: нужно молодым парням воинскую науку осваивать. Деревню охранять, чужаков ловить, разбойников истреблять. Так и стал воеводой.

— Ясно.

Я хотел сказать: «Появляется армия — рано или поздно появится и повод ее применить», но не стал вступать в бессмысленную дискуссию. Если Добрыня и строит далеко идущие планы, это не мое дело. Галактику ему не завоевать, а пару соседних деревень — ради бога. Кстати, не поэтому ли он так жаждет, чтобы за мной кто-то прилетел? Солдатам нужен враг, а то они еще не так одуреют.

— Но я не за этим тебя позвал, — сообщил воевода. — Ты просил кое-что для тебя

ВЫЯСНИТЬ.

— Да? — подобрался я.

— Я поговорил с нашим радистом, — начал рассказывать Добрыня. — В той деревне, возле которой тебя из лодки выкинули, в Сосновке, пару месяцев назад новый радист появился. Точнее, радистка. Пришла пешком, как говорят, голодная и уставшая. Сказала, что сбежала с небес, попросила убежища. Ты уже понял, что мы не всех чужаков убиваем и не всегда. Вот и ее не тронули и даже приняли в общину, как и тебя. В Сосновке на тот момент давно радиосвязи не было. Старый Мастер умер, замены не нашли, а приемник сломался. Девушка его починила и стала Мастером, как положено. Умельцев, что в радио понимают, у нас мало осталось, так что ее очень ценят и берегут пуще глаза. Из других деревень просители приезжают: приемник починить или учеников взять.

— Спасибо, — пробормотал я.

— И что ты теперь будешь делать? Поедешь туда?

— Поеду, если отпустишь.

Добрыня нравился мне все больше. С ним почти не приходилось притворяться.

— Отпущу, — кивнул он. — С одним условием.

— Каким?

— Привезешь ее сюда.

— Зачем?

— А у нас тут на днях приемник сломался.

Я в упор посмотрел на воеводу. Он усмехнулся.

— Удивлен? Это правда, но не вся. Убедиться хочу, что с твоего большого корабля, который на небе остался, никто за тобой не наблюдает.

Я задумался. В словах Добрыни был резон. Если за мной следят с крейсера или с катера, то лишь с одной целью — надеются, что я приведу их к Анне. И как только я это сделаю, они прилетят и подберут нас.

— Если за тобой наблюдают, обратно до Ключей вы не доедете, — Добрыня как будто читал мои мысли.

— Допустим, — согласился я. — Но тебе-то что до этого?

— Привезешь ее — и я буду знать, что вас пока не нашли.

— И что? Нас могут найти позже и забрать из Ключей, и ты этому не помешаешь. И ничего с них потребовать у тебя не выйдет. Моя напарница еще могла бы за меня поторговаться. Те, кто придет за нами, не торгуются. Они берут то, что им нужно.

Добрыня помолчал.

— Может быть, ты и прав, — наконец сказал он. — Но я рискну. Привези ее, а там посмотрим, что из этого выйдет. Я дам тебе лошадь и бумагу, что нам нужен Мастер. Староста Сосновки передо мной в долгу и препятствий чинить не будет.

— Не будет, говоришь? — Я разглядывал Добрыню исподлобья. Мне не нравилось то, что он замыслил. — И когда же мне ехать?

— Да как будешь готов, так и поезжай, — ответил Добрыня. — Но не тяни. Скоро ударят настоящие морозы, а наездник из тебя так себе. Эй, Андрей, поди-ка!

Уже знакомый мне молодой конопатый дружинник упражнялся во дворе с тяжелой палкой. Услышав зов, он аккуратно прислонил ее к лавке и подошел к крыльцу.

— Какого бы коня ты неопытному наезднику посоветовал?

— Из наших конюшен?

— Нет, из соседских!

— Ему, что ли? — Андрей кивнул в мою сторону. — Да он лошадь-то хоть видел?

— Издалека, — ответил я.

— Ну-у... Я б, конечно, вообще лошадь такому ездоку не доверил, но раз ты, воевода, приказываешь... Орлика бы ему отдал. Он самый спокойный.

— Добро. Да возьми сейчас Алексея да потренируй его. Справишься?

— А чего ж? — Андрей щербато улыбнулся. — И пацанов позову, пускай посмеются.

— Ничего, смех — дело доброе. А учиться ему надо. Глядишь, он еще тебя обскачет.

— Решил чему-нибудь поучиться? — спросил Андрей, подводя мне гнедого конька. Тот нервно прыдал ушами, видно, чуял неопытного человека. — Это правильно. Не бойся, — засмеялся он, заметив, как я отодвинулся. — Орлик не кусается. Погладь его. Ну.

Я послушно погладил коричневую морду. Дыхание у коня было теплое, а нос нежный и приятный на ощупь. Я немного расслабился.

— Так-то лучше. Морковку бы ему принести, ну ладно, потом. Пойдем, за околицу выйдем. Там и потренируешься.

Мы пошли по деревенской улице в сторону леса.

— Значит, бросили тебя, — заговорил Андрей. — Ну ладно, не грусти. Бывает. У нас тоже жить можно.

Я едва не рассмеялся. Этот парень не знал ничего, кроме своей деревни и пары соседних. И рассуждал соответственно.

— Расскажи, как на небесах, люди живут? — тем временем поинтересовался Андрей.

— Да как живут? — неохотно ответил я. — Жизнь — она везде одинаковая... Только вот Солнце у них над головой не собирается в любой момент взорваться.

— А что Солнце? — Андрей вслед за мной взглянул, не шурясь, на ненадежное светило. — Солнце милостиво.

Я вздохнул.

Обучение верховой езде затянулось до заката, и стоило немалых усилий как мне, так и моему учителю. В седло меня пришлось буквально закидывать, а потом началось:

— Да не натягивай ты поводья! Ноги так не сжимай! Расслабься. Будешь напрягать бедра — быстро устанешь. К лошади подладиться нужно, в такт с ней двигаться, понимаешь?

Я понимал, но уютнее на спине животного мне не стало. Первый час я мог лишь судорожно хвататься за поводья и прижиматься к Орликовой шее, потом все же постарался сесть посвободнее, и тут же за это поплатился. Конь сделал резкое движение, и я покатился по мерзлой земле, едва прикрытой вчерашним снежком.

— Ну кто так падает?! — донесся до меня крик Андрея.

Домой мы возвращались в сумерках. Я вел Орлика в поводу.

— Ты когда едешь? — спросил Андрей.

— Завтра хотел.

— Ну-у... Ты, главное, коню доверяй, зря не подхлестывай. Он тебя сам привезет.

— Куда уж мне подхлестывать, трусцой бы в седле удержаться. Не бойся, не загоню твою скотину.

— Она не моя, Добрыни. А все ж жалко. Хороший конь. А ты в самом деле руками драться не умеешь? — спросил он, и я вспомнил, как они вдвоем с приятелем выводили меня из каморки на второй день.

— Умею немного, — признался я.

— Покажешь? Глядишь, пригодится.

— Вы ж не воюете ни с кем. Зачем тебе это?

— Мало ли... — Андрей пожал плечами. — Лихих людей хватает. Разбойники по лесам шалят. Да и чужаков опасаться надо, вдруг полезут.

Я от души посмеялся, представив себе «завоевание Земли чужаками», но научить Андрея паре приемов пообещал.

Добрыня собирал меня в поход, как родного сына. Просто не верилось, что несколько дней назад по его приказу меня били нагайкой. Седельные сумки набили съестным, мне вручили местную меховую куртку и шапку-ушанку.

— Костер разжечь сможешь? — заботливо спрашивал воевода.

— Справлюсь.

— Там ехать-то всего ничего, наш дружинник бы за день управился, но тебе, скорее всего, придется ночевать. По дороге заимки есть, сухие дрова да сено лошадям приготовлено. Карту держи, там все есть. Ружье возьмешь?

— Верните лучше мой пистолет.

— А вот этого не надо, — нахмурился Добрыня. — Не положено. Привыкай нашим обходиться.

— Хорошо, давайте ружье, — согласился я, и тут же получил не очень тяжелый дробовик. Закинув его на плечо, я кое-как залез на коня.

— Приедешь — по радио свяжись. Да будь осторожен. Ты был чужаком, а у нас в каждой деревне свой закон. И хотя обычно мы решения друг друга признаем, люди разные попадают. В спину, к примеру, выстрелить могут. Разбойники, опять же... В общем, гляди в оба! Ну, Солнце с тобой! — Добрыня под уздцы вывел коня на дорогу и хлопнул ладонью по крупу. Орлик послушно затрусил по мерзлой земле.

6.

Ездили по лесной дороге нечасто. Мне повезло, что снега было пока мало. Я взглянул на карту и убрал ее в рюкзак. Дорога была одна, заблудиться негде. Расстояние позволяло доехать за один день, но я сомневался, что выдержу в седле больше двух-трех часов. Придется чередовать верховую езду с пешей ходьбой, а ближе к вечеру заново свериться с картой и поискать заимку.

Я оказался прав — через несколько часов езды спокойным шагом бедра у меня заболели невыносимо. Лишь крепкие кожаные штаны, которые вручил мне Добрыня, спасали от кровавых ссадин. Я спешил и повел коня в поводу, размышляя, как определить пройденное расстояние. По всему выходило, что никак. А значит, нужно просто дождаться сумерек да устроиться на ночлег. Завтра дойду в любом случае.

Заимка нашлась чуть в стороне от дороги. Это была землянка, припорошенная снегом. Внутри действительно был запас сухарей, овса и дров. Но ночевать там мне совсем не хотелось. Да и Орлика бросать без присмотра показалось опасным. Разбойники, волки, медведи... В общем, я предпочел остаться снаружи.

Я развел костер рядом с заимкой и поел хлеба с салом из своих запасов. Сухари трогать не стал. Покормил Орлика овсом, стреножил и отпустил повод. Конь стоял, спокойно опустив голову.

Я огляделся. Ночь была глухая, темная. Лес подступал к самому костру, а над головой

мерцали звезды. В чаще выло и ухало.

— Как же тут люди-то живут? — пробормотал я, обращаясь к коню. Орлик не ответил. Я потрепал его по холке и вернулся к костру, чувствуя себя одиноким и беспомощным, как никогда в космосе. В темноте мне всюду мерещились опасности. Я все же попытался поспать, подстелив куртку и накрывшись шкурой, найденной на заимке, но толком уснуть так и не смог. К рассвету костер погас, и я засобиравлся в дорогу.

Про разбойников я не забывал, но встретиться с ними, к счастью, не довелось. К концу второго дня я дотащился до Сосновки, чувствуя себя так, как будто побил мировой рекорд. Мышцы, только-только переставшие ныть от разнообразных физических упражнений, заболели снова. Напомнили о себе даже поджившие порезы на груди и следы на спине от нагайки.

На въезде в Сосновку тоже стоял импровизированный шлагбаум. Я подъехал поближе и придержал коня.

— Кто здесь? — окликнули меня.

— Из Ключей я. Алексеем зовут.

— По какому делу?

— К Мастеру вашему. Приемник у нас сломался.

— Ах вот в чем дело, — засмеялся дежурный. — Много вас таких, очередь придется занять.

— Разберусь, — усмехнулся я. — Лучше скажи, как к старосте вашему проехать.

Дежурный оттащил в сторону «шлагбаум».

— Сначала прямо, — он махнул рукой вдоль улицы. — Возле кривой сосны налево повернешь, второй дом как раз старосты и будет.

Сосновка была поменьше Ключей, но дом старосты, как и дом Добрыни, оказался двухэтажным. Я спешил и заколотил кулаком в калитку.

— Ну, кто там на ночь глядя? — отозвался голос.

— От Добрыни я, из Ключей. По важному делу.

— Подожди.

За забором послышался шум хлопающих дверей, голоса. Я обнял Орлика за шею. Стало тревожно. Но тут калитка распахнулась.

— Заходи, коль пришел. На конюшне переночуешь, староста завтра тебя примет.

— В темноте одни недобрые дела твориться могут? — понимающе отозвался я.

— Ишь, разбирается! — старик в каком-то невообразимом тулупе поднял повыше фонарь и впился взглядом в мое лицо. Да, Добрыня был прав, везде здесь свои порядки. Суровой военной демократией Ключей в Сосновке и не пахло, да и вежливость по отношению к гостям считалась необязательной. Я пожал плечами. Главное было — Бовва, на прочее мне плевать.

— Иди за мной, — проскрипел старик и повел меня куда-то на задворки.

В конюшне было тепло. Я отряхнул Орлика от снега, расседлал и подвел к яслям. Лошади зашевелились, зафырчали, потревоженные.

— Тихо, тихо, — бормотал я, пытаясь держаться подальше от невидимых в темноте лошадиных круп. Привязав Орлика, я осторожно, наощупь, отступил к стене и зарылся в ворох свежего сена. Сон пришел не сразу. Я прислушивался к звукам, доносящимся снаружи. Ветер злобно ударял в стену, и я невольно ежился. Что я скажу Анне Бовва, как поведу разговор? Я сам этого не знал и решил заранее ничего не планировать. Много будет

зависеть от того, слышала ли девушка-радист о чужаке с небес, которого приютили в Ключах, или эта новость сюда не добралась.

Утром меня растолкал все тот же неприветливый старик.

— Староста ждет, — сказал он.

В доме старосты на полу лежали ковровые дорожки. Староста расположился в столовой. Жестом подозвав меня к столу, он важно представился:

— Вадим Петрович Ковалев. Садись, раздели со мной трапезу, а о деле — потом.

Я без долгих разговоров присел к столу и потянулся к кувшину с молоком. Это было то, что больше всего нравилось мне на Земле. Да еще свежеспеченный хлеб, с горячей хрустящей корочкой. Он был совершенно не похож на ту синтетику, которой я питался на корабле.

Я изложил старосте просьбу Добрыни прислать Мастера.

— За оплатой дело не станет, — добавил я.

Староста внимательно изучил бумагу, данную мне Добрыней — сложенный в несколько раз листок бумаги, непонятным образом разлинованный на косые линии.

— Ну что ж, — сказал он. — Не ты первый Мастера просишь, но перед Добрыней я и долгу. Пойдем, познакомлю вас да объясню, что надо к вам съездить.

Сердце у меня заколотилось.

— Но сначала доешь! — наставительно сказал Ковалев. Пришлось торопливо дожевать хлеб и допить молоко.

Домик, где поселили Мастера, стоял на отшибе, на вершине холма. Внизу змеилась ледяной полосой небольшая речушка. Отчего-то я подумал, что Земля, вступи она в Союз, стала бы одной из беднейших планет Края. Никакого производства, нет электричества, нет машин, даже самых простых. Только радио, да и то исчезающая редкость. Но все это могло бы появиться. Сюда приехали бы люди, готовые развивать и такой мир. Если бы не Солнце... Увы, но время Земли закончилось. И Анна Бовва должна была понимать это, как никто другой. Она, конечно, собиралась вернуться — потом, когда все успокоится. И все, что мне нужно, это убедить ее вернуться сейчас, со мной. Или хотя бы помочь вернуться мне.

Мы приблизились к домику, увязая в свежем снегу. Староста поднялся на крыльцо. Постучал, но скорее для порядка, и взялся за ручку двери. Я перевел дыхание. Сердце гулко стучало в ушах, и у меня не получалось его унять. Мы вошли в крошечные сени, а оттуда в кухню, к печи. Там было жарко натоплено.

— Анна! — крикнул староста.

— Это вы, Вадим Петрович? — Из комнаты показалась невысокая, хрупкая девушка. Теперь я мог наконец-то составить полное впечатление о ней. Я впился в нее глазами, ища сходство с Викторией Красновой. Похожи? Да ничуть. Вики выше ростом, и грудь у нее больше, а ее зеленые глаза и челку невозможно забыть. Я вдруг почувствовал, что скучаю по напарнице, хоть и зол на нее за то, как она со мной поступила. У настоящей Анны Бовва была худощавая фигура, русые волосы, заплетенные в косу по местным обычаям, открытое миловидное лицо. Цвета глаз я не разглядел. Единственное, что в девушках действительно было общего, это чуть курносый нос. Но на лице Вики он смотрелся изящно, а вот Анну делал проще и некрасивее.

— Кто это с вами? — Она остановилась на пороге.

— Это Алексей, он приехал из Ключей.

— Алексей? Из Ключей? — Девушка ощутило напряглась, и я понял: знает.

— Да. Им нужен Мастер, починить приемник. Придется тебе съездить ненадолго. Никита сможет с приемником управиться?

— Да, — Анна не шевелилась и продолжала смотреть на меня в упор. — А это обязательно, Вадим Петрович?

— Да, девочка, обязательно. Я в долгу перед тамошним воеводой, а долги у нас принято отдавать. Да и просто помочь соседям — дело хорошее. Тут недалеко. Сделаешь работу и вернешься.

— И когда ехать?

— Завтра и отправляйтесь.

— Сегодня бы, — подал голос я.

— Это уж как сами решите. В общем, ты собирайся, а мы пошли.

Вадим Петрович шагнул к двери. Я не шевельнулся.

— Идешь? — окликнул он меня.

Я качнул головой:

— Нет. Нам нужно поговорить.

— О чем?

— О разных способах связи, — ответил я, не сводя пристального взгляда с девчонки. Она вздрогнула. Сообразила, куда я клоню.

— Ну, дорогу знаешь, — ответил староста равнодушно.

— До конюшни-то? Да уж, не забуду.

Староста не понял сарказма, или понял, но предпочел не заострять внимание на вопросе моей ночевки. Он молча вышел, прикрыв за собой дверь. Мы с Анной остались стоять, глядя друг другу в глаза.

— Твой отец погиб, — неожиданно вырвалось у меня.

Не лучшее начало для разговора, но что уж теперь. Девушка дернулась и отступила на шаг.

— Кто вы? — прошептала она.

— Тот самый чужак, которого поймали жители Ключей, но не убили, а приняли в общину. Ты слышала обо мне?

Анна кивнула.

— Вы прилетели за мной. — Она не спрашивала.

— Капитан Алексей Артемьев к вашим услугам. Малотоннажный звездолет «Птаха» торговый флот Края Галактики.

— Я вас не понимаю, — Анна нервно прижала руки к груди. — Причем здесь торговый флот? И откуда вы знаете... про отца?

— Это долгая история. Но если вкратце, он погиб на моих глазах. Мои соболезнования. — Я оглядел кухню и заметил у стола табуретку. — Разрешите присесть?

— П-пожалуйста, — Анна выглядела абсолютно потерянной. — Объясните, что произошло? Как это случилось?

— Да все из-за тебя, — я перешел на ты. — Он так старался изобразить приманку, что переборщил. И заодно подставил меня.

— Что значит подставил?

— То и значит. У меня не было выбора. Пришлось сотрудничать сначала с полицией, потом с СБС. Твой отец и Виктория... Знаешь такую? — Анна кивнула. — Они наняли меня чтоб замести следы. А потом оказалось, что пообщаться с ними — все равно, что

расписаться в собственном смертном приговоре. Никто даже разбираться не стал, что я знаю, а чего нет. Меня просто поставили в известность, что я отныне... лишний человек. Либо сотрудничаю, либо исчезаю. А потом мне приказали тебя найти.

— И вы нашли. — Анна опустила руки, словно признавая свое бессилие перед этой ситуацией. — Но как? Я была уверена, что это невозможно.

— Неважно. Я очень старался. Мне за это пообещали жизнь... и еще кое-что.

Я не хотел рассказывать Анне о своих сделках с СБС. Глупо прозвучит для того, кто не знает Края и не видел всего, что творилось там в последние недели. Да не стоит расписывать ей причинам, по которым я на самом деле в это ввязался.

— Но это не так важно, — добавил я.

— Почему?

— Если ты слышала про меня по радио, то знаешь, что я застрял здесь не по своей воле. Меня ведь не одного за тобой отправили, а вместе с Вики, той самой Викторией Красновой.

— И что?

— А то, что она меня бросила. У нас был план, мы нашли тебя и собирались аккуратно изъять. Все было готово. И тут я совершил ошибку. Не нужно было доверять ей управление катером. Но я думал... Впрочем, это тоже неважно. Она улетела, вот и всё.

— Неудивительно. — Анна подошла к столу и села на лавку напротив меня. — Это на нее похоже. Ты в курсе, кем она была, когда отец ее нашел? Сержантом СБС, аналитический отдел. Отец предложил ей денег, и она бросила Контору. Быстро и без сомнений. Точно так же, как и тебя.

— Но за меня ей денег никто не предлагал, — возразил я и только тут сообразил, что сказала Анна. — Сержант СБС? Это многое объясняет. То-то ее так развеселило, что нам статус временных агентов присвоили. И вот почему она твердила, что амнистии для нее не будет. И «присяги» она не боялась. Понятно. Но мне теперь без разницы. Она улетела, наплевав на задание, а меня бросила в лесу недалеко от Сосновки.

— Как же ты оказался в Ключах?

— Мы посадили звездолет южнее здешних лесов. Туда я и пошел. Хотел добраться до «Птахи», но меня поймали. Мне повезло, что меня не убили. Но выбраться отсюда я не могу.

— А твой звездолет?

— Он далеко, а на носу зима. К тому же, когда меня схватили, то разбили экран. Там была карта и координаты. Без них я даже не уверен, найду ли его. Я, конечно, собирался попробовать, но сначала решил потолковать с тобой.

— О чем? Я не вернусь. И никуда с тобой не поеду.

— Ну, во-первых, поедешь. В Ключи, чинить приемник. Я действительно оттуда и бумаги у меня настоящие. Как ты объяснишь своему старосте, что отказываешься? Тем более что он Добрыню явно боится.

— Добрыню боятся многие, — тихо сказала девушка. — И не все одобряют его игры в солдатиков.

— Но сделать ничего не могут, пока он не перешел грань. Как это по-человечески! — усмехнулся я. — Но для тебя разницы нет, Анна Бовва. Снова бежать — или ехать со мной.

— Зачем тебе это? — прошептала она, не поднимая глаз. Пальцы нервно тискали краешек скатерти. — Зачем ты приехал, раз не можешь забрать меня... туда?

Она сказала это, почти как местные: со смесью страха и благоговения. Я грустно усмехнулся.

— Ты права, этого я не могу. Но я очень хочу вернуться туда сам. И надеялся, что ты сможешь мне помочь.

— Я? Помочь? — судя по всему, она искренне не понимала, к чему я клоню.

— Ну да. У тебя же остался катер. Давай договоримся: ты дашь мне его на время. Попользоваться. Я найду «Птаху» и улечу отсюда. А катер вернется к тебе на автопилоте. Ты решила спрятаться здесь, что ж, это твой выбор, хотя место не самое уютное. Но я не хочу здесь оставаться. Ты поможешь мне?

— Я не могу...

— Но почему?!! — Я повысил голос. — Что тебе за радость, если я навсегда останусь здесь? Месть? Но я ничего тебе не сделал. Наоборот. Я хотел помочь. Твоему отцу и тебе, то есть Вики, но я думал, что это ты. Я прятал их... слишком хорошо, как потом оказалось. И я хотел остановить твоего отца, когда он...

— Что он?

— По-моему, он сделал это специально, — тихо объяснил я. — Не было необходимости так светиться и тем более стрелять в полицейских. Наверное, он боялся, что рано или поздно попадетя и все о тебе расскажет. Он ведь знал, куда ты направилась?

Анна кивнула, не поднимая головы.

— Значит, я прав. Он сделал это нарочно. Я хотел спасти его, но не успел. — Я невольно вздрогнул, припомнив сцену в порту Онтарио, собственный безнадежный рывок и Вики, которая бросилась мне в ноги. Но об этом, пожалуй, Анне рассказывать не стоит. — Помоги мне. Пожалуйста. Я улечу, и ты больше обо мне не услышишь. СБС не найдет меня на Краю есть где укрыться.

— Ты ошибаешься, — печально проговорила Анна. — Я не могу тебе помочь. Катер уничтожен. Я сожгла его.

— Не может быть! — крикнул я, не в силах поверить в такую глупость. — Но зачем?!!

— Я не собиралась возвращаться.

— Чувь какая! Ты решила остаться здесь? Навсегда?

— Да.

— А как же Солнце?

Она пожала плечами, словно говоря: ну а что Солнце. Оно подождет взрываться, как ждало все эти столетия.

— Я не верю, — твердо сказал я. — Не могу поверить, извини. Ты мне врешь. Променять эту жалкую планету на всю Галактику?!! Без шансов вернуться? Нет. Ты на такое не способна. Ты же умная девушка.

— Мне не нужна ваша Галактика, — ответила Бовва, поднимая голову. Она разозлилась и сразу стала похожа на Вики: решительным выражением лица и блеском в глазах. Казалось, она сейчас отбросит со лба несуществующую челку. — Пользуйтесь сами, на здоровье. А я не желаю смотреть, как вы грызете друг другу глотки. Мне и здесь неплохо.

— Вот так, да? — я встал, и вся решимость моментально слетела с Анны. Она сжалась в комок, отодвигаясь к стене. Я наклонился к ней. — Как заваривать кашу, так мы первые, а как ее хлебать, так в кусты, а вы кушайте, не обляпайтесь?!! Так у тебя получается?

Анна молчала.

— Зачем ты сбежала? — спросил я.

— Что значит зачем? Я тебя не понимаю, — пролепетала она.

— Чего ты хотела этим добиться? Утаить открытие? И всё?

— Разве этого мало?

— Конечно, мало. И дело даже не в том, что открытие всегда можно повторить. Ты нарушила баланс. А твое бегство только усугубило ситуацию.

И я все-таки рассказал ей о том, к каким последствиям привел ее поступок. М-связь не изменила бы отношения Края с Союзом так быстро, как сделала это охота за этой самой связью.

— Перемены уже начались, — закончил я тихо. — И твое открытие мало что решает. Возможно, оно помогло бы... немного сгладить углы, хотя и это не факт. Но какой смысл об этом говорить. Дело сделано. Но учти, в покое тебя все равно не оставят. СБС знает, что ты здесь, на Земле. На орбите болтается их крейсер. Чего они не знают, так это точного места, а без этого десант не отправишь.

— Крейсер? — Анна вскинула голову, будто хотела что-то сказать. — Тем более. Зачем я буду помогать тебе? Чтобы ты меня выдал?

— Мы можем договориться, — заговорил я быстро. — Я не хотел искать тебя, меня заставили. И на политику мне уж точно наплевать. Я хочу выжить и вернуться на Край. Я пилот, понимаешь? И мне эта твоя межзвездная связь даром не нужна!

И вот тут она мне поверила. Я понял это по выражению ее глаз. Пилоты, вольные птички Галактики, которые возят товары, а вместе с ними новости, и сплетни — это же самый расхожий образ в глупых романтических фильмах про любовь, так популярных в Центре. Пилот не может быть за м-связь, это всем очевидно.

— Пожалуйста, — повторил я, не отрывая глаз от лица Анны. — Если можешь, помоги мне. Я тебя не выдам. Скажу, что не нашел.

— А как же «присяга»?

— Мне она не страшна.

— Неужели? — Тот же взгляд, что у всех, кто об этом узнавал. Определенно, это свойство делало меня очень необычным человеком.

— Так уж вышло. Так ты мне поможешь?

— Я могу попробовать, — неуверенно заговорила она. — Отправить сигнал прямо на крейсер.

— И что для этого нужно?

— Более мощный приемник.

— И ты можешь его сделать?

— Наверное. Я не пробовала, но, скорее всего, да.

— Хорошо, давай так, — я воспрянул духом. Кажется, я получил шанс убраться из этого гиблого места. — Мы поедем в Ключи, ты займешься тамошним приемником, а заодно попробуешь сделать другой, более мощный. Мы свяжемся с крейсером, я объясню ситуацию и попрошу меня забрать. А потом скажу, что не нашел тебя. Что мы с Вики ошиблись. Мне поверят. Я скажу, что проверил лично, что мне удалось внедриться... Это прозвучит правдоподобно.

Девушка молчала.

— Ну же, Анна! — Я почти умолял. — Ты решила за себя, ладно! Но почему я должен здесь умирать?!!

— Боишься Солнца? — девушка грустно усмехнулась.

— Боюсь всего. И Солнца, и местных. А больше всего боюсь, что никогда не выйду в космос. Я пилот, Анна.

И снова этот взгляд, полный искренней жалости. Она верила. Я справлялся.

— Хорошо, — сказала девушка. — Я поеду в Ключи и попробую соорудить передатчик.

Но обещай, что не выдашь меня.

— Конечно! Обещаю! Спасибо.

— Пока не за что. Но знаешь, ты прав. Давай отправимся прямо сейчас. Я не хочу ждать до завтра.

— А что скажет староста?

— Я объясню. Скажу, что хочу вернуться поскорее.

— Тогда пойдём к нему! — Я встал.

— погоди, я оденусь и возьму кое-что.

— Давай. Я тебя жду.

Я хотел выйти во двор и постоять под снегом. От жары на кухне кружилась голова, а щеки горели. Но я не решился оставить девушку одну. Бежать ей некуда, но мало ли... Цель была близка, и я не мог позволить себе ошибку.

Обратный путь показался мне просто прогулкой. На этот раз сбивать задницу о жесткое седло не пришлось. Заботливый староста Сосновки снабдил своего ценного Мастера телегой и тощей лошадкой. Орлика я привязал сзади к телеге. Процессия двигалась медленно, еще медленнее, чем я верхом, но выбирать не приходилось. Я успокаивал себя тем, что все идет по плану, а пара-тройка дней роли не сыграет. Анна тоже не выказывала тревоги. Она или дремала, или читала какую-то бумажную книжку, или смотрела на дорогу из-под вороха теплых шкур.

— Что читаешь? — спросил я, в первый раз увидев, как она аккуратно извлекает из сумки ветхий том.

— Пособие радиолобителя, — ответила она. — Местный раритет. Они по ней молодежь обучают. Видишь, какая?

Я кивнул. Книга выглядела так, как будто вот-вот рассыплется в прах. Желтые протертые страницы загибались на углах. Было видно, что о книге заботились, заново переплели и бережно хранили. Читая, Анна прикрывала книжку от ветра, а если шел снег — не доставала вовсе. Время от времени он впадала в странную задумчивость, принималась торопливо, но аккуратно перелистывать страницы и шевелить губами. Заметив такое в первый раз, я наконец-то в полной мере осознал, что эта хрупкая девушка, похожая на кого угодно, только не на изобретателя, действительно та самая, кого я искал. Инженер и технический гений.

Мы не стали останавливаться на ночлег, лишь сделали привал и покормили коней, а потом снова тронулись в путь. Анна уснула, а я правил лошадьё, стараясь не задремать. Впрочем, даже усни я, кобыла все так же меланхолично перебирала бы ногами, приближая нас к дому. Разбойников, к счастью, мы опять не встретили.

Рассвело, и Анна заворочалась под ворохом шкур. Наружу высунулся курносый нос.

— Ты как? Не устал? Давай я тебя сменю, — предложила она.

— Все в порядке. — Дважды я на эти грабли не наступлю, и не надейся, мысленно сказал я себе. Один раз я уже доверил женщине управление, и где я оказался? То-то. — Не замерзла?

— А ты?

— Терпимо.

Разговор увял. Анна зашуршала свертками с едой.

— Послушай, — неожиданно заговорила она. — Ты правда считаешь, что м-связь могла бы... сделать Галактику лучше?

— Ты о чем?

— Когда мы говорили там, дома... в Сосновке. Ты что-то сказал про сглаживание углов.

— Ну да, сказал. — Я успел пожалеть, что додумался это вякнуть. — Сама посуди. Связь усилит Союз, позволит быстрее пресекать любые зачатки сепаратизма. Тем, кто сейчас у власти, это может показаться выгоднее, чем очередной передел мира. Не факт, но такие силы в верхушке Союза могут найтись. М-связь многое изменит. Координируя действия, полиция сумеет разобраться с пиратскими флотилиями. Они мешают и нам, простым торговцам. Без них на Краю станет спокойнее. Не говоря о том, что именно пираты вместе с контрабандистами больше всего кричат о свободе. И под этим предлогом нападают на одинокие полицейские крейсеры.

— Ясно... — Анна задумчиво прикусила губу.

— Подумываешь, не вернуться ли тебе? — Я сказал это максимально нейтральным тоном.

— Нет. — Анну передернуло. — Не хочу. Они убили отца... И к тому же... Пусть все останется как есть.

— Это наивно. — Я помолчал. — Перемен не избежать. Но я тебя понимаю. У меня с детства аллергия на перемены, какими бы заманчивыми они не казались. Я ведь со Шторма. Ты знаешь, что там случилось?

— Знаю, читала. Попытка восстания против союзной администрации, ввод войск, несколько лет беспорядков, потом переговоры. Их вел какой-то сенатор.

— Сенатор Артемьев. Мой отец. — Понятия не имею, с чего вдруг я заговорил с этой девушкой о том, что долгие годы скрывал ото всех. — Он был главным вдохновителем восстания и до конца отстаивал свои принципы.

— Ему это удалось?

— Его убили. А через три года Шторм вернулся в Союз, хотя очень многие его жители были против. Не хотели верить, что столько крови, столько жизней — зря... Я там вырос и все это видел. Потому и уехал сразу, как смог. Моим вторым домом стал Край. А то и вовсе первым, черт его разберет. И когда я твоего отца и Вики от полиции прятал, я именно этого и хотел — чтобы там все оставалось, как было. Меня это вполне устраивало, понимаешь? Но потом я понял — это невозможно. С межзвездной связью перемены будут одни, а без нее — другие, и они мне понравятся еще меньше. Поэтому когда мне предложили... сотрудничество, я согласился. Подумал, что лучше Союз установит на Краю свои порядки, чем бандиты построят свободное государство. Или с десятков маленьких свободных государств.

— Станный вы человек, капитан, — покачала головой Анна. — Первый раз вижу, чтобы родину — пусть и вторую — предавали из самых лучших побуждений.

— Да? — я невесело усмехнулся. — Вики мне то же самое говорила... Но, как видишь, предатель из меня не очень хорошо получился.

Анна кивнула, спрятав глаза. Она по-прежнему мне верила, и сейчас, после того, как я рассказал ей так много правды о себе, верила даже больше, чем день назад. Я мысленно себя похвалил.

Разговор прервался. Перекусив, Анна опять уткнулась в свою книжку, а я чуть потрянул поводьями, подгоняя ленивую скотину. Каждый метр дороги приближал меня к Ключам, а

там и к дому. И к выполнению обязательств перед Полянским. Угрызения совести меня не мучили. Я давно принял решение.

Добрыня будто почуял, что мы возвращаемся, и выслал навстречу отряд. В первый момент я испугался, увидев несущуюся навстречу телеге маленькую конницу. Но потом замелькали знакомые лица. Побледневшая Анна попыталась зарыться в шкуры с головой.

— Не бойся, это свои, — сказал я. — Дружина Добрыни.

Из шкур тут же высунулся любопытный курносый нос. Дружина Добрыни явно была здесь притчей во языцех.

Я придержал лошадь, и телега остановилась. Орлик приветственно заржал: видимо, тоже узнал своих среди лошадей дружинников. Ребята засмеялись, посыпались приветствия. Конопатый Андрей первым делом потрепал по холке Орлика, и лишь потом подошел ко мне.

— Не замерзли? — спросил он, протягивая мне руку.

— Есть немного, — я улыбнулся. — Знакомься. Анна, радиомастер.

— Здравствуйте, — Андрей трогательно покраснел и поклонился девушке. Она немедленно засмушалась, опустила глаза и ответила кивком. — Добрались без проблем?

— Да, все в порядке, — отчитался я. — Орлика заберите, хватит ему за нами тащиться.

— Как скажешь. А то хочешь, садись на него да вперед езжай. Мы доставим Мастера в целости и сохранности.

— Нет, — я качнул головой. — Я старосте обещал — до самой деревни. Лично.

— Будь по-твоему, — Андрей с трудом скрыл разочарование, и я понял, что в Ключах у девушки-Мастера отбоя не будет от кавалеров. — Мы будем поблизости. Давно пора лес прочесать в очередной раз.

Он свистнул, и конница рассыпалась по дороге и через несколько мгновений скрылась за поворотом. Анна проводила их изумленным взглядом.

— Они с тобой держатся, как с равным, — заметила она, когда скрылся последний всадник.

— Я же один из них. Они сами так решили, вот и ведут себя соответственно. И к тому же, Добрыня...

— А что Добрыня? — насторожилась Анна.

Я рассудил, что если поделюсь с ней своими подозрениями, особого вреда от этого не будет. Напротив, у нее появится дополнительная причина, чтобы быстрее связать меня с крейсером и отправить восвояси.

— Добрыня что-то мутит, — пояснил я. — Он сам предложил привезти тебя в Ключи. Хотел проверить, следят ли за мной с небес, с крейсера.

— Не следят? — Анна, только теперь догадавшись о такой возможности, испуганно взглянула вверх.

— Как видишь, нет. Иначе мы уже были бы на орбите. Я ему об этом говорил, но он не верил. На крейсере не в курсе, куда мы отправились. Место посадки «Птахи», конечно, они найдут, но это ни о чем не свидетельствует. Мы могли сделать базу подальше от области поиска. Поэтому высматривать меня с орбиты или с воздуха — все равно, что искать иголку в стоге сена. Но Добрыня хотел проверить. И вообще, у меня сложилось впечатление, что ему зачем-то нужна небесная лодка с чужаками.

— Чтобы уничтожить?

— Он вел себя так, как будто это главная цель. Но что-то там есть еще.

— Что, например?

— Не знаю, — честно ответил я. — Возможно, он ищет контакта. Хочет восстановить связи с остальным миром.

— Добрыня? — поразилась Анна. — Он же простой воевода! И зачем ему это?

— Понятия не имею — я пожал плечами. — Может, я придумываю, и все проще: ему нужен внешний враг, чтобы держать в тонусе своих мальчиков.

— В это я могу поверить, — кивнула Анна. — А контакт — это ты загнул.

— Пусть так. Но любопытства Добрыне уж точно не занимать. Потому он и меня не казнил, и за тобой поэтому послал, помяни мое слово. С таких людей все перемены и начинаются.

— Не пойму я тебя, Алексей, — тихо проговорила девушка. — На планетах Края ты перемен не хочешь, а о здешних с радостью говоришь. Это оттого, что тебе тут не жить?

— Это оттого, что перемены сами приходят, никого не спрашивая, — огрызнулся я. — Да и не радуюсь я, ты ошибаешься. И Добрыне говорил, чтобы он не вздумал с чужаками переговоры вести. На Краю народу ушлого полно. Быстро найдут, как Землю использовать, и Солнца не испугаются. Их только страх перед аборигенами сдерживает. И знаешь что? Насчет нового прибора ничего Добрыне не говори. Не будет же он проверять все, что ты делаешь. Соберешь, научишь меня пользоваться и вали на все четыре стороны. С остальным я сам разберусь. Поняла?

Я грубил ей намеренно, чтобы не начинать очередную дискуссию. Я уже заметил, что от разговоров в таком тоне она старается уйти. Так вышло и на этот раз: Анна коротко кивнула, не глядя на меня.

— И хватит об этом, — добавил я. — Мы подъезжаем. Вон и Добрыня, сам к заставе вышел.

И действительно, у ворот маячила могучая фигура.

7.

Следующие два дня я мало видел госпожу Бовва — она занималась тем, что чинила деревенскую аппаратуру, общалась с Добрыней и сводила с ума местных парней. Дружинники лишь о ней и судачили. Из каждого уголка двора доносилось: «Анна то, Анна сё». Я не участвовал в разговорах. Если честно, мне хотелось скрыться куда-нибудь подальше от всех, не смотреть никому в глаза и ни с кем не общаться. Эти люди приняли меня не так уж и плохо, не убили, хотя могли, а в последние дни и вовсе относились как к своему, а я собирался их обмануть. По-тихому скрыться и девушку прихватить с собой.

В конце концов я напомнил себе, что проблемы Края куда важнее, чем хорошее отношение местных ко мне. Без хорошего отношения я как-нибудь обойдусь, а вот Союз без Анны Бовва — нет. А раз так, то и рефлексировать нечего. Поэтому я продолжал заниматься верховой ездой и стрельбой вместе с Андреем, Семеном и остальными, делая вид, что твердо намерен стать дружинником. Физические упражнения на свежем воздухе хорошо помогали от лишних мыслей: вечером я падал на топчан лицом вниз и засыпал без сновидений.

На третий день я столкнулся с Анной утром на пороге дома Добрыни. Во дворе как раз никого не было. Я схватил девушку за локоть и увлек в сени, в дальний угол, заставленный какими-то бачками и ведрами.

— Ты делаешь прибор? Или между свиданками некогда? — спросил я, не здороваясь.

— Пусти! — она вырвала руку, но не закричала, заговорила вполголоса. — Я тебе

ничего не должна, забыл? И никаких свиданок у меня нет. Я работаю, если ты не заметил. А еще мне трех учеников привели. Я хотела здесь по-быстрому разобраться, но теперь, наверное, не получится. Да и вообще... — Она запнулась.

— Что — вообще? — напрягся я.

— Добрыня предлагает переехать. Вот я и думаю: какая разница, где мне жить, там или тут? Может, согласиться?

— Кто-то понравился, что ли? Из парней? — неожиданно предположил я.

Анна опустила голову, и я понял, что угадал. На душе стало совсем погано, но вместо раскаянья я почувствовал, что злюсь. Я ненавидел эту девчонку, из-за которой я оказался в такой передрыге, а Союз — на грани распада.

— Ты вот что, — прошипел я. — Можешь гулять, с кем хочешь. Хоть замуж выходи, но прибор мне сделай. Я вызову крейсер и тихо уйду. Никто моего отсутствия и не заметит, у них же теперь ты есть.

— Прости! Я помню, что ты просил. И я все сделаю. Потерпи немножко.

— Сколько?

— Дня два-три. Но знаешь, сигнал ведь засекут. У местных точно не будет неприятностей?

— Да с чего бы? — я удивился как можно натуральнее. На самом деле, я понятия не имел, как поведет себя крейсер Союза в такой ситуации. — Меня же здесь никто силой не удерживал, чтобы деревню с землей ровнять. Заберут аккуратно с ближайшей поляны в лесу, да и дело с концов.

— Хорошая идея, — согласилась Анна. — Так и договоришься, обещаешь?

Я кивнул. Обещанием больше, обещанием меньше — какая разница, если ни одного сдерживать не собираешься?

— Хорошо. Жди. Я за тобой приду, когда все будет готово.

— Договорились, — буркнул я и выпустил ее из угла. — Иди. Добрыня к завтраку ждет?

— Да, просил зайти, — она зарделась, и тут меня озарило. У воеводы не было ни жены, ни детей, что для его возраста было странно. Отчего, я не спрашивал, неловко было. Мало ли что произошло. Или не положено ему по статусу, или какое-нибудь несчастье случилось. Вот кто Анне приглянулся, несмотря на разницу в возрасте лет в десять, не меньше. Да и она ему понравилась, раз остался пригласил... для начала. А там, глядишь, и до чего-нибудь более серьезного дело дойдет.

Могло бы дойти, напомнил я себе. Но увы, ничего этим голубкам не светит. Я заберу Анну. Мне в любом случае придется это сделать, за мной одним десантный бот не пошлют. Но наивной Анне я сообщать об этом не стал. Пусть и дальше верит, что СБС готов прислать катер за пропавшим агентом-неудачником.

Интересно, куда делась Виктория, задумался я в очередной раз. Бывший аналитик, да к тому же с техническими знаниями и опытом, теоретически способен взломать пароли к системе «Птахи». Но крейсер на орбите засек бы старт и... Я поежился. Вспышку я бы отсюда не увидел, тем более днем. Да и ночью вряд ли. Слишком далеко я нахожусь от места предполагаемого взлета. Но Вики не такая дура, она не станет подставляться под бортовые орудия. Скорее всего, она действительно улизнула на катере на Марс. Это реально, хотя и рискованно. Что ж, надеюсь, за поимку Анны Бовва мне простят то, что агента Краснову я упустил.

Следующие три дня я жил обычной жизнью начинающего дружинника и как будто

начал к ней привыкать. За это время я здорово подтянул свой навык стрельбы, да и в рукопашном бою научился кое-чему новенькому. С Добрыней мы почти не виделись. С появлением Анны он потерял ко мне интерес. Должно быть, беседы с девушкой с небес полностью удовлетворяли его тягу ко всему необычному. Что ж, тем проще мне было. Добрыня мог заметить перемены во мне и что-то заподозрить, а ребят-дружинников можно было не опасаться.

На досуге я размышлял о том, что делать с Анной, как заставить ее пойти со мной к десантному катеру. Силой? Тогда придется брать и лошадь. Нас, разумеется, хватятся, но вряд ли успеют вмешаться. Таиться мне ни к чему, я все равно не собираюсь сюда возвращаться. Или попробовать заманить девушку на поляну обманом? Нет, не получится. Она не пойдет со мной. Зачем? Полюбоваться на агентов СБС, которых она обвела вокруг пальца? Такого рода тщеславие ей чуждо. А значит, выбора у меня нет. Только похищение.

Вечером четвертого дня я лежал на своем топчане в доме Добрыни и мрачно разглядывал потолок. Чья-то рука подергала занавеску.

— Можно? — тихо спросила Анна. — Ты не спишь?

— Т-с-с! Ты с ума сошла? — прошептал я, усаживаясь на топчане и отдергивая занавеску. — Нас же услышат.

— Передатчик готов. Приходи хоть сегодня, — перебила меня Анна. — Или вместе пойдем. Я как раз домой собралась и решила к тебе заглянуть, не ждать до завтра. Ты вроде бы просил срочно.

— А еще я просил об этом не болтать! — Я прекратил шептать, но голос понизил.

— Никто меня не видел, успокойся.

— Разве Добрыня тебя не провожает? На улице вот-вот стемнеет.

— Нет. А зачем? Кого тут бояться? Он, конечно, хотел, но я сказала, что мне нужно подумать. Я всегда думаю, когда хожу. Это удобно. Он все понял. Он вообще все понимает, — она опять опустила глаза и слегка покраснела. — В общем, пошли, если хочешь.

— Нет, — возразил я. — Я приду позже. Не ложись. Дождись меня. Кто еще будет в доме?

— Никого, — смутилась Анна. — Это очень мило с его стороны... Он сказал, что не хочет стеснять...

Маленький домик-радиорубку обычно отдавали в распоряжение радиста, я об этом знал, но не ожидал, что местный специалист любезно съедет, чтобы не мешать Мастеру своим присутствием. Эта маленькая удача подняла мне настроение. Значит, я все делаю правильно. Иначе судьба непременно насовала бы мне палок в колеса. А тут наоборот, зеленая улица. Заходи кто хочешь, бери что хочешь... Я встряхнулся и приказал себе не впадать в эйфорию без повода. Сначала нужно благополучно связаться с крейсером.

— Отлично, — кивнул я Анне. — Оставь дверь открытой, я приду попозже, как народ уляжется.

— Я ее и так не запираю, — она удивилась. — От кого?

Я поморщился.

— Ты ведешь себя так, как будто родилась здесь, — сердито заметил я. — «От кого!»

— Но здесь действительно не от кого запирается. Никто не обидит радиста, тем более Мастера. Да и вообще. Здесь все не так, как... там. — Она едва уловимо повела глазами на потолок.

— Не обманывайся. Здесь все точно так же. Просто реже встречается по понятным причинам. Потому что людей меньше и все на виду. Но человеческую природу не изменить. Она везде одинакова.

— Нет, — она сдвинула брови. — Ты не прав.

Это смотрелось комично, но у меня не было ни сил, ни времени ее разубеждать. Да и желания тоже.

— Давай закончим этот разговор, — предложил я. — Мне достаточно того, что дверь будет открыта. Я приду.

— А я-то все гадала: как ты можешь на самом деле этого хотеть? — задумчиво протянула девушка, не спеша уходить.

— Чего хотеть?

— Улететь. А теперь понимаю — ты считаешь, что разницы нет. Но здесь для тебя все чужое. И солнце готово взорваться со дня на день.

— А ты считаешь, что это волшебный маленький мир из сказки, где ты в полной безопасности, — насмешливо ответил я. — Без зла, насилия и вранья. Угадал?

— Не смейся.

— Но это действительно смешно. Пора проснуться, девочка. А впрочем... — Я запнулся. Мне совершенно не хотелось обсуждать с ней этот вопрос, это было не ее дело. И все же я договорил. — Я звездолетчик, Аня. Это моя жизнь. И я хочу туда вернуться.

— Думаешь, тебе позволят вернуться, а не арестуют? А то и вовсе расстреляют? За невыполнение приказа?

— Какого приказа? Я честно искал тебя, пока Краснова меня не предала. Или мне пешком тут было бродить?

— А вот это правда, — Анна помрачнела. — Только это не значит, что тебя отпустят. Тебя заставят вернуться и продолжить поиски. И что ты будешь делать тогда?

— Как-нибудь выкручусь. Уведу их подальше. Скажу, что тут все проверил и тебя не обнаружил. А там будет видно. Может, получится сбежать. У Вики же получилось.

Анна долго испытующе разглядывала меня. Потом кивнула:

— Ладно. Я тебя жду.

И наконец-то ушла.

Я выждал еще с полчаса, потом тихонько поднялся, оделся и вышел из дома. Никто меня не видел. Из вещей я взял только ружье. Стрелять в деревне я не собирался, а в лесу так будет спокойнее. Хотел сразу забрать и лошадь, но вовремя представил, как буду смотреться на деревенской улице, и выругался. Это усложняло задачу, но не очень сильно. Я надеялся, что до конюшни Анну как-нибудь дотащу. В крайнем случае, придется оглушить, чтобы не заорала. На этом я закончил разработку плана и переступил порог домика радиста.

— Леша? — окликнула меня девушка из дальней комнаты. — Иди сюда.

Я вошел. На столе у стены стоял громоздкий радиопередатчик, лежали три пары наушников. Все старое, но рабочее. Этим ребятам не помешало бы новое оборудование, подумал я. Понятно, почему Добрыня подумывает о контактах с небесными людьми. Он уже сообразил, что без таких контактов их ждет неизбежная деградация, и раздумывает лишь о том, как сделать эти контакты безопасными для их образа жизни. Пройдет еще немного времени, и до воеводы дойдет: никак. Или контакты, или безопасность и дальнейшее одичание. Интересно, что он выберет. Жаль, что я этого не узнаю.

— Ну и где передатчик? — спросил я. — Это обычное радио.

— Я не делала никакого передатчика. — Анна сидела за столом, повернувшись ко мне. Ее лицо было строгим и печальным.

— Как это не делала? — резко спросил я.

— Никакого специального передатчика не нужно. С крейсером на геостационарной орбите можно связаться с помощью любого радиопередатчика. Нужен только усилитель сигнала.

— И ты его сделала? — Я перевел дух, стараясь сделать это незаметно. Девчонка меня здорово напугала.

— Да. Но я не проверяла, хватит ли его мощности. Боялась выдать себя. Но должно хватить.

— Зачем же ты меня обманывала?

— Я думала... Я хотела... — Анна беспомощно посмотрела на свои руки, сцепленные на коленях, как будто они могли ей что-то подсказать. — Мне казалось, что ты... не уверен. Что ты захочешь остаться, если дать тебе время. Но потом увидела, что тебе это не надо. И я не имею права тебя удерживать.

— Ну спасибо, — я не удержался от сарказма. — Большое спасибо. А теперь показывай, что я должен делать.

— Да ничего особенного. Надень наушники. Вот микрофон.

Я надел наушники. Она включила прибор и принялась что-то крутить. Послышался свист и треск.

— Учти, — тихо сказала она. — Тебя услышат все местные радисты. Сам решай, что с этим делать. Я, конечно, скажу, что ты меня заставил. Но они узнают все, в том числе и место встречи.

— А защитить никак?

— Никак. Это очень примитивная техника. Ты сейчас будешь вещать буквально на весь свет. Я буду менять частоты. Молись, чтобы связисты крейсера отслеживали эфир. У тебя есть позывной?

— Конечно, — я чуть усмехнулся. — Ну что, поехали?

Она кивнула.

— «Скорый», «Скорый», я «Птаха», как слышите, прием? — заговорил я.

Не помню, сколько раз я произнес эти слова. Я не считал, а если бы и считал, но сбился бы со счета. Мне казалось, что прошла целая вечность, когда в наушниках неожиданно раздалось:

— «Птаха», я «Скорый», слышу вас хорошо. Прием! Вы где?

Анна вздрогнула, по моему лицу поняв, что я получил ответ.

— Краснова сбежала на шлюпке, бросив меня в процессе поисков, — ответил я. — Меня нужно забрать с планеты. Как поняли? Прием.

— Результат удовлетворительный? — раздался новый голос. Видимо, связист переключил меня на рубку. — «Птаха», как слышите? Я спрашиваю: вы нашли то, что искали?

— Да, нашел, — я посмотрел на Анну. Она вскочила. Я развел руками, словно говоря: «А что мне остается?», и жестом велел ей сесть. Как ни странно, она послушалась. — Заберите нас.

— Где вы находитесь?

— Попробуйте отследить сигнал.

— Оставайтесь на связи.

— Не тяните. Нас наверняка слушают.

— Вас понял. — Не прошло и минуты, как в наушниках вновь раздался тот же голос. —

Координаты определены, уточните место встречи.

— К северу от деревни есть большая поляна. — Я заметил ее во время наших тренировочных конных выездов. — Давайте там. Я разожгу костер для ориентира.

— Хорошо. Мы отправляем катер. Конец связи.

Анна вырубилась передатчик. Я сбросил наушники.

— А что мне было делать?! — воскликнул я. — Они бы иначе не полетели. Я не единственный, кого можно отправить на Землю искать тебя! Я просто пешка. И к тому же неудачник. Меня спокойно пустят в расход.

— Не говори так, — сердито сказала Анна. — Они бы все равно за тобой вернулись.

— Сомневаюсь, — пробормотал я. — Мне нужно идти.

— Удачи, капитан Артемьев.

Я медлил, глядя на нее. Это оказалось не так легко: взять и нарушить слово. Обмануть ее доверие. Применить силу к хрупкой девушке, в конце концов. Но выбора у меня по-прежнему не было.

— Прости, — сказал я.

— За что.

— За это. Вставай. Ты пойдешь со мной.

Она догадалась сразу. Все же ее наивность протиралась лишь до определенного предела, не переходя в клиническую глупость.

— Нет! — Она вскочила. — Нет! Не подходи!

Зря она поднялась со стула. Это была ошибка. Конечно, я все равно бы с ней справился, но понадобилось бы чуть больше времени и сил, и кто знает, вдруг эти минуты оказались бы решающими. Да и ударить сидящую женщину мне было куда сложнее психологически. Но Анна вскочила, облегчив мне задачу. Я вспомнил все то, чему меня научили за это время ребята-дружинники, сжал кулак и с размаху ударил ее кулаком по уху. Она жалобно вскрикнула, схватилась рукой за пострадавшее ухо, но не упала.

Тем хуже было для нее. Я приблизился, схватил ее за руку и выдернул из-за стола. Она плакала от боли, но пыталась сопротивляться. Без толку. Я скрутил ей руки и повалил на пол. Она закричала, но я рывком оторвал край рукава от ее платья, скомкал и засунул ей в рот. Она оцарапала мне руку, за что немедленно получила оплеуху и обмякла. Я оторвал рукав окончательно и завязал ей рот, так чтобы она точно не вытолкала кляп. Осталось связать ей руки, и дело будет сделано. Я хотел оторвать шнур от наушников, но в последний момент остановился. К черту. Этот антиквариат — последнее, что есть у бедных сектантов. Справлюсь и своим ремнем, брюки не потеряю.

Я связал Анне руки за спиной, рывком поднял на ноги и вывел на улицу. Она вырывалась, мычала, несколько раз пыталась упасть на землю. Я понимал: если нас увидят, мне конец. На месте, конечно, не убьют, но вот потом, когда все выяснится, пощады не будет.

Я бы давно оглушил девушку, чтобы дотащить до конюшни спокойно, но боялся не рассчитать силу удара. Мертвая Анна Бовва вряд ли устроила бы СБС, да и я не хотел брать на себя такого. Поэтому я тащил ее за собой до самых конюшен едва ли не волоком, матерясь сквозь зубы и молясь о том, чтобы никто не попался нам по дороге. Конюшни не

охранялись, и ночью здесь никого не было. Обычаи играли мне на руку. Я втащил Анну внутрь и швырнул на пол.

— Замри, а не то я спущу лошадей, и они тебя затопчут! — пригрозил я.

Это было не очень просто сделать, но я надеялся, что девушка этого не знает. Сработало — Анна притихла. Я отвязал Орлика, погладил по шее. Я понятия не имел, как он отреагирует на дополнительный груз, который, к тому же, орет и дергается, но колебаться было некогда. Я быстро набросил на гнедого седло, закрепил подпругу. Поразительно, как быстро я научился этому. Руки все делали сами, как будто я имел дело с лошадьми всю жизнь. Я еще раз погладил гнедого и за узду подвел его к Анне. В темноте я не видел ее глаз.

— Будешь дергаться, он тебя укусит, — предупредил я. — Это боевой конь. Он обучен нападать на врагов. Вставай!

Анна послушно поднялась. Похоже, она поверила. Прекрасно. Я вышел из конюшни, держа одной рукой повод, а другой локоть девушки. Темнота служила мне подспорьем. Не было даже луны. Я остановился, подхватил Анну за талию и посадил на коня.

— Ногами держись! — приказал я и запрыгнул сам. Мы с трудом, но поместились вдвоем в седле. — Сиди смирно, — тихо сказал я прямо в ухо Анне. — Иначе я тебя не удержу. Будешь дергаться, упадешь на полном скаку, и мало не покажется.

И я пустил коня в галоп, спеша покинуть деревню.

8.

Большую часть пути гнедого пришлось вести в поводу: ездить верхом по незнакомому лесу в полной темноте я пока не умел. Нужная поляна нашлась быстро, я хорошо запомнил, как до нее добираться. Усадив девушку в снег, я принялся торопливо ломать еловый лапник и складывать в кучу. Спички у меня были, и вскоре еловые иголки затлели и вспыхнули. Анна, смирившись со своей участью, сидела молча, не шевелясь. Я подошел и развязал ей руки, чтоб не отмерзли на морозе, но кляп оставил. Боялся, что она начнет меня стыдить или уговаривать, или кричать и звать на помощь. В общем, действовать мне на нервы.

Межпланетный катер я услышал издалека. Характерный низкий гул трудно было с чем-нибудь спутать. Огней пилот не зажигал, хватало той телеметрии, что шла на экраны от радаров. Я пнул ногой костер и, подхватив девушку под руку, отступил под деревья. Пусть сначала приземлятся полностью и заглушат двигатели.

Гул усилился, земля задрожала. Анна сделала попытку вырваться из моих рук, и я раздраженно встряхнул ее: «Не дергайся!» Она что-то замычала, но я не стал прислушиваться.

Катер на мгновение накрыл темной тенью поляну и замер на другом ее краю. Это был крупный десантный бот, не чета маленькой шлюпке, которую похитила Вики. Та была и тише, и маневреннее. Гул стих. Я отпустил повод гнедого, и тот шархнул в сторону. Я хлопнул его по крупу, прогоняя прочь. Конь найдет дорогу домой, я в этом не сомневался. А мне пора сдавать груз и возвращаться на «Птаху».

Я очень хотел еще немного пожить обычной жизнью капитана торгового флота Края Галактики. Никто не узнает о моей роли в поимке Анны Бовва, а создание и внедрение сети м-связи — не такое уж легкое дело. Это займет годы. Я успею. Но теперь Край точно не захлестнет волна беспорядков, контрабандисты не узаконят своих доходов, а политики не смогут сыграть на чувствах людей и на их любви к красивому слову «свобода». Да, они будут

играть на чем-то другом. Так уж устроен мир. Каждого не спасти. Но я сделал все, что было в моих силах, чтобы люди не умирали за чужие идеи.

Катер зажег носовые огни, и его хищный силуэт обозначился на фоне леса. Боковая дверь отодвинулась, над ней вспыхнул прожектор, освещая поляну. Наружу высунулись стволы автоматов, потом показались и фигуры десантников в шлемах.

— Капитан Артемьев! — позвал один из них. — Вы здесь?

Я вышел на поляну, толкая впереди себя Анну. Внезапно она снова начала вырываться и мычать что-то неразборчивое.

— Спокойно! — я сердито встряхнул девушку. — Все кончено. Тебе придется вернуться.

— Отпустите ее, и пусть идет к нам! — крикнул десантник.

Анна замотала головой, продолжая что-то мычать и прижиматься ко мне спиной. Я прикусил губу и подтолкнул ее вперед, но отпускать не спешил. Так мы прошли половину поляны. Откуда раздались выстрелы, я понял не сразу, просто упал, повинувшись инстинкту, и потянул за собой Анну. Десантники вскинули автоматы и принялись палить очередями в нашу сторону. Пули свистели над головой. Анна дергалась, пытаясь то ли уползти, то ли вскочить. Я слышал, что в такой ситуации люди часто теряют разум, встают, бегут и попадают под пули. Я держал ее крепко, а сам попытался поднять голову и посмотреть, кто начал палить из-за наших спин. Местные? Но земля загудела, подсказывая: ничего подобного. Шлюпка с «Птахи» спикировала сверху и зависла почти над нами. Автоматные пули щелкали по обшивке и сыпались вниз, не причиняя машине никакого вреда.

— Вики? — прошептал я.

Она твердой рукой опустила шлюпку еще ниже, вклиниваясь между нами и десантным ботом. Я и не знал, что с этой верткой посудиною можно проделывать такие маневры. Вики не просто умела ее водить, она делала это виртуозно. И она никуда не пропадала — она наблюдала с воздуха, слушала эфир и ждала, когда я приведу Анну в условленное место. Ей тоже была нужна госпожа Бовва. На кого работала агент Краснова? Кто ее заказчики?

Я почувствовал себя преданным дважды. Нет! Этот номер у нее не пройдет. Я выполню то, что обещал генералу Полянскому. Анна Бовва в обмен на мир. Я приподнялся и пополз к десантному боту, волоча за собой девушку. Она вырывалась и наверняка что-то мычала, но звуки выстрелов заглушали все.

— Не стреляйте! — крикнул я. — Не стреляйте! Заберите Бовва!

Все происходило очень быстро. Десантный бот прекратил огрызаться очередями. Вики не стреляла — заканчивала маневр. У меня оставалось несколько секунд до того, как ее — моя! — шлюпка вклинится между нами и десантниками. Я рывком поднялся на ноги и подтолкнул Анну к двери бота. Она никуда не побежала, но отлепилась от меня. Им этого хватило. Стреляли почти в упор, я никак не успел бы среагировать. Меня отшвырнуло назад, и я упал.

Шок. Я слышал об этом, но не думал, что когда-нибудь испытаю. Боли не было, я просто не мог встать. Анна кинулась ко мне. Надо мной метался луч прожектора, а потом небо потемнело: Вики все-таки закрыла нас от десантников, но не посадила шлюпку, а удерживала возле самой земли. Из-под сопл струился жар. Анна развязала тряпку, которой я обмотал ей лицо, вырвала кляп.

— Капитан! Какой же вы дурак! — она орала мне в лицо. — Я же вам говорила! Вам не позволят вернуться! И вы меня называли наивной! — По щекам у нее текли слезы.

Боковая дверца шлюпки отодвинулась.

— Скорее, — оттуда выглянула Вики. — Скорее! Я застопорила эту посудину, но долго она так не провисит. Полезайте!

— Он ранен! — крикнула Анна.

— Черт! — Вики спрыгнула вниз. — Я помогу. Лезь. Быстро.

Она посадила Анну, и та влезла в шлюпку. Шок продолжался. Я все видел и слышал, но не мог шевельнуться. Боли не было. Я не поверил, что они справятся, но у них получилось. Вики приподняла меня, Анна втащила вверх. Земля снова задрожала. Десантники собирались подняться в воздух и напасть оттуда.

— Быстрее!

Вики положила меня прямо на пол шлюпки, захлопнула дверцу и кинулась к штурвалу. Анна пыталась расстегнуть мне куртку. Я заорал. Боль включилась щелчком, и все поплыло. Перегрузка добавила ощущений. Вики уходила на форсаже, свечкой в небо. Я уже видел такое. Она любила лихачить, мечтала о свободе и ненавидела СБС куда сильнее меня. И никаких иллюзий, в отличие от меня, не питала. Она была готова к тому, что списана в расход, но не собиралась сдаваться. Галактика, Союз, Край... Не все ли равно? Нужно жить для себя, а не для других. Так она всегда говорила. И действовала, исходя из этого принципа. Она спасала себя, Анну, меня. На прочее ей было плевать.

— Капитан! — теребила меня Анна.

Я снова заорал. Каждое прикосновение было как пытка. Все вокруг пропиталось чем-то липким. Моя кровь, понял я. «Птаха». Пароли. Вики сможет поднять корабль. Если сразу прыгнуть в гипер... Это опасно, но возможно, и она это знает. Она отчаянная и обязательно рискнет. «Скорый» слишком неповоротлив. И к тому же, они не станут стрелять, пока на борту Анна Бовва.

— Пароли... — прохрипел я.

— Что? — Анна наклонилась поближе.

— Пароли... от системы... — я шептал, преодолевая боль. — Не взлетите. Запиши...

Анна растерянно оглянулась.

— Вики... — подсказал я.

Она как будто услышала: возникла рядом, опустилась на колени. Анна кинула на нее испуганный взгляд.

— Все в порядке! — Вики сдула челку со лба. — Мы ушли. Не видно ни черта, а они медлительней раза в три. Вверх, потом вниз. Через несколько минут будем на месте. Что с ним?

Анна молча развела руками.

— Я опоздала, — Вики прикусила губу. — Это моя вина. Я думала, успею...

— Пароли, — настойчиво повторил я. — Возьми экран. Запиши.

— Ты не умрешь, слышишь? — Вики хотела встряхнуть меня, но Анна перехватила ее руку и молча покачала головой. — Не смей! Мы вот-вот будем на «Птахе». До Марса рукой подать. Там есть врачи.

— Я не дотяну... до Марса...

Наверное, наступила новая стадия шока. Я мог говорить, а боль как будто притупилась. И мне было холодно. Очень холодно. Я слышал, что люди засыпают от холода, в снегу. Засыпают и умирают. И это хорошая смерть, без боли. И я хотел умереть так же. Просто уснуть. Но сначала пароли. И еще кое-что.

— Зачем? — прошептал я.

Она поняла.

— Союзу все равно конец, Алекс. Разве ты сам не догадался? Ты надеялся, что м-связь изменит мир тихо и незаметно? Но так не получится. С м-связью Край Галактики не станет доступнее, он попросту исчезнет как понятие. Люди, деньги, земля, ресурсы — все это можно разделить, присвоить и получать доход, не вставая с дивана. До сих пор этого не было сделано лишь потому, что миры Края нельзя толком контролировать. Но если это станет возможным... Внедрением на планетах печати и тотальной слежки, как в Центре, никто не ограничится. Ставки куда выше, капитан. И те, кто будет участвовать в дележке, они всё уже подсчитали, поверь. Им не хватает только освоенной технологии. Но Край не сдастся так легко. С чего бы? Никто не хочет быть взвешенным и проданным с торгов. У крупных окраинных планет свои интересы. Так что война неизбежна, Алекс, и с м-связью она начнется даже быстрее, чем без нее.

Мне нечего было ответить. По-своему она была права, и сейчас мне казалось странным, что этот вариант развития событий я упустил. При таком раскладе мое решение отдать Анну безопасникам уже не выглядело единственно верным. Но Вики не стала спорить, не попробовала убедить меня в своей правоте. Она просто сделала так, как сочла нужным.

— Я знала, что ты за ней поедешь, — сказала она, склоняясь надо мной. Удивительное дело! Я сам об этом не подозревал, а она знала. И ведь не ошиблась. — Думала, что успею вернуться и подобрать вас. Не успела. Но и ты хорош! Куда ты полез?! Зачем отпустил от себя девчонку? Не сообразил, как с тобой поступят?!!

Она ругалась, но в глазах у нее стояли слезы, и это почему-то было приятно. В кои-то веки я оказался кому-то не безразличен. Жалко, что поздно.

— Пиши, — прошептал я. — Три. Восемь. Восемнадцать. Джей. Пи. Тридцать два. Собака. Решетка. Четыре. Пять нулей. Семь. И еще. Подойди. Наклонись ближе.

— Что? — Ее волосы защекотали мне лицо, а щека, коснувшаяся моей, была горячей.

— Запомни, — прошептал я и сказал ей позывной для связи с Братством Тени. — Удачи... вам.

Я закрыл глаза.

— Алекс, нет! — Вики встряхнула меня, причиняя боль и вырывая из желанного забытья. — Не смей умирать! — Она оглянулась. — Анна! Мы подлетаем. Мне нужно в рубку. Тереби его. Не дай уснуть. Мы успеем.

Я не понял, что именно мы должны успеть. Все звуки исчезли, и меня накрыло темнотой.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net